

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ**
юридического факультета
Выпуск 33 (43)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

ББК 67
У91

Председатель редакционной коллегии
ректор СПбГЭУ, д. э. н. **И. А. Максимцев**

Научный редактор
декан юридического факультета, д. ю. н. **А. А. Ливеровский**

Редакционная коллегия:

д. п. н., проф. **В. А. Ачкасов**, д. ю. н., проф. **Г. Г. Бернацкий**,
д. э. н., д. ю. н., проф. **М. Н. Бродский**, д. ю. н., проф. **Г. П. Ермолович**,
д. ю. н., проф. **М. И. Клеандров**, д. ю. н., проф. **В. А. Кряжков**,
д. ю. н., проф. **В. В. Мамонов**, к. ю. н., проф. **М. А. Митюков**,
д. ю. н. **А. Б. Новиков**, д. ю. н., проф. **В. А. Сапун**,
д. ю. н., проф. **А. П. Сергеев**, д. ю. н., проф. **В. И. Тюнин**

Ответственный секретарь
к. т. н., доцент **В. Н. Антонов**

Журнал «Ученые записки юридического факультета» Санкт-Петербургского государственного экономического университета входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки РФ при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

У91 **Ученые записки юридического факультета**. Вып. 33 (43) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2014. – 85 с.

Первый выпуск журнала «Ученые записки» Института права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов вышел в 1999 году. До 2004 года было опубликовано 10 выпусков журнала. В июне 2004 года журнал зарегистрирован как средство массовой информации под названием «Ученые записки юридического факультета». В журнале печатаются работы, посвященные теоретическим исследованиям в различных отраслях права и анализу юридической практики.

Подписной индекс по каталогу агентства «Роспечать» – 46705.

Учредитель издания – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-57278.

ББК 67

ISSN-1563-2547

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Теоретические исследования

<i>Баранецкий О. А.</i> Полицейское государство: генезис и особенности	5
<i>Соколов Т. В.</i> Конституционные дефекты норм права: понятие, виды и средства устранения	10

Раздел 2. Юридическая практика

<i>Капустин А. А.</i> Опережая преступность. Системный подход (метод) в действии	17
<i>Кузьмин С. В.</i> К вопросу о понятии тактического приема	28

Раздел 3. Письма в редакцию

<i>Антонов В. Н.</i> Стабильная конституция – основа развивающегося общества	33
--	----

Раздел 4. Ежегодная конференция профессорско-преподавательского состава

<i>Абрамова Е. Н.</i> Ценные бумаги: к вопросу о терминологии	37
<i>Аверьянова О. В.</i> Правовое регулирование экономики: стратегический потенциал как фактор конкурентного преимущества предприятия	39
<i>Андреева Е. М.</i> Современное состояние рынка ценных бумаг России, перспективы его развития	41
<i>Болотина Е. В.</i> О схожести моделей местного самоуправления в России и во Франции	44
<i>Гулько В. А.</i> Налоговая преступность – угроза экономической безопасности государства	46
<i>Ермолович Г. П.</i> Терминология и современное международное право	48
<i>Коломейцева Т. А.</i> Принцип самостоятельности местного самоуправления в решении вопросов местного значения и некоторые особенности его реализации	50
<i>Мамонов В. В.</i> Изменения избирательного законодательства в преддверии муниципальных выборов в Санкт-Петербурге	52
<i>Нурьшев Г. Н.</i> Современная внутренняя геополитика России: этнополитические вызовы	58
<i>Озеров В. С.</i> Проблемы и пути совершенствования российского законодательства. О нормах трудового права	60
<i>Пастернак С. Н.</i> Актуальные проблемы формирования органов конституционной юстиции (на примере Польши и России)	62
<i>Рогачевский А. Л.</i> К истории цензуры в СССР: государственный контроль за картографической информацией в сфере туризма (середина 1950-х – середина 1980-х гг.)	64
<i>Субботин Ю. В.</i> Наказание за преступление (роена pro crimem) по «божественному» и «человеческому» праву в воззрениях Б. Спинозы	66
<i>Терещенко Т. А.</i> Осуществление функций иностранного производителя: отдельные вопросы привлечения к ответственности	68
<i>Фомин А. А.</i> Конституционная природа чрезвычайных средств обеспечения безопасности	75

Part 1. Theoretical studies

- Baranetsky O. A.** Police state: genesis and features 5
Sokolov T. V. Constitutional defects of law: concept, types and means of addressing 10

Part 2. Legal practice

- Kapustin A. A.** Ahead of the crime. Systematic approach (method) in action 17
Kuzmin S. V. On the concept of tactical receptions 28

Part 3. Letters to the editor

- Antonov V. N.** Stability of Constitution – the basis of a developing society 33

Part 4. Annual conference of teaching staff

- Abramova E. N.** Securities: to the question of terminology 37
Averianova O. V. Legal regulation of economy: strategic capacity as a factor of competitive advantages 39
Andreeva E. M. Current status of the securities market in Russia, perspectives of development 41
Bolotina E. V. About similar models of local government in Russia and France 44
Gunko V. A. Tax crime – the treat of economic security state 46
Ermolovich G. P. Terminology and contemporary international law 48
Kolomeitseva T. A. Principle of independence of local government in addressing local issues and some features of its implementation 50
Mamonov V. V. Amendments to election law in anticipation of municipal elections in St.-Petersburg 52
Nuryshev G. N. Modern Russian interior geopolitics: ethnopolitical challenges 58
Ozerov V. S. 60
Pasternak S. N. Current problems of formation of constitutional justice (the case of Poland and Russia) 62
Rogachevskiy A. L. The history of censorship in USSR: State control over cartographic information in tourism (mid-1950s-mid-1980s.) 64
Subbotin Y. V. Punishment for a crime (poena pro crimem) by «divine» and «human» rights in the views of Spinoza 66
Tereshenko T. A. Realization of functions of foreign manufacturers: some issues to responsibility 68
Fomin A. A. Constitutional nature of emergency vehicles of safety 75

Раздел 1
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. А. Баранецкий
O. A. Baranetsky

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ
POLICE STATE: GENESIS AND FEATURES

Жизнь отдельного человека и общества в целом, помимо обусловленности объективными факторами, испытывает существенное влияние факторов субъективных, в частности, социально-политические процессы зависят от восприятия того или иного явления в сознании больших групп людей.

Например, словосочетание «полицейское государство», как правило, вызывает в сознании людей образы жестокой государственной власти, действующей лишь в соответствии с собственным произволом и угнетающей граждан. Часто подобное субъективное восприятие сложного политико-юридического феномена используется политическими силами, которые стремятся к снижению авторитета действующей государственной власти, к уменьшению возможностей аппарата принуждения и к ослаблению, в различных областях общественной жизни, контрольно-надзорных функций компетентных органов. Кроме того, помимо абсолютной негативизации понятия «полицейское государство», в целях достижения указанных практически-политических результатов, осуществляется активное противопоставление идей свободы, с одной стороны, и принципов обеспечения общественного порядка, а также соблюдения действующего законодательства – с другой.

Однако следует заметить, что упоминаемые выше субъективные воззрения являются лишь мнением, пусть и таким, которого придерживаются активные и влиятельные слои населения. Еще Аристотель отличал знание достоверное от вероятного, относящегося к области мнения¹. В противовес мнениям, которых может быть бесчисленное множество, наука опирается на достоверные и проверяемые знания.

Важным фактором для рассмотрения особенностей происхождения феномена полицейского государства являются достижения отечественной юридической науки. В связи с этим можно заметить, что еще дореволюционная российская юриспруденция уделяла значительное внимание рассматриваемому понятию: в XIX – нач. XX в. издавались научные труды, посвященные так называемому «полицейскому праву». Среди наиболее известных следует назвать произведения И. Е. Андреевского, Н. Х. Бунге, В. М. Гессена, И. Т. Тарасова.

Итак, рассмотрим первый аспект генезиса полицейского государства – его преемственность с предшествующими формами организации общества.

Истоки возникновения полицейского государства отчетливо видны в эпохе преодоления феодальной раздробленности и образования классических национальных государств – в период перехода от Средневековья к Новому времени. По выражению российского правоведа Ивана Трофимовича Тарасова (1849–1929 гг.), «в новых государствах Европы, после того как государственная власть, поборов центробежные элементы феодализма, окрепла настолько, что могла расширить свою деятельность дальше заботы об одной лишь внеш-

ней безопасности, – для этой деятельности в сфере внутреннего управления и найден был подходящий термин в понятии... о полиции, в отличие от деятельности государственной власти в сфере внешнего управления, т. е. политики»².

Полиция, как учреждение государственного или правительственного характера, возникает первоначально в XVI в. в качестве лишь городской организации, имеющей в качестве цели только охрану безопасности. Тем не менее вскоре такое положение изменилось. Укрепившаяся государственная власть, достигая положения абсолютизма, могла увеличить сферу своей деятельности во внутреннем управлении, не ограничивая ее только охраной безопасности. В дальнейшем столь многоаспектное увеличение сферы надзорно-контрольных функций институтов полицейского государства, продиктованное стремлением к эффективному осуществлению государственного патернализма, способствовало тому, что некоторые ученые стали выделять в качестве главного признака полицейского государства именно множественность административных функций в самых разнообразных областях жизни. В частности, доктор юридических наук В. М. Гессен утверждал, что «отличительная черта полицейского государства – невероятная многопредметность административной деятельности, регламентация мельчайших подробностей народной жизни...»³.

Важным представляется то, что описываемые процессы изменения политической организации общества нельзя трактовать как вторжение государства в некие, бывшие ранее свободными от постороннего контроля сферы жизнедеятельности людей. Напротив, та «регламентация мельчайших подробностей народной жизни» и «мелочная опека», которые В. М. Гессен трактует как проявления сущности одного лишь полицейского государства, также были характерны для некоторых форм организации общественной жизни, предшествовавших данному институту, а именно для административной и надзорно-контрольной деятельности полицейского государства общественное управление средневековых городов давало готовый образец. В области муниципального управления можно проследить, как это управление распространило свою опеку не на одну только организацию охраны внешней и внутренней безопасности, но также практически на все иные области общественной и даже частной жизни. Данной готовой моделью и воспользовалась государственная власть, когда начала преодолевать свойственные Средневековой феодальной нормы социального устройства. Государство присоединило к заботе о безопасности еще целый перечень задач внутреннего управления, конечная цель которых должна была заключаться в способствовании народному благосостоянию, в достижении общего блага. И. Т. Тарасов подчеркивает преемственность патерналистской политики средневекового города и возникшего позднее полицейского государства: «С этого времени начинается самая тщательная регламентация в многочисленных т. н. полицейских уставах (Polizeiordnungen) всего, что, казалось, имело отношение к государственной безопасности и благоустройству; государственная власть берет на себя заботу обо всем и обо всех, она пытается сделаться как бы одним общим опекуном, и это приводит в конечном результате к возникновению типа т. н. полицейского государства (Polizeistaat), которому, как явствует из раньше сказанного, предшествовал тип средневекового полицейского города (Polizeistadt)»⁴.

Вторым аспектом генезиса полицейского государства является его связь с теорией о естественных правах человека.

Казалось бы, с точки зрения распространенного сегодня мнения понятия «права человека» и «полицейское государство» являются практически взаимоисключающими, так как последнее интерпретируется как авторитарный институт, подавляющий права граждан. Тем не менее знания, накопленные современной наукой, опровергают такой упрощенный взгляд. В частности, В. В. Лазарев утверждает, что «особенность полицейского государства, обычно не принимаемая во внимание, заключалась как раз в том, что оно стремилось к благоденствию граждан, устранению нищеты, невежества, других социальных проблем,

² Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. М.: Юрид. Вестник, 1891. С. 1.

³ Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901–1902 учебн. году в Александровской военно-юридической академии. СПб.: Тип. лит. М. Гинсбурга, 1902. С. 3.

⁴ Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. С. 2.

правда, весьма своеобразными методами. В теории государство этого типа пыталось сделать жизнь каждого человека достойной как в материальном, так и в духовном смысле. В связи с этим не следует сводить сущность полицейского государства только к голому насилию, как это почти всегда имеет место. Один из теоретиков полицейского государства И.-Г.-Г. Юсти писал, что бедность «соблазняет людей ко многим порокам». Благополучие, в первую очередь материальное, объявлялось естественным правом человека»⁵. Следовательно, можно утверждать о некоей схожести понятий «государство полицейское» и «государство социальное»: для каждого из них характерны пристальное внимание к решению социальных проблем (устранению нищеты, необразованности и т. д.), опора на активную деятельность государственных органов в деле борьбы с данными проблемами, внимание к самым разнообразным аспектам жизни граждан. И, с другой стороны, становится очевидным то, что данные типы государственной организации противоречат либеральной концепции «государства как ночного сторожа».

Нормы полицейского государства в отношении экономической политики также позволяют утверждать об эгалитаристских тенденциях, свойственных данной форме социальной организации: «Почти все теоретики-полицейсты без исключения, несмотря на некоторые различия в подходах по тому или иному вопросу, сходились в том, что только то государство может рассчитывать на успех, в котором нравственность, добродетель и честный производительный труд, а не спекулятивные операции готовыми продуктами являются высшими ценностями. Это одна из немногих теоретических посылок полицейского государства, против которой трудно что-либо возражать»⁶.

Важно также отметить существенную роль экономических (меркантилистских по сути) мероприятий полицейского государства в создании базовых элементов национальной индустрии. Об этом, не скупясь на исторические примеры, пишет даже являющийся критиком данной модели В. М. Гессен: «Меркантильное учение самым безусловным образом применялось на практике полицейским государством. Всем известна колониальная политика Англии, направленная к тому, чтобы все сырье колоний, во что бы то ни стало, под угрозой беспощадной репрессии – привозилось исключительно в Англию. Известна политика Петра Великого и Екатерины, стремившихся, во что бы то ни стало, – нередко, “рассудку вопреки, наперекор стихиям” – насадить у нас фабрично-заводскую промышленность. Для содействия обрабатывающей промышленности полицейское государство не останавливалось ни перед чем. В Англии при Карле II вывоз шерсти был объявлен государственной изменой и виновный подвергался конфискации всего имущества и смертной казни. Для развития шерстяного производства в 1678 г. в той же Англии предписано было хоронить мертвых не иначе, как в шерстяной одежде»⁷.

Таким образом, можно утверждать, что ряд существенных особенностей концепции полицейского государства имеют актуальный характер и для современной деятельности политико-правового характера. Следовательно, неправомерным является утверждение о существовании в реальности каких-либо «чистых» моделей организации социальной жизни: в частности, нельзя утверждать, что в настоящее время существуют некие развитые страны, в полной мере воплотившие идеал правового государства и абсолютно лишённые в политической практике элементов, связанных с государством полицейским. По выражению современного комментатора, «в развитых странах мы имеем не чистые модели, а разные градации сочетания либерального государства с элементами полицейщины и полицейского государства с элементами права»⁸.

Ввиду данной сложной взаимосвязи понятий «государство правовое» и «государство полицейское», а также по причине многоаспектности смыслового содержания последнего не-

⁵ Общая теория права и государства. Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 223.

⁶ Там же. С. 225.

⁷ Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901–1902 учебн. году в Александровской военно-юридической академии. С. 7.

⁸ Рубцов А. Полицейское государство присвоения всеобщего блага // URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/8874501/novoe_policejskoe_gosudarstvo?full#cut.

которые исследователи резко критикуют сложившееся в политической практике легкомысленное отношение к употреблению термина «полицейское государство». В частности, М. В. Ремизов оценивает современное положение в отношении рассматриваемого нами научного понятия как низведение его до уровня лишённого научной строгости и точности «ярлыка», используемого против политических противников различными силами. В частности, он утверждает, что «полицейское государство» – это обвинительное идеологическое клише, производное от одной из базовых, системообразующих функций государства как такового – полицейской функции. Государство неотъемлемо от права, а право неотъемлемо от полицейской силы. В этом смысле любое государство является как правовым, так и полицейским. И именно постольку, поскольку оно является правовым, оно является также и полицейским»⁹.

Третьим аспектом генезиса полицейского государства является его обусловленность конкретно-историческими условиями и его значение в контексте социально-политического прогресса.

Классическое полицейское государство сыграло в истории определенную позитивную роль. Преодолевая феодальную раздробленность, соединяя феодальные территории в одно целое, демонстрируя преимущества единой государственной власти и законности в противовес произволу отдельного феодала, полицейское государство создало фундамент для существующих на современном этапе национальных государств. «При всех обстоятельствах оно сделало кровавую, трудную и важную работу. На территории современной Франции, например, когда-то существовали десятки княжеств, герцогств, графств и т. п. Отношения между ними и внутри них напоминали известную формулу Гоббса “война всех против всех”, и полицейское государство покончило с этим положением»¹⁰.

Ввиду указанных фактов представляется обоснованным утверждать, что рассматриваемый нами термин в конкретно-историческом контексте несет вполне определенный смысл: как правило, полицейское государство – воплощение одной из парадигм «сильного государства». Часто политико-правовая система, содержащая атрибутивные признаки полицейского государства, создается в переходные периоды или в эпохи масштабных социальных катаклизмов (в течение или после окончания войны, в качестве негативной реакции на внутрисоциальные конфликты и т. д.) т. е. в то время, когда осуществление жестких мероприятий властно-принудительного характера требуется для эффективного обеспечения системных качественных изменений общественного организма. В подтверждение тезиса о том, что полицейское государство возникает зачастую в обстановке нарастающих угроз для общества и стремится, прежде всего, к устранению социальных опасностей (приоритетнее, чем к соблюдению интересов отдельных личностей), можно привести суждение немецкого ученого-правоведа Лоренца Штейна (18 ноября 1815 г. – 23 сентября 1890 г.): «Настоящий полицейский строй начинается только там, где задача внутреннего управления обеспечить общество от опасностей выступает как самостоятельная функция с собственным организмом и собственным правом. Очевидно, система и право этого полицейского строя образуются по природе именно этой специфической задачи, которую он берет на себя во внутреннем управлении, и в развитии первой из второго заключается поэтому то, что мы теперь должны назвать наукою полицейского права. Сущность этой задачи заключается в том, что полиция должна заниматься отвращением угрожающих опасностей»¹¹. Следовательно, можно кратко охарактеризовать полицейское государство как государство общественной безопасности и порядка.

Являясь институтом мобилизационного типа, полицейское государство, с одной стороны, призвано, посредством активного использования аппарата принуждения, реа-

⁹ Ремизов М. Полицейское государство – авторитарное государство // Русский журнал. 24.09.2010 // URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Policejskoe-gosudarstvo-avtoritarnoe-gosudarstvo>.

¹⁰ Общая теория права и государства. Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. С. 226.

¹¹ Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии: руководство, изд. Лоренцо Штейном, проф. Вен. ун-та, как основание его лекций / пер. с нем., под ред. [и с предисл.] И. Е. Андреевского, орд. проф. Санкт-Петерб. ун-та. СПб.: А. С. Гиероглифов, 1874. С. 114.

лизывывать защитно-охранительные функции, оберегая жизненно важные для данного социума структуры. С другой стороны, в ситуации внешнеполитического вызова или внутрисоциального кризиса полицейское государство должно осуществлять соответствующие грозящей опасности преобразования общественных структур. В любом случае, видно, что при воплощении в жизнь указанной концепции организации государственной власти явный приоритет отдается запретительным, силовым, централизованным способам управления, а активность «сил порядка» подчеркнута демонстрируется правящими силами. Фундамент государственной системы еще в более явной мере, чем в государствах иного типа, формируется за счет силовых органов и структур, а само государство шире реализует такие функции, как хозяйственная, воспитательная и др. Так как в самой сути концепции полицейского государства находится идея достижения «благополучия для всех», то в управленческой практике укрепляется тенденция к подробной регуляции самых разнообразных общественных отношений, что вызывает свойственный данной модели «недуг» – расширение государственного формализма и бюрократизма¹².

Подводя итог рассмотрению особенностей понятия «полицейское государство» и аспектов его генезиса, можно сделать вывод о том, что с точки зрения юридической науки термин «полицейское государство» вовсе не является одиозным и однозначно негативным. Классическое полицейское государство, как специфический социально-политический институт, в течение продолжительного исторического периода обеспечивало развитие многих народов и лишь в позднейшее время, в силу совокупности условий, было вытеснено иными моделями общественного устройства. Поэтому следует воспринимать данный феномен без идеологической ангажированности – с научной беспристрастностью и вниманием к конкретно-историческим условиям, способствующим его формированию и функционированию.

Однако следует принять во внимание тот факт, что и в нынешнее время существует и находит частичное воплощение в практике государственного управления концепция полицейского государства в широком смысле слова – в виде системы идей, связанных с полицейским государством как синонимом приоритетного обеспечения общественного порядка и безопасности. Иначе говоря, «идеи, питающие философию полицейского государства, продолжают оставаться таким же атрибутом общественного сознания, как и либеральные теории»¹³.

Аннотация. В статье исследуются аспекты генезиса феномена полицейского государства. Осуществляется анализ отличительных особенностей полицейского государства. В ходе рассмотрения поставленных вопросов, связанных с концепцией полицейского государства, используются труды В. М. Гессена, И. Т. Тарасова, Л. Штейна, иная научная литература, а также материалы периодической печати.

Ключевые слова. Полицейское государство, генезис понятия, государство, право, В. М. Гессен, И. Т. Тарасов, Л. Штейн.

Annotation. In article aspects of genesis of a phenomenon of a police state are investigated. The analysis of distinctive features of a police state is carried out. During consideration of the questions posed connected with the concept of a police state, works of Hessen V. M., Tarasov I. T., Shtein L., other scientific literature, and also periodicals materials.

Keywords. Police state, concept genesis, state, law, Hessen V. M., Tarasov I. T., Shtein L.

¹² Коновалов В. Н. Политология. Словарь. М: РГУ, 2010 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/43/Государство>.

¹³ Общая теория права и государства. Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. С. 223.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕФЕКТЫ НОРМ ПРАВА: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И СРЕДСТВА УСТРАНЕНИЯ¹

CONSTITUTIONAL DEFECTS OF LAW: CONCEPT, TYPES AND MEANS OF ADDRESSING

В Российском государстве, равно как и в любом ином, объективно существует колоссальнейший общественный запрос на реализацию требований Конституции Российской Федерации² во всех сферах общественно-государственной жизни, будь то законотворчество, административно-управленческая деятельность публичной администрации или же сфера правосудия. Социальная ценность Конституции состоит в том, что она сосредоточивает в себе правовые начала, составляющие базу для достижения и обеспечения общественного согласия, потребность в котором является объективной³.

Конституционные нормы, будучи самыми всеобъемлющими по своему предмету и самыми общими по своему формулированию, должны быть обеспечены и конкретизированы в текущем законодательстве. Реализация конституционных предписаний в общественно-государственной практике – сложноорганизованный, разноуровневый и многогранный процесс, требующий участия в нем практически всех заинтересованных лиц, включая органы государственной власти, государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, юридических и физических лиц.

Ведущую роль в процессах конституционализации российской правовой системы играют суды, которые как раз и способны обеспечивать режим конституционности в законодательстве и в правоприменительной практике. Так, Конституционный Суд Российской Федерации⁴ является не только хранителем, но и генератором конституционных идей в обществе, а его решения раскрывают букву и дух конституционного текста, формируют механизмы реализации конституционных предписаний в отраслевом законодательстве. Перед другими судами общей и арбитражной юрисдикции – также стоит задача обеспечения конституционности правоприменения, однако решается она иным образом: в своей деятельности эти суды обязаны применять лишь тот закон, который отвечает конституционным требованиям и ценностям.

Между тем признать «общественный запрос на конституционность российского права» удовлетворенным все же нельзя. Практика конституционного правосудия ежегодно высвечивает несоответствия отраслевого законодательства конституционным требованиям. Так, например, вопросы конституционности законодательства о правосудии

© Т. В. Соколов, 2014

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта проведения научных исследований № 12-33-01232 на тему «Формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства в контексте доктрины судебного права».

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ и от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2014. 26 февр. № 0001201402260002 (далее по тексту, если не оговорено иное, – Конституция).

³ Подробнее см.: Зорькин В. Д. 1) Конституционный вектор России: 20 лет реализации Основного Закона страны // Российская газета. 2013. 19 ноября // URL: www.rg.ru/2013/11/19/posizia.html; 2) Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации): Выступление на Международной научно-практической конференции «Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 26 ноября 2013 г.) // URL: www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=65.

⁴ Далее по тексту, если не оговорено иное, – Конституционный Суд; Суд.

(судоустройственного и процессуального) практически всегда находятся в поле зрения Конституционного Суда: в 2009 г. 4 из 20 вынесенных Судом постановлений касались судоустройства, уголовного или гражданского процесса, в 2010 г. – 8 из 22, в 2011 г. – 9 из 30, в 2012 г. – 5 из 34, в 2013 г. – 6 из 30. Особенно остро вопрос конституционности правового регулирования и правоприменительной практики стоит в сфере уголовной юстиции, поскольку последствия дисбаланса частных и публичных интересов в данной сфере в сравнении с другими областями общественной жизни наиболее вредоносны. Поэтому именно на материале решений Конституционного Суда преимущественно в сфере уголовной юстиции мы рассмотрим механизм воздействия Суда на неконституционные положения российского законодательства.

Конституционные дефекты: понятие и виды. Объектом конституционного контроля со стороны Конституционного Суда являются положения законодательных актов и ряд иных правовых актов – не вступившие в законную силу международные договоры Российской Федерации, договоры между органами государственной власти и др., которые в совокупности с содержательной точки зрения можно рассматривать как нормы права. Деятельность Конституционного Суда сводится к оценке конституционности этих норм права, т. е. их оценке на предмет наличия в них противоречий Конституции. Противоречие отраслевых норм права конституционным нормам следует рассматривать как *конституционный дефект отраслевой нормы права*.

В литературе исследуется вопрос о дефектных правовых актах, определяемых как письменные акты, принятые с нарушением компетенции либо имеющие один или несколько дефектов юридического характера, к которым относится: принятие субъектом правотворчества с нарушением содержательных требований, с нарушением процедурно-процессуальных норм или несоответствие закону или акту более высокой юридической силы⁵.

Поскольку дефектные правовые акты, как видится, нельзя отождествлять с дефектами норм права (так как они соотносятся как форма и содержание), дефект норм права можно определить как *содержащееся в правовом акте правовое предписание (норма права), которое по своему содержанию противоречит актам большей юридической силы, а равно установлено (принято) в нарушение регламентированного порядка их установления (принятия)*. При таком подходе понятие «содержание», которое противоречит актам большей юридической силы, следует толковать довольно широко, включая в него противоречия как буквальные (дефект текста), так и вскрываемые в практике применения (дефекты правоприменения).

Основанием выделения конституционных дефектов служит ст. 86 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁶, определяющая пределы проверки конституционности нормативных правовых актов Конституционным Судом, а также отчасти ст. 74 того же Закона, касающаяся характеристик предмета рассмотрения Конституционного Суда.

Конституционные дефекты норм права разнообразны, однако анализ решений Конституционного Суда позволяет выявить наиболее распространенные и типичные их виды.

Конституционные дефекты норм права по их буквальному содержанию. Дефект по буквальному содержанию имеет место тогда, когда текстуальное закрепление (выражение) нормы права очевидно противоречит конституционным положениям. Тем самым Конституционный Суд оценивает лишь «волю законодателя», изложенную в законе, причем весьма очевидно. Основанием выделения этой разновидности дефектов служит часть вторая ст. 74 и п. 1 части первой ст. 86 Закона о Конституционном Суде, в силу которых

⁵ Авакьян С. А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3–12; Каменева Е. Н. Дефектные акты органов законодательной и исполнительной власти. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 14; Зуев О. М. Юридически дефектные нормативные правовые акты в системе источников права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7–14.

⁶ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в редакции Федерального конституционного закона от 5 апреля 2013 г. № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447 (далее – Закон о Конституционном Суде).

Суд устанавливает соответствие Конституции нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними по буквальному содержанию норм.

Такого рода конституционные дефекты были распространены в первые годы практики конституционного правосудия, в настоящее время их количество уменьшилось за счет распространения дефектов второго вида.

Примером такого конституционного дефекта является п. «а» ст. 64 УК РСФСР, который устанавливал уголовную ответственность за измену Родине путем бегства за границу или невозвращения из-за границы, признанный в Постановлении Конституционного Суда от 20 декабря 1995 г. № 17-П⁷ не соответствующим ст. 27 (ч. 2) и 55 (ч. 3) Конституции, поскольку устанавливал уголовную ответственность за правомерные действия, связанные с реализацией гражданином свободы передвижения.

Иной, усложненный, пример, иллюстрирующий конституционный дефект, закрепленный в нескольких статьях закона: правовое регулирование, содержащееся в ст. 3, п. 6 части первой ст. 108, части первой, второй и п. 1 части третьей ст. 109, ст. 112 и 115, п. 4 части первой ст. 232 и части первой, второй и четвертой ст. 256 УПК РСФСР, в той части, в какой они предусматривали или допускали полномочия суда возбуждать уголовное дело, в том числе в отношении нового лица, и применять к нему меру пресечения. Данный конституционный дефект был устранен Постановлением Конституционного Суда от 14 января 2000 г. № 1-П⁸.

Конституционные дефекты норм права по их смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой. Данная разновидность конституционных дефектов, имея те же нормативные основания к выделению, отличается от первой тем, что в силу характера формулирования отраслевой нормы права, допускающей разнообразные варианты ее толкования и применения, Конституционный Суд оценивает не только волю законодателя, но и толкование этого законоположения в судебной практике – судом общей или арбитражной юрисдикции при рассмотрении конкретного дела. Такой вид дефектов чаще других распространен в практике конституционного правосудия.

Понятие правоприменительной практики в данном случае наполняется различным содержанием: ею может выступать судебное толкование закона, поднятое до уровня постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации или Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также толкование закона судом, рассматривающим конкретное уголовное, гражданское или административное дело.

Иллюстрацией первого случая являются взаимосвязанные положения части первой ст. 188 УК Российской Федерации, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 КоАП Российской Федерации в той мере, в какой данные положения, истолкованные в абзаце третьем п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде»⁹, позволяли при оценке стоимости товара, перемещаемого физическим лицом через таможенную границу Российской Федерации и предназначенного для личного пользования, в целях определения наличия состава преступления (контрабанда) или административного правонарушения (недекларирование товаров), а также исчисления размера административного штрафа использовать его рыночную стоимость на территории Российской Федерации и в стоимость товара для указанных целей включать стоимость всего перемещаемого товара, в том числе и ту ее часть, которая разрешена к ввозу без письменного декларирования и уплаты таможенных пошлин, налогов; данный

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 г. № 17-П по делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г. № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации // Там же. 2000. № 5. Ст. 611.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 8.

конституционный дефект был устранен Конституционным Судом в Постановлении от 13 июля 2010 г. № 15-П¹⁰.

Примером второго случая, сводящегося к проверке конституционности закона в его истолковании, данном в конкретных судебных решениях, может служить Постановление Конституционного Суда от 28 февраля 2012 г. № 4-П¹¹, в котором Суд фактически оценил конституционность толкования п. 1 ст. 12 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», данного Президиумом Верховного Суда Чувашской Республики и Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Конституционные дефекты норм права по форме содержащих их источников.

Данная разновидность подлежит выделению на основе п. 2 части первой ст. 86 Закона о Конституционном Суде, определяющего возможность проверки конституционности нормативных актов по форме. Данный вид конституционных дефектов крайне редко встречается в практике, тем не менее примеры таких дефектов есть. Самый яркий пример рассматриваемого вида дефектов – дефект положений ГПК, констатированный Судом в Постановлении от 27 января 2004 г. № 1-П¹². Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, определяющий правила гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, в том числе устанавливающий подсудность Верховному Суду Российской Федерации дел об оспаривании постановлений Правительства Российской Федерации, принят в форме федерального закона. В то же время ч. 3 ст. 128 Конституции предписывает, что полномочия, порядок образования и деятельности федеральных судов, в том числе Верховного Суда Российской Федерации, определяются федеральным конституционным законом. Следовательно, полномочия Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению дел указанной категории должны быть закреплены в федеральном конституционном законе. Конституционный Суд воздержался от признания положений ГПК неконституционными по форме нормативного правового акта (п. 3 резолютивной части), однако в мотивировочной части данный дефект весьма подробно описан.

Конституционные дефекты норм права по порядку принятия содержащих их источников.

Данный вид дефектов является, пожалуй, самым не распространенным, поскольку в своей практике Конституционный Суд крайне редко оценивал соблюдение федеральным законодателем порядка принятия федеральных законов. Данный вид дефекта выделяется на основе п. 3 части первой ст. 86 Закона о Конституционном Суде, а самой яркой его «иллюстрацией» в практике Суда может служить Постановление Конституционного Суда от 20 июля 1999 г. № 12-П по делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 г. «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации», в котором Суд констатировал нарушение порядка принятия данного Закона (п. 13 мотивировочной части)¹³.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 15-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В. В. Баталова, Л. Н. Валуевой, З. Я. Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова // СЗ РФ. 2010. № 29. Ст. 3983.

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2012 г. № 4-П по делу о проверке конституционности пункта 1¹ статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Т. И. Романовой // Там же. 2012. № 11. Ст. 1365.

¹² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2004 г. № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации // Там же. 2004. № 5. Ст. 403.

¹³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 1999 г. № 12-П по делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 г. «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Там же. 1999. № 30. Ст. 3989.

Способы коррекции норм права вследствие обнаружения в них конституционных дефектов: *сущее и должное.* Понятие «способ коррекции Конституционным Судом норм права» не является легальным, однако с научной точки зрения под ним следует понимать действия Конституционного Суда, которые он должен предпринять для того, чтобы устранить конституционный дефект. Статьи 87 и 100 Закона о Конституционном Суде называют в качестве инструмента воздействия Суда на неконституционные нормы права постановления о признании закона, нормативного акта или договора либо отдельных их положений не соответствующими Конституции Российской Федерации. Между тем Конституционный Суд в практике проверки конституционности законодательства в сфере уголовной юстиции 1995-2011 гг. использовал различные способы устранения норм права. По нашим подсчетам, в качестве таких способов Конституционный Суд использовал:

1) признание отраслевой нормы неконституционной в постановлениях Суда, т. е. их автоматическая дисквалификация в соответствующей отрасли права (данном способом Суд воспользовался в 41 постановлении);

2) выявление конституционно-правового смысла отраслевой нормы в постановлении Суда (17 решений);

3) выявление конституционно-правового смысла отраслевой нормы в определении Суда об отказе в принятии обращения к рассмотрению (26 решений), а равно в определении о прекращении производства по делу (14 решений);

4) признание отраслевой нормы *de facto* неконституционной в определении об отказе в принятии обращения к рассмотрению (24 решения).

История расширения способов конституционной нормокоррекции в практике российского конституционного правосудия известна: Определением от 27 июня 2000 г. № 92-О¹⁴ Суд породил практику фактического признания неконституционными отраслевых законоположений путем принятия определений об отказе в принятии обращения к рассмотрению на том основании, что оспариваемые заявителем нормы аналогичны нормам, ранее уже признанным Конституционным Судом неконституционными; в силу этого проведение публичного слушания, которое имеет место при рассмотрении обращения в обычном (устном порядке), уже излишне. По этой причине в правовом регулировании уголовного процесса можно обнаружить ряд определений, существенно расширяющих права отдельных участников уголовного процесса, о которых знают лишь специалисты, а содержание которых не согласуется с текстом УПК. Примером могут служить права потерпевшего. Так, часть восьмая ст. 42 УПК предусматривает, что по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников. Согласно же Определению Конституционного Суда от 18 января 2005 г. № 131-О это законоположение не может рассматриваться как исключающее возможность надения процессуальными правами потерпевшего более одного близкого родственника лица, чья смерть наступила в результате преступления¹⁵, а потому количество потерпевших в деле об убийстве может составлять два и более лиц. Это и подобные решения Суда хоть и возвращают правовое регулирование уголовного судопроизводства в конституционное русло, однако все же размывают его, придавая регулирующее воздействие не только Кодексу – своду правил уголовного судопроизводства, но и отдельным решениям по отдельным, частным вопросам уголовного процесса.

¹⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 92-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан // Там же. 2000. № 29. Ст. 3117.

¹⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О по запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Там же. 2005. № 24. Ст. 2424.

Затем Конституционный Суд фактически уравнивал по юридическому значению свои постановления о признании нормы конституционной с постановлениями о признании нормы неконституционной. В Определении от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р Конституционный Суд отметил, что решение Суда, которым подтверждается конституционность нормы именно в данном им истолковании и тем самым исключается любое иное, т. е. неконституционное, ее истолкование, а следовательно, и применение в неконституционной интерпретации, имеет в этой части такие же последствия, как и признание нормы не соответствующей Конституции¹⁶. Проблема коррекции конституционными судами отраслевых юридических норм без признания их неконституционными не является чисто российской проблемой. Анализируя зарубежную практику «позитивного законодательства конституционных судов», А. Р. Брюер-Кариас (A. R. Brewer-Carías) отмечает, что это проблема всех государств, чьи конституционные суды прошли первоначальный этап своего развития, наработали массив правовых позиций¹⁷.

Такое разнообразие способов нормокоррекции в отсутствие их фиксации в Законе о Конституционном Суде порождает ряд практических проблем, не свидетельствующих об эффективности системы конституционного контроля.

Первая группа проблем обусловлена тем, что без изменения текста закона, как показывают судебная практика и обращения граждан в Суд, остается большая вероятность продолжения применения нормы в неконституционном смысле. Ранее уже отмечалось, что сопоставление рассмотренных Судом в период с января 2008 г. по июль 2013 г. обращений (в том числе жалоб и ходатайств о разъяснении решений Суда), затрагивающих сферу уголовной юстиции, и вынесенных по ним 2258 решений показало, что в 1296 определениях об отказе в принятии обращений к рассмотрению (57,39 %) Суд подтвердил ранее сформулированные им правовые позиции, а также отметил, что проверка соответствия закону и (или) правовой позиции Суда процессуальных действий и решений, имеющих место в делах заявителей, не входит в его компетенцию, что *лишь косвенно*, но свидетельствует о наличии правоприменительной ошибки в деле заявителя, обусловленной неучетом правовой позиции Суда.

Анализ этих обращений иллюстрирует и иную проблему: суды общей юрисдикции фактически отказываются применять так называемые определения Суда «с позитивным содержанием» (определения, которыми в принятии к рассмотрению в публичном слушании обращений отказывается, но у проверяемой отраслевой нормы права выявляется конституционно-правовой смысл как единственно возможное толкование отраслевой нормы права, соответствующее Конституции Российской Федерации)¹⁸, полагая, что такие решения, не обладая формой постановлений Суда о признании норм не соответствующими Конституции, не имеют регулятивного значения. Практика принятия Судом «определений с позитивным содержанием» фактически дезориентировала «отраслевую» судебную практику в вопросе нормативного значения решений Суда, вследствие чего «суды не реагируют на определения Конституционного Суда с позитивным смыслом»¹⁹. Кроме того, подобная практика позволила ряду ученых дать далеко не комплиментарные оценки в отношении Суда²⁰.

¹⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Там же. 2008. № 48. Ст. 5722.

¹⁷ Constitutional courts as Positive Legislators. New York: Cambridge University Press, 2011; *Al. R. Brewer-Carías*. Constitutional courts as Positive Legislators in comparative law (General Report on XVIII International Congress of Comparative Law of the International Academy of Comparative Law, at the George Washington University Law School, Washington, July 27, 2010) // URL: [www.allanbrewercarias.com/Content/449725d9-f1cb-474b-8ab2-41efb849fea2/Content/I.%201.%201007.%20Brewer-Carias.%20GENERAL%20REPORT.%20CONSTITUTIONAL%20COURTS%20AS%20POSITIVE%20LEGISLATORS.%20IV.B.2.%20XVIII%20IACL%20Cong.Final.\(June%202021.%202010\).pdf](http://www.allanbrewercarias.com/Content/449725d9-f1cb-474b-8ab2-41efb849fea2/Content/I.%201.%201007.%20Brewer-Carias.%20GENERAL%20REPORT.%20CONSTITUTIONAL%20COURTS%20AS%20POSITIVE%20LEGISLATORS.%20IV.B.2.%20XVIII%20IACL%20Cong.Final.(June%202021.%202010).pdf).

¹⁸ Подробнее об «определениях с позитивным содержанием» см.: Комментарий к статье 43 // Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / Под ред. Г. А. Гаджиева. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. С. 254–263 (автор комментария – С. Д. Князев).

¹⁹ *Шиняева Н.* Суды не реагируют на определения КС с позитивным смыслом // URL: www.pravo.ru/review/view/85691.

²⁰ См., напр.: *Сасов К. А.* Споры о конституционности налоговых законов: полномочия Конституционного Суда Российской Федерации. Монография / под ред. М. Ф. Ивлевой. М.: Статут, 2006. С. 149; *Ганичева Е. С.*

Вторая группа проблем связана с невозможностью пересмотреть судебное решение по уголовным делам конкретных заявителей на основании решения Конституционного Суда: дела заявителей, по чьим обращениям были приняты «определения с позитивным содержанием», в нарушение этого решения Суда не были пересмотрены, поскольку отраслевому процессуальному законодательству такие основания к пересмотру судебных решений в обычных и экстраординарных процессуальных производствах не известны.

Следовательно, такие способы устранения конституционного дефекта, как выявление конституционно-правового смысла нормы, исключаящего иные ее толкования, – независимо от фиксации в Законе о Конституционном Суде, – как видится, не обеспечивают в полной мере свою цель, т. е. являются неэффективными.

Выход из этой ситуации видится в следующем. Круг способов нормокоррекции должен быть известен всем субъектам права. Такая осведомленность необходима для обеспечения восприятия решений Суда в правоприменительной практике. Законом о Конституционном Суде Суд задуман как «негативный законодатель», призванный устранять конституционные дефекты норм права. Следовательно, коррекция нормы права должна происходить путем выявления Конституционным Судом ее конституционного дефекта в постановлениях Конституционного Суда посредством признания нормы неконституционной. Такой способ нормокоррекции влечет автоматическую дисквалификацию в отрасли права неконституционных норм и (или) их толкований. Использованию только такого способа коррекции норм способствует введенное ст. 47 Закона о Конституционном Суде письменное производство. Показывает это и практика: после введения письменного производства с каждым годом количество ежегодно принимаемых Судом постановлений увеличивается, причем их подавляющая часть – постановления о признании норм неконституционными.

Таким образом, единственным способом коррекции Судом проверенных им отраслевых норм права следует считать признание их неконституционными полностью или в части.

Аннотация. Статья посвящена вопросам реагирования Конституционного Суда Российской Федерации на противоречащие Конституции Российской Федерации нормы права, закрепленные в отраслевом законодательстве. Автор формулирует понятие конституционных дефектов норм права и, иллюстрируя примерами из практики Конституционного Суда, выделяет их основные виды – по буквальному содержанию, по смыслу, придаваемому норме права правоприменительной практикой, по форме содержащего ее источника права, а также по порядку принятия данного источника права. Особое внимание автор уделяет способам устранения конституционных дефектов (конституционной коррекции норм права): изучив использовавшиеся когда-либо в практике Суда способы, автор приходит к выводу, что единственным способом конституционной коррекции норм права должно быть признание их неконституционными в постановлении Конституционного Суда.

Ключевые слова. Конституционный Суд РФ, конституционный судебный процесс, конституционный контроль, решение Конституционного Суда, нормы права, дефекты норм права, коррекция норм права, уголовная юстиция.

Annotation. The article deals with the response of the Constitutional Court of the Russian Federation on the contrary to the Constitution of the Russian Federation, the rule of law enshrined in the sectoral legislation. The author formulates the concept of constitutional law and defects, illustrating examples of the practice of the Constitutional Court, highlights their main types - the literal content, on the meaning attached to the rule of law enforcement practices, in the form of its containing a source of law, as well as the order of adoption of the source of law. Particular attention is paid to methods of elimination of constitutional defects (correction constitutional law) examining ever used in the practice of the Court's methods, the author comes to the conclusion that the only way to correct the constitutional rule of law must be the recognition of their unconstitutional ruling of the Constitutional Court.

Keywords. Constitutional Court of Russian Federation, constitutional litigation, constitutional decision of the Constitutional Court, the rule of law, the defects of the law, the correction law, criminal justice.

Раздел 2

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

А. А. Капустин
A. A. Kapustin

ОПЕРЕЖАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД (МЕТОД) В ДЕЙСТВИИ

AHEAD OF THE CRIME. SYSTEMATIC APPROACH (METHOD) IN ACTION

Преступность всегда занимала одно из первых мест среди наиболее острых проблем, тревожащих общественное мнение. В конце XX в. в разных государствах ее ставили по значимости на второе-третье место. Академик В. Н. Кудрявцев уже в XXI в. пишет об этом так: «Мы не в состоянии похвастаться хоть какими-нибудь успехами в борьбе с преступностью, хотя имеем гораздо более глубокие познания о природе общественных явлений и обладаем мощными практическими средствами»¹. Он же справедливо, на наш взгляд, предлагает при изучении проблем в этой сфере подниматься от социологического уровня абстракции, на котором рассматриваются пороки и недостатки общественной системы – те социальные, экономические, политические и другие явления, которые вызывают преступность, их взаимосвязь и взаимообусловленность, – на еще более глубокий уровень – глобальный (философский), ибо только при учете общемировых процессов в целом имеют смысл суждения о природе и причинах преступности в прошлом, настоящем и будущем².

О проблемах преступности, как правило, высказываются все, полагая, что эти проблемы довольно очевидны. Но многовековой опыт человечества показывает, что такого рода «простые» решения могут лишь на непродолжительное время изменить положение дел, а затем преступность вновь начинает расти. В общемировом масштабе существует профессиональная, организованная, транснациональная преступность. Бороться с ней только путем возбуждения, расследования, судебного рассмотрения отдельных уголовных дел – это все равно, что пытаться выиграть войну, используя, например, только снайперов. Необходимо изучать преступность, ее причины и условия, личность преступника и предупреждение преступлений как массовые социальные явления; вырабатывать и теоретически систематизировать объективные знания об изучаемой области; описывать, объяснять, прогнозировать явления и процессы в ней на основе устанавливаемых системных закономерностей.

С конца 1970-х годов в российской криминологии стал утверждаться, на наш взгляд, правильный системный подход к преступности. Системный подход как методологическая предпосылка стал использоваться для изучения преступности, ее причин и для разработки мер борьбы с ними. Освоение советской криминологией данной методологии связано, в частности, с именами У. Джекебаева, Я. И. Гилинского, Г. И. Забрянского, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, А. В. Шахматова. Появилось мнение, что преступность – не механическая сумма отдельных преступлений, а их органическая совокупность. Это значит, что между признаками и свойствами преступности существует диалектическое единство. Это каче-

---

© А. А. Капустин, 2014

¹ Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003. С. 9.

² Кудрявцев В. Н., Эминов В. Г. Причины преступности в России: Криминологический анализ. М.: Норма, 2006. С. 24.

ственно-количественное единство ее состояния, структуры и динамики. Это взаимосвязь между такими признаками преступности, как массовость, историческая изменчивость и социально-правовое содержание³. Но преступность порождается определенными причинами, поэтому закономерно рассмотрение системы «причины преступности – преступность»⁴. Хотя, думается, и данную систему более правильно рассматривать лишь как подсистему более широкой системы «причины социальных отклонений – социальные отклонения». Равным образом в то же время заговорили и об обеспечении системного подхода в разработке средств и методов борьбы с преступностью, «которые представляют собой часть социального регулирования общественной жизни и вместе с тем самостоятельную подсистему»⁵. При этом системный подход обязывает к выявлению и использованию всех средств и методов борьбы с преступностью, которыми располагает общество.

Поскольку преступность – социальная система, ей присущи характеристики именно такой системы: целенаправленность, самодетерминация и развитие. Криминологами отмечается эффект самовоспроизводства преступности за счет сохранения, приспособления к изменившимся обстоятельствам; наступление на общество путем непосредственного «криминального заражения» части населения, использования преступниками механизмов прямого инструктирования, внушения, подражания. Преступность в своем противостоянии обществу образует своеобразную систему самозащиты. Исследования показывают, что ведущая роль здесь принадлежит предумышленной преступности, а в ней – профессиональной и организованной. Именно с ними связаны тщательное изучение преступниками социальных условий под криминальным углом зрения, воздействие на них, а не простое их использование.

Предумышленная преступность не только выступает движущим звеном развития всей системы преступности, но и захватывает иные подсистемы.

Криминогенная система представляет собой единство и целостность взаимодействующих подсистем и элементов, располагающихся в определенной иерархии и уровневой соподчиненности. Так, в специальной литературе выделяют подсистему условий, которые способствуют криминогенному формированию личности (негативное влияние семьи, ближайшего окружения и т. п.); подсистему условий, которые способствуют совершению преступлений, включающих различного рода организационно-управленческие упущения и просчеты. Сюда же относят виктимное, т. е. провоцирующее, неправомерное поведение самих потерпевших. Имеются в литературе и другие классификации. Отметим, что все подсистемы и элементы криминогенных детерминант взаимодействуют в процессе детерминации преступления друг с другом, а также испытывают обратное влияние преступности как их следствия.

Преступность вплетена в живую ткань общественных отношений, поэтому надо знать особенности таких отношений, закономерности, присущие разным сферам жизнедеятельности, разным социальным средам. Права А. И. Долгова: «Ни одна страна не может автоматически заимствовать у другой систему борьбы с преступностью. Такая система не может оставаться неизменной в условиях социальных реформ и катаклизмов»⁶.

Некоторым видам преступлений свойственна особенно высокая степень сплоченности и устойчивости по вертикальным и горизонтальным связям как внутри преступности, так и с метасистемами – обществом и государством. Сюда по общему признанию относят организованную преступность, которая требует наиболее пристального изучения с позиций системного подхода, поскольку такая предумышленная преступность не только выступает движущим звеном развития всей системы преступности, но и все более захватывает, организует, приспособливает для своих целей иные ее подсистемы, как и надсистему негативных социальных явлений общества. Однако мы исходим из следующей аксиомы:

³ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 174.

⁴ Волошина Л. А. О системном подходе к изучению сущности преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1972. Вып. 17. С. 15.

⁵ Сахаров А. Б. Теоретические основы предупреждения преступлений // Сов. юстиция. 1972. № 3. С. 5.

⁶ Криминология. Учебник для юридических вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М.: Издат. группа ИНФРА М-Норма, 1997. С. 243.

с организованной преступностью, как и с системой преступности в целом, можно и нужно бороться успешно, эффективно, сводя ее проявления к минимуму. Для этого, в первую очередь, следует изучать указанную проблему и подходить к ее решению с позиций системного подхода (метода).

Однозначно, как системное явление, организованную преступность рассматривают многие российские ученые и практики: Г. М. Миньковский, Э. Ф. Побегайло, А. И. Гуров, А. Н. Волобуев, В. П. Мурашов, В. В. Лунеев, Е. А. Мохов, А. С. Овчинский, В. С. Четвериков, В. Б. Кулик, А. И. Долгова и др.⁷ Ряд авторов не дают такого определения организованной преступности, но выделяют различные ее системные признаки, т. е. анализируют данную проблему именно с системных позиций. Эти признаки следующие: устойчивое сообщество (или организация), созданное или сформировавшееся для долговременного занятия преступной деятельностью или неоднократного совершения преступлений одного вида; разграничение функций между участниками (в том числе и по горизонтали); иерархичность сообщества (наличие, как минимум, единоличного лидера); более или менее определенная специализация сферы деятельности; общая цель – извлечение наибольшей прибыли в короткие сроки; наличие своеобразного социального страхования членов организации; меры по обеспечению безопасности, включая коррумпирование властных структур и, в первую очередь, правоохранительных органов, а также организацию внутренней контрразведки; поддержание жесткой дисциплины за счет неформальных, действующих в рамках организации данного типа норм поведения; использование последних достижений прогресса и человеческой цивилизации; наличие международных связей.

В дополнение к этому приведем мнение П. В. Агапова, который, исследуя организованную преступность как деятельность, однозначно определяет организованную преступную деятельность как систему взаимосвязанных, образующих определенную целостность деяний, предусмотренных Особенной частью УК РФ, совершаемых организованными преступными формированиями и (или) их участниками⁸.

Остановимся подробнее на некоторых системных признаках организованной преступности, важных в контексте нашего исследования для организации эффективной борьбы с преступностью и предупреждения правонарушений в целом.

Признак устойчивости реализуется, например, в таких характеристиках, как сквозная (постоянная) задача (цель) и длящийся характер преступной деятельности, ее планирование и подготовка; строгая иерархия участников и наличие руководящего ядра; безусловная дисциплина и т. п. Надо выделить при этом многоуровневость системы по схеме: организованная преступная группа – преступное сообщество (когда эти группы управляются из единого центра) – совокупность соподчиненных или взаимодействующих в регионе, ряде регионов, стране в целом, в ряде стран преступных сообществ. Отметим также, что взаимодействие, в том числе и конкурентное, предполагает существование различных форм обсуждения и разрешения возникающих конфликтов, распределения сфер деятельности, договоренностей о совместных действиях, взаимоподдержку, согласование этапов длящейся преступной деятельности. Речь идет о сходах руководителей преступ-

⁷ Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с ней. М., 1990. С. 17; Ромашенко Л. С. Социологический анализ коррупции как основной черты организованной преступности // Становление правового порядка в правовом государстве: реальность и перспектива (социально-правовые проблемы). Сб. науч. статей. Саратов, 1995. С. 310; Организованная преступность / под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. М.: Юрид. лит.-ра, 1989; Бачинин В. А. Основы социологии права и преступности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 232–233; Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В. Н. Бурлаков, Б. В. Волженкин. СПб.: Издат. Дом СПб гос. ун-та, Изд-во юр. факультета СПб гос. университета, 2005. С. 6; Мохов Е. А. Организованная преступность и национальная безопасность России. 2-е изд. М.: Вузовская книга, 2006; Голдунов И. В. Организованная преступность от расцвета до заката. Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., расш. М.: Академический Проект, 2008; Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. М.: Издательство Юрайт, 2011.

⁸ Агапов П. В. Организованная преступная деятельность и ее характеристика как социально-правового явления // Правоведение. 2009. № 2. С. 71.

ных групп и сообществ, посреднической и третейской деятельности лиц, авторитетных в преступной среде, и т. п. Системность проявляется и в тенденции укрупнения самих преступных структур (образование «ассоциаций», «концернов» и т. д.); в их взаимодействии с «обычной» криминальной и предкриминальной средой, в подготовке своих резервов, в целенаправленной обработке общественного мнения.

В качестве важнейшего структурного элемента организованной преступности выделим определенную систему управления. В качестве еще одного элемента организованной преступности можно указать на особую нормативную систему. Как и любая сфера целенаправленной человеческой жизнедеятельности, такая преступность нуждается в специальном нормативном регулировании, которое гарантировало бы согласование интересов ее членов. Иными словами, организованная преступность как система социальных связей и отношений существует на основе своих «законов», призванных обеспечить ее нормативное функционирование и защиту от разоблачения. Так, в преступных сообществах имеются аналоги юридических норм (нормы, вытекающие из производственных и финансовых отношений теневых дельцов, отношений таких дельцов и уголовных элементов и пр.) и норм этических (нормы поведения членов преступного сообщества в общении с собой и с внешним миром). Иногда эти нормы, в частности этические, воспроизводят нормы общеуголовной среды в трансформированном, приспособленном виде.

В современных высокоразвитых преступных объединениях выделяют централизованную, разветвленную, многоуровневую систему устойчивых преступных связей, включающую несколько подсистем: а) обеспечения функционирования преступного объединения, охватывающую материально-техническое и организационное обеспечение; б) обеспечение безопасности, предусматривающую разработку комплекса мер конспирации и защиты от разоблачения, от нейтрализации всех форм социального контроля; в) финансирования: перераспределения по иерархическим звеньям преступного объединения полученных прибылей, создания определенного централизованного материального фонда для воспроизводства и расширения масштабов преступной деятельности, покрытия возможных расходов, для оказания материальной помощи участникам объединения; г) централизованного информационного обеспечения; д) неформальных, «субкультурных» нормативных предписаний, обеспеченных комплексом мер наказания и поощрения. Так, угроза применения «своих» санкций представляется участникам преступной организации более реальной, чем риск привлечения к уголовной ответственности.

Цели организованных преступных структур всегда сосредоточены на извлечении преступным путем максимальных доходов, на обогащении в крупных размерах. Такая цель определяет и направленность изменений интенсивности организованной преступной деятельности как незамедлительную реакцию на изменения экономической, социальной и политической жизни страны.

Особенно остановимся на таком системном признаке организованной преступности, как специализированная функция обеспечения безопасности. Именно с ее проявлениями, прежде всего, встречается система уголовной юстиции и всего судопроизводства, борясь с такой преступностью и предупреждая ее. Организованная преступность глубоко конспирирована. Парадокс заключается в том, что в орбиту систематически совершаемых преступлений здесь втянут значительный круг лиц, а раскрытие указанных преступлений – дело исключительно сложное. Опутанная многослойными рядами элита организованной преступности часто оказывается недостижимой для правоохранительных органов: сняли один «слой» – за ним другой, чем глубже проникновение, тем тяжелее и опаснее бороться. «Практика показывает, что для организованной преступности характерны попытки оказания влияния на ход расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Потерпевшие и свидетели часто попадают под могучий пресс угроз и подкупа. Они постоянно находятся в страхе за свою жизнь, здоровье, достоинство и имущество»⁹. Функция обеспечения без-

⁹ Кузьмина С. С. Охрана прав участников процесса по делам об организованной преступности // Организованная преступность – угроза культуре и державности России. Сб. СПб.: Издат. дом «Бизнес-Пресса»: Изд-во Михайлова В. А., 1998. С. 87.

опасности внешне проявляется в действиях по планомерному подавлению различных форм социального контроля. Прежде всего, это разработка мер против привлечения к уголовной ответственности. В отличие от традиционной преступности, эта деятельность включает в себя не только совершенствование в области преступного ремесла, в том числе лучшую личную физическую, правовую, техническую подготовку и оснащение, но и целенаправленное активное противодействие правоохранительным органам (системам уголовной юстиции и уголовного процесса). Более того, участники организованной преступности стремятся использовать эти органы и системы в своих интересах. Применяются различные методы – от подкупа до компрометации и физического воздействия, включая убийства. Осуществление противодействия расследованию относится многими учеными к обязательным признакам организованных преступных формирований¹⁰. Думается, прав А. Ю. Головин, отмечая в связи с этим: «Противодействие раскрытию и расследованию преступлений является элементом преступной деятельности. При этом, в свою очередь, противодействие расследованию также может рассматриваться как система»¹¹. Интересны, в дополнение к вышеизложенному, данные из научной литературы, что основными мотивами противодействия расследованию со стороны преступников, их родственников и близких выступают боязнь уголовной ответственности, нежелание нести заслуженное наказание; а вот корыстные мотивы лежали в основе противодействия расследованию со стороны 82 % чиновников, 71 % лидеров и членов организованных преступных групп и сообществ¹².

Организованная преступность не только обороняется, но и нападает. Осуществляют подобные акции специально создаваемые подразделения разведки, контрразведки, подавления. В связи с этим Л. В. Брусницын отмечает: «Бурный расцвет посткриминального воздействия во второй половине XX столетия во многих зарубежных странах, а в конце ушедшего века и в России обуславливает необходимость уяснения перспективы этого вида противодействия преступного мира правоохранительным и судебным органам, влекущего крайне негативные последствия в сфере борьбы с преступностью... Именно профессиональными преступниками культивируется противодействие правоохранительным органам, в том числе наиболее жесткие формы посткриминального воздействия»¹³.

Организованная преступность борется за свои кадры, и небезуспешно. Это следует отметить, поскольку в наследство от командно-бюрократической системы России досталось невнимание к человеку, пренебрежение к его интересам. Уже сегодня организованная преступность существенно влияет на рынок труда, предлагая условия значительно более выгодные, чем в большинстве официальных структур. Идет отток квалифицированных кадров в теневые, криминальные структуры. Доходы организованной преступности позволяют ей привлекать лучших специалистов из различных отраслей. Все это высвечивает еще один, на наш взгляд, важнейший, опаснейший признак системы организованной преступности – ее самовоспроизводство.

Существует определенная логика такого самовоспроизводства, развития организованных групп и организованных преступлений. Расширение масштабов преступной деятельности связано с привлечением все большего числа различных субъектов. Возникает необходимость обеспечения сложного характера их деятельности. С учетом количества и характера таких субъектов создается система управления, которая со временем становится многоуровневой. Такое управление в принципе подчиняется общим правилам (законам) управления сложными системами. В частности, оно включает создание специальных структур управления организованным преступным формированием как единым организмом; выделяются управленческие

¹⁰ См., напр.: Яблоков Н. П. Расследование организованной преступной деятельности. М., 2002. С. 48.

¹¹ Головин А. Ю. Криминалистическая систематика. Монография / Под общ. ред. Н. П. Яблокова. М.: «ЛексЭст», 2002. С. 153.

¹² Федоренко А. Ю. Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 10.

¹³ Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. С. 10.

функции и структуры (организаторы, руководители), функции, структуры, обеспечивающие специфические потребности криминальной организации как таковой (аналитические подразделения, легализации преступных доходов и т. п.). Такова основа создания уже не просто организованных преступных групп, а преступных организаций, которые в состоянии обеспечить широкую преступную деятельность в разных ее вариантах в зависимости от мотивации, субъектов ее управления и внешних условий. Такие преступные организации в интересах самосохранения вынуждены выделять специальную функцию – создание системы защиты себя от возможного уголовного преследования со стороны государства и конкурентной борьбы с подобными преступными группировками. В дальнейшем идет стремление наладить сотрудничество с государственными структурами и институтами гражданского общества, переориентировать их на антидеятельность с точки зрения ее задач. Отсюда органическая взаимосвязь деятельности преступных организаций и размах коррупции в системе госорганов и негосударственной легальной сфере – профсоюзных, творческих союзов, ассоциациях различного рода. Все это помогает таким организациям именно как организациям выживать, оказываться в правовом отношении невидимками и даже порой одерживать победы в противостоянии с государственной системой при ее просчетах.

В качестве примера мы в одной из своих ранних работ предлагали имитационную модель организованной преступности как сложной социально-экономической системы, состоящей из следующих подсистем: подсистемы «население», которая включает в себя характеристики всех участвующих в ней физических лиц и организаций; подсистемы «пространство», включающей описание характеристик всей инфраструктуры и т. п.; подсистемы «ресурсы», которые помогают непосредственно удовлетворять потребности, цели, задачи; подсистемы «деньги», включающей все денежные потоки, кредитно-финансовую систему такого рода, структуру наличных денег у «населения» и т. п.; подсистемы «внешние связи», включающей все отношения как с более общими системами общества и государства, так и с внутренними конкурирующими группировками¹⁴.

Эффективность борьбы с преступностью в значительной степени определяется набором средств и способов воздействия на нее как на социальную систему. Отечественная литература по проблемам предупреждения преступности полна терминами: предупреждение, противодействие, контроль над преступностью, борьба и даже война с преступностью. За этими терминами скрываются разные мировоззренческие позиции, взгляды на возможности (или невозможности) принципиального устранения преступности из жизни общества.

Только один термин – предупреждение – используется криминологами однозначно. Под ним понимается целенаправленное воздействие на причины и условия преступности. «Предупреждение преступности – многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности»¹⁵.

И еще один вывод: преступность уже стала системой глобального масштаба, поэтому и борьба с нею должна носить характер международного масштаба, подняться на соответствующий системный уровень¹⁶.

Выделим две значимые тенденции криминологического характера, важные для нашего исследования. Прежде всего, это тенденция роста преступности (в том числе, конечно, и организованной). При всех существенных расхождениях в уровне преступности в разных странах первой и определяющей в мире тенденцией является ее абсолютный и относительный рост, по сравнению с ростом населения, экономическим и культурным развитием и т. д. Второй основной, на наш взгляд, тенденцией в области преступности является постепенное отставание социального контроля за преступностью, борьбы с нею от ее глобального разви-

¹⁴ Капустин А. А. Борьба с международной преступностью и терроризмом с системных позиций. Глава 2. Социальные системы в сфере борьбы с международной преступностью и терроризмом. СПб.: ИПП (Санкт-Петербург), 2003. С. 73.

¹⁵ Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С. 30.

¹⁶ Капустин А. А. Борьба с международной преступностью и терроризмом с системных позиций. Глава 1. Философско-теоретические аспекты исследования систем. СПб.: ИПП (Санкт-Петербург), 2002. С. 6.

тия. Преступность всегда первична. Борьба с ней всегда является лишь ответом общества, государства на ее вызов, ответом не всегда своевременным, эффективным, отвечающим требованиям момента. Преступность активна, инициативна, самовоспроизводима, мгновенно заполняет все «выгодные» ниши, не связывая себя никакими правилами.

Вот как об этом пишет В. В. Лунеев: «В системе “преступность – борьба с ней” преступность первична. Самозащита общества от преступности по своему происхождению вторична. Первый ход делает преступность. Борьба с преступностью – всего лишь ответ общества на ее вызов, ответ не всегда своевременный, адекватный, целенаправленный и эффективный. Правоохранительные меры вырабатываются, как правило, коллективно в рамках демократических и гуманистических принципов, оформляются в управленческих, оперативных или процессуальных решениях, программах действий или законодательных актах и только потом претворяются в практической деятельности работников системы уголовной юстиции. И даже если разрабатываемые меры были адекватны текущей криминологической обстановке, ко времени их практической реализации характер преступности может существенно измениться»¹⁷.

И еще одно важное здесь мнение: «На сегодняшний день вопрос борьбы с преступностью относится к сфере внутреннего законодательства каждого государства. Однако глобализация социальных и экономических процессов породила и глобализацию преступности, делаая ее более организованной и транснациональной. Преступные сообщества намного быстрее, чем государственные системы разных стран, реагируют на развитие всех типов коммуникаций, на любые упрощения режима пограничного контроля и передвижения... Понятно, что в сформировавшихся условиях проблема борьбы с глобализацией преступности не может быть решена в рамках ограниченных национально-государственных средств и методов»¹⁸.

Думается, что одним из путей преодоления таких трудностей могут стать прогнозирование и конкретная деятельность по решению вышеназванных проблем с позиций системного подхода (метода).

На наш взгляд, системный подход должен стать методологическим оружием и в правовой практике, например, в области борьбы с преступностью и предупреждения правонарушений.

Научный аппарат материалистической диалектики как общеприкладного знания используется, как правило, в области фундаментальных исследований. Он малопригоден для решения проблем на этапе прикладных разработок. Здесь остро проявляется необходимость в методологическом знании, раскрывающем универсальный способ и механизм эффективности решения проблем. Таким знанием и является «системный подход», однако он находится еще только на начальном этапе своего развития. «Этот фактор, – как писал автор в 1998 г., – и объясняет такое положение дел применительно к уголовному процессу, когда “системный подход” используется здесь не как общенаучное методологическое знание, а играет роль только конкретно-научной методологии. А это, в свою очередь, приводит к тому, что ученые и специалисты при решении конкретных проблем применяют или создают специальное методическое знание без учета общих закономерностей существования сложных социальных систем, какую представляет из себя уголовный процесс. Накопилось огромное количество научных материалов, обобщений практического опыта, регламентирующих документов и норм, которые плохо согласованы между собой, не упорядочены, дублируют информацию или имеют противоречивые требования, а все это в совокупности является тормозом в решении острейших проблем практики»¹⁹. И мы согласны с И. М. Бондаренко, который пишет: «Навести долгожданный порядок в “частном” методологическом знании (систематизировать, классифицировать, скорректировать, разработать недостающее,

¹⁷ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. С. 351.

¹⁸ Луну А. А. Транснациональное криминальное право. Учеб. пособие. М.: Дело и Сервис, 2012. С. 227.

¹⁹ Капустин А. А. Уголовный процесс. Методология системного подхода. Постановка проблемы // Законность, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 9–10 апреля 1998 г. Ч. 2 / под общ. ред. О. М. Латышева, В. П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. С. 10.

ликвидировать устаревшее и т. п.) возможно только на основе разработки общего методологического знания «системный подход»²⁰.

Этот подход ориентирован на познание мира как единого, взаимосвязанного и развивающегося целого. Для него характерны целостное рассмотрение действительности, анализ взаимодействия составных частей и элементов предметов и процессов, несводимость целого к сумме частей. Роль системного подхода заключается в том, что с его помощью достигается наиболее полное выражение единства научного знания, которое раскрывается в процессе его развития, возникновения все более полных и глубоких концептуальных систем. Мы согласны с мнением П. М. Хомякова о том, что «системный подход является неотъемлемой частью современного научного мировоззрения, демонстрируя возможность дальнейшего расширения сферы применения научных методов в деле познания и объяснения природы и общества»²¹.

Мировоззрение представляет собой систему взглядов, убеждений, принципов, жизненной позиции личности. Оно детерминирует подход и направляет деятельность каждого индивида в решении стоящих перед ним задач (например, профессиональных).

Большое значение приобретает мировоззрение в научно-исследовательской деятельности при решении сложных проблем природного и общественного бытия. Приступая к исследованию тех или иных проблем, политических или правовых, исследователь неизбежно выражает свое отношение к этим проблемам, путям их решения. Критическая оценка всего осуществляется на основе специальной (профессиональной) мировоззренческой ориентации автора, его принадлежности к той или иной школе или направлению в науке. Даже в пределах какого-либо классового мировоззрения имеются различия в подходах к объекту познания, направлению исследования.

Л. Ф. Ильичев справедливо полагает: «В области социального знания не только содержание, но и методы получения самих знаний выражают определенные идеологические и социально-политические позиции»²². Этим объясняется первостепенное значение мировоззрения в методологической функции общественных наук, в эффективности правовых исследований. Но методология – не просто мировоззрение. Методология – это, по существу, мировоззрение в работе, мировоззрение в действии. Методология как мировоззрение, если оно характеризуется научной достоверностью, четкостью законов и принципов познания, выступает руководством к деятельности. Именно мировоззрение, в конечном счете, определяет успех или заблуждение в научных поисках, способствует открытиям или заводит в тупик.

Переход к системному рассмотрению часто бывает необходим для правильной постановки проблем, назревших в той или иной теории и на практике, для нахождения единого способа решения классов задач, для исследования тех свойств объектов, которые проявляются на практике только во взаимодействии с другими объектами. Одной из предпосылок системных исследований очень часто называют стремление к интеграции научного знания.

Поговорим о прогнозировании преступности с позиции системного подхода.

Прогнозирование является научной основой для составления планов борьбы с преступностью, планов предупреждения правонарушений. Особенно важно, на наш взгляд, подчеркнуть, что от роли статистов криминологическое прогнозирование в целом должно перейти к режиму «работы на опережение», к активному прогнозу основных тенденций развития преступности и антиобщественных явлений, близких к ней; выработать надежную методологию системного противодействия такому развитию преступности в глобальном масштабе, вытеснения криминальных отношений из пространства правового государства.

В. В. Лунев совершенно верно полагает: «Научное криминологическое прогнозирование только тогда оправдывает свое социальное назначение, когда оно будет процессом

²⁰ Бондаренко Н. И. Методология системного подхода к решению проблем: история, теория, практика. СПб.: Изд-во СПб. Университета экономики и финансов, 1997. С. 19.

²¹ Хомяков П. М. Системный анализ: Экспресс-курс лекций. Учеб. пособие / Под ред. В. П. Прохорова. 4-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 190.

²² Методологические проблемы общественных наук (по материалам Всесоюзной конференции «Актуальные проблемы методологии общественных наук»). М., 1979. С. 12.

творческим и непрерывным, включенным в общую систему борьбы с преступностью, ее предупреждения и контроля»²³.

В настоящее время фактически нет исследований, которые охватывали бы всю совокупность взаимодействующих социально-экономических факторов, одновременно воздействующих на преступность. Все подобные исследования отмечают определенную связь лишь между отдельными социально-экономическими факторами и преступностью. Это, конечно, не лишает полученных в этих исследованиях данных как познавательной, так и большой практической ценности. Думается, что и здесь одним из путей преодоления таких трудностей может стать прогнозирование с позиций системного подхода.

Прогноз преступности – это, прежде всего, информация для нужд практики. Такой прогноз по существу служит основой всей организации борьбы с преступностью и предупреждения правонарушений. Это важный этап планомерности данной борьбы, ибо только на основе прогноза можно решать вопросы принятия заблаговременных решений относительно воздействия на преступность, ее виды и детерминирующие причины. Он способствует и развитию системы органов, реализующих такую деятельность (систем уголовной юстиции, правоохраны, всего судопроизводства).

Прежде чем мы перейдем к прогнозированию развития преступности с позиций системного подхода, напомним, что под системой мы понимаем такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых их взаимодействие приобретает характер взаимосодействия в получении полезного для всей системы результата. Узловым моментом в образовании любой системы являются причины, определяющие и избирательность вовлекаемых в систему компонентов, и постановку их в отношении взаимосодействия (П. К. Анохин).

Попробуем дать определение и некоторые характеристики преступности (особенно организованной) только с позиций теории систем.

1. Преступность как система есть комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых их взаимодействие приобретает характер взаимосодействия в получении полезного для всей системы результата.

2. Каждый компонент (элемент) системы преступности предназначен для выполнения определенной функции. Сама функция – это закон, по которому живет элемент.

3. Системе преступности присуще свойство развиваться, адаптироваться к новым условиям путем создания новых связей, элементов со своими частными (локальными) целями и средствами их достижения.

4. Преступность есть система искусственная, нематериальная, открытая, целенаправленная, сложная, хорошо организованная.

5. Организованная и транснациональная преступность есть сложная и сверхсложная (на определенном уровне) динамическая (развивающаяся и самоорганизующаяся) система.

6. К последним применимо и понятие системного комплекса (или даже многоэшелонной иерархической структуры), где главным становится достижение единства через преодоление разнокачественности систем путем согласования типов взаимодействия.

На наш взгляд, есть положительный момент: в процессе своего развития, становления, самовоспроизводства преступная организация или организованная преступность в целом сталкивается с теми же системными проблемами, которые типичны для любой социальной системы. Помимо центробежных и центростремительных сил в организованной преступности имеет место острое противоборство преступных группировок, принимающее порой масштабы настоящих криминальных войн. Прогностический характер данного подхода к исследованию организованной преступности нельзя недооценивать. В связи с этим нельзя отождествлять оценку преступности и оценку деятельности правоохранительной системы по борьбе с нею. Состояние и изменение преступности определяется в значительной мере общими социальными условиями, не зависящими от правоохранительных органов. Увеличение преступности нельзя автоматически оценивать как ослабление деятельности правоохранительных органов (систем уголовной юстиции и уголовного процесса) по борь-

²³ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. С. 806.

бе с ней. Соответственно и снижение преступности – далеко не всегда успех только всей борющейся с ней системой. Требуется углубленный системный анализ причин изменения криминальной ситуации.

При этом вспомним утверждение: как бы ни была прочна система, если она создана, то есть хотя бы один способ для ее разрушения.

Думается, что, если пока существует общество, нельзя ликвидировать преступность и корни, ее порождающие, то можно и сегодня вести войну на поражение с некоторыми подсистемами, элементами системы преступности, например, системами ее управления и безопасности, организованной и профессиональной преступностью. Такая война системой уголовного процесса и всего судопроизводства должна вестись на уничтожение.

Все лица, ведущие гражданский и уголовный процессы, участвующие в системе таких отношений и действий, должны быть «вооружены» системным мышлением, теорией систем в целях наиболее эффективных предупреждения правонарушений и борьбы с преступностью. Только так, на наш взгляд, можно опережать преступность и достичь целей, которые мы ставим в войне с ней.

Интересно в связи с этим и мнение С. М. Иншакова: «Оптимальная система мер воздействия на преступность состоит из двух уровней: оперативного и стратегического. Отсутствие стратегического уровня делает систему реагирующей. Преступность в такой системе первична, ее развитие опережает воздействие. Отсутствие оперативного уровня не позволит реализоваться системе стратегических мер, носящих долгосрочный характер, эффект которых может проявляться через годы. Без оперативного обеспечения не может быть проведена в жизнь никакая стратегия»²⁴.

Обоснование современной стратегии борьбы с преступностью в России, которая по своей сущности есть система, состоящая из нескольких элементов, тоже должно идти с применением системной методологии. Сегодня в юридической литературе четко обозначились три основные точки зрения на такую стратегию. Первые стоят за продолжение сегодняшнего курса безудержной либерализации и гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, когда даже само понятие «борьба с преступностью» применительно к деятельности системы уголовной юстиции и уголовного процесса объявлено «вульгарной идеей», несовместимой со шкалой либеральных ценностей²⁵. Думается, что эта позиция сегодня уже не выдерживает острейшей критики, жизнь показала ее несостоятельность.

Поэтому набрала силу точка зрения второй группы авторов, среди которых можно выделить А. И. Алексеева, В. С. Овчинского, Э. Ф. Побегайло и некоторых других. Мы поддерживаем выводы этой группы ученых и практиков и также считаем, что либеральные реформы в сфере борьбы с преступностью, вызванные бездумным и безоглядным следованием западным рецептам, не оправдались, оказались губительными для России; что деятельность систем уголовной юстиции и уголовного процесса в данной области надо наполнять новым смыслом. Необходимость в этом, безусловно, назрела.

Выделим некоторые выводы в рамках системного подхода к вопросам о стратегии борьбы, сделанные в юридической литературе, которые считаем правильными и конструктивными в контексте нашего исследования. Очень интересно, на наш взгляд, мнение В. Б. Кулика: «Почти все государства прошли через следующие стадии в воздействии на организованную преступность: отрицание самого факта существования организованных преступных групп (сообществ); затем – попытка бороться с ними традиционными средствами и осознание неэффективности старых подходов; следующий этап – разработка правовых и организационных мер, которые могут в значительной мере компенсировать преимущества мафии, связанные с ее коварством и жестокостью. Наше общество сейчас находится на второй стадии и никак не решится сделать очередной шаг, который во многих странах увенчался

²⁴ Иншаков С. М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 296.

²⁵ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 19.

успехами в борьбе с организованной преступностью. ...Одним из глобальных факторов организации преступности является несоответствие между сложной социальной природой криминального феномена и упрощенными подходами к воздействию на него – попытка избавиться от преступности с помощью различных мер борьбы без серьезных изменений культурных и политических основ жизни общества»²⁶.

Е. А. Мохов считает, что в настоящее время борьба с организованной преступностью в нашей стране ведется, образно говоря, путем «рубки» его ветвей – организованных преступных группировок и сообществ, что на время затрудняет рост организованной преступности, мешает ее развитию и самовоспроизводству; однако такая стратегия борьбы не позволяет кардинально решить эту проблему; необходимо обрубить питающие ее корни – экономические, политические, идеологические, социальные, психологические²⁷. А. С. Овчинский и С. О. Чеботарева, справедливо считая, что деятельность правоохранительных органов должна наполниться новым смыслом – борьбой как с самой преступностью, так и с наиболее опасными ее качествами, выделяют несколько направлений такого движения: чтобы интрузивные качества преступности, связанные с проникновением ее во все поры общества, менялись на экструзивные, т. е. преступность выдавливалась из общественных отношений и из легальных сфер деятельности; следует различать деструктивные и «конструктивные» элементы в организованной преступности и в борьбе с первой применять самые решительные меры, вплоть до отмены моратория на применение смертной казни; третье направление усилий правоохранительных органов – преодоление неуязвимости высших эшелонов криминальной иерархии, ослабление системы защиты организованной преступности²⁸.

Есть в современной юридической литературе и соответствующие предложения по борьбе с отдельными элементами системы организованной преступности в нашей стране. Например, В. В. Астанин, разрабатывая тему борьбы с коррупцией, пишет: «...стихийной остается борьба с коррупцией, складывающаяся на практическом уровне, не обеспеченном принципами общей организации борьбы (определением стратегии, информационно-аналитической деятельностью, координацией, законодательным обеспечением). Отсутствие принципов общей организации борьбы сводит любые предпринимаемые меры предупреждения коррупции, карательной деятельности по борьбе с ней к утрате их возможной системности. Такая позиция способна оптимально учитывать закономерности проявлений коррупции, процессы их детерминации, определять системность борьбы с ней»²⁹.

Очень уместно будет в этой части нашей статьи следующее мнение: «Методология науки всегда ориентирует исследователей на поиск истины. Если социальный заказ ориентирует не на поиск истины, а на поиск аргументов в пользу тех или иных теорий, выгодных определенной социальной группе, то научная методология для такой установки окажется непреодолимым препятствием (исследования в соответствии с этим заказом могут проводиться, но к науке они не будут иметь никакого отношения)»³⁰.

И еще: системное мышление (системный подход) в настоящее время проникает во все области научного знания и человеческой деятельности как наиболее плодотворный путь исследования при решении сложных теоретических и практических задач. Возрастает и необходимость развития этих методов, приближения их к практическим потребностям для решения острейших проблем России.

«Обобщая сказанное, можно сделать вывод о необходимости введения в современное юридическое образование дисциплины “системный анализ”, “системный подход” или “си-

²⁶ Кулик В. Б. Организованная преступность как социальное и правовое явление. Учеб. пособие. Воронеж: Издательство НПО «МОДЕК», 2005. С. 12, 14.

²⁷ Мохов Е. А. Организованная преступность и национальная безопасность России. 2-е изд. М.: Вузовская книга, 2006. С. 62.

²⁸ Овчинский А. С., Чеботарева С. О. Матрица преступности. М.: Норма, 2006. С. 103.

²⁹ Астанин В. В. Борьба с коррупцией в России XVI-XX веков: диалектика системного подхода. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. С. 92.

³⁰ Иншаков С. М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии. Монография. С. 211.

стемное мышление” и т. п. – как одного из общих курсов в фундаментальной подготовке студентов, аспирантов и слушателей, так и новой специальности, существующей пока лишь в нескольких вузах мира»³¹.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы использования системного подхода как метода в научных исследованиях и практике российского правоприменения. Особое внимание обращено на роль системного подхода (метода) в борьбе с преступностью. Автор статьи представляет мировоззрение как силу, которая направляет деятельность каждого индивида, а методология определяется как мировоззрение на основе научной достоверности, четкости законов и принципов познания и выступает руководством к деятельности, где особое место занимают «системный анализ», «системный подход» и в целом «системное мышление».

Ключевые слова. Системный подход, методология борьбы, преступность.

Annotation. The paper deals with a systematic approach as a method in the research and practice of the Russian law enforcement. Particular attention is paid to the role of a systems approach (method) in the fight against crime. The author of article considers the outlook as a force which directs activity of each individual, and the methodology is defined as outlook on the basis of scientific reliability, clearness of law and the principles of knowledge and acts as the management to activity where the special place is taken by «system analysis», «system approach» and in general «system thinking».

Keywords. Systematic approach, methodology fight, crime.

---

³¹ *Капустин А. А.* Системное мышление для правоведов (вопросы методологии). Монография. СПб.: СПбГИЭУ, 2011. С. 13.

С. В. Кузьмин
S. V. Kuzmin

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ТАКТИЧЕСКОГО ПРИЕМА

ON THE CONCEPT OF TACTICAL RECEPTIONS

Развитие теории планирования следственных действий во многом зависит от степени разработки тактических приемов, комбинаций и операций. Исторически так сложилось, что теория планирования следственных действий и теория тактических приемов, а затем, с 70-х годов XX в., теория тактических комбинаций и операций развивались обособленно друг от друга. Со временем этот разрыв все более увеличивался и привел к тому, что многие рекомендации по использованию тактических приемов, комбинаций и операций оказались трудно применимыми на практике. Прежде всего, это касается рекомендаций по выбору тактических приемов, построению указанных комбинаций и операций в процессе планирования расследования.

Проблематикой тактических приемов, комбинаций и операций занимались многие отечественные криминалисты. В их числе О. Я. Баев, Р. С. Белкин, Н. Р. Божкова, И. Е. Быхов-

ский, А. Н. Васильев, В. И. Винберг, В. Г. Власенко, Л. Я. Драпкин, А. В. Дулов, Е. П. Ищенко, В. И. Комиссаров, В. Я. Колдин, В. С. Комарков, И. М. Лузгин, М. П. Малютин, С. П. Митричев, Е. О. Москвин, В. А. Образцов, Н. И. Порубов, А. Р. Ратинов, Е. Р. Россинская, Н. А. Селиванов, П. И. Тарасов-Родионов, С. И. Цветков, Н. П. Яблоков, С. Ю. Якушин и др. Существенный вклад в развитие тактических приемов допроса обвиняемого был внесен советскими психологами Л. Д. Филоновым и В. И. Давыдовым¹.

В ходе научных исследований были предприняты попытки определить понятия тактического приема, комбинации и операции, разобраться с их свойствами, содержанием, дать различные классификации, установить пределы допустимости и критерии применения, предложить некоторые подходы к выбору данных приемов, построению комбинаций и операций и др.

Несмотря на обилие работ, данный раздел криминалистической тактики содержит ряд спорных, неразрешенных вопросов, на которые до сих пор нет однозначного ответа. Среди них главным, с практической точки зрения, является вопрос о понятии и свойствах тактического приема². Без ответа на него говорить о выборе тактических приемов и, как следствие, о построении тактических комбинаций и операций в процессе планирования невозможно, потому что непонятно, из чего выбирать и строить, не говоря уже о том, как это делать.

Спор относительно данного вопроса разделил криминалистов на две группы. Сторонники первой считали, что тактический прием представляет собой рекомендацию, не может содержаться в уголовно-процессуальных нормах³ и потому не обладает свойством обязательности для следователя. Приверженцы второй полагали, что тактический прием может быть как рекомендацией, так и нормой закона⁴. Некоторые из них специально обращали внимание на то, что тактические приемы, закрепленные в нормах процессуального права, могут носить как обязательный, так и факультативный характер⁵.

Несмотря на кажущуюся безупречность, первая точка зрения имела исключения. Например, рекомендации относительно статической и динамической стадий осмотра, которые обычно относили к тактическим приемам, выпадали из предлагаемой конструкции, поскольку они являлись по своей сути обязательными для следователя. Альтернативой им был бы не другой тактический прием, а игнорирование данной рекомендации⁶ и, соответственно, утрата возможности получить достоверное доказательство. По каким-то причинам вышеуказанный парадокс либо полностью игнорировался, либо из него делался только один вывод о том, что «свобода выбора не может рассматриваться как необходимый признак определения понятия тактического приема»⁷. Насколько нам известно, никто из ученых так и не задал вопрос о том, являются ли перечисленные рекомендации тактическими приемами, и не поставил более общий вопрос: любая ли рекомендация относительно проведения следственного действия, содержащаяся в криминалистической тактике, является тактическим приемом.

¹ Филонов Л. Д., Давыдов В. И. Психологические приемы допроса обвиняемого // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 111-122.

² В данном случае речь идет только о тактических приемах, составляющих основное содержание любого следственного действия. За пределами нашей темы остаются так называемые «общие» тактические приемы, к числу которых некоторые криминалисты относят планирование, следственные версии, использование в ходе расследования помощи общественности и др. (см., напр.: Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. С. 85).

³ См., напр.: Васильев А. Н. Криминалистика. М., 1971. С. 255; Винберг А. И. О научных основах криминалистической тактики // Правоведение. 1965. № 3. С. 79; Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. С. 85; Якубович Н. А. Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971. С. 65-66; и др.

⁴ См., напр.: Белкин Р. С. Новый УПК РСФСР и некоторые вопросы науки советской криминалистики. М., 1961. С. 161; Якушин С. Ю. Понятие и сущность тактического приема при расследовании преступлений // Правоведение. 1980. № 6 (об этом подробно писал Г. Г. Зуйков (см.: Криминалистика. Т. II. М., 1970. С. 14).

⁵ См., напр.: Шаламов М. П. Некоторые проблемы советской криминалистики. М., 1965. С. 27.

⁶ Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. С. 82-83.

⁷ На это обстоятельство обращали внимание В. Я. Колдин и Н. А. Селиванов (см.: Криминалистика социалистических стран. М., 1986. С. 91).

Представления второй группы ученых о нормативности тактических приемов имели под собой историческую основу. Во многом это объяснялось тем, что отечественная криминалистика всегда была тесно связана с уголовным процессом. Предмет отечественной криминалистики в современном виде определился не сразу, относительно недавно, в 60-х годах XX в. Еще в 40-х годах прошлого века некоторые ученые-процессуалисты рассматривали криминалистику как сугубо вспомогательную техническую дисциплину, не оставляя в ней места ни для тактики, ни для методики расследования, полагая, что данные разделы знания относятся к предмету науки уголовного процесса⁸. Близкую к вышеназванной позиции ранее занимали и отдельные ведущие советские криминалисты. Так, Б. М. Шавер, размышляя о методе и предмете советской криминалистики, считал, что тактические приемы допроса, осмотра, обыска и других следственных действий составляют предмет изучения уголовного процесса и должны быть исключены из криминалистики⁹. При таких трактовках совершенно очевидно, что тактические приемы относились к сфере уголовного процесса и им, естественно, придавался нормативный характер.

Данная точка зрения еще больше укрепилась с принятием союзными республиками в 1959-1961 гг. новых уголовно-процессуальных кодексов, большинство из которых ввели в качестве самостоятельных следственных действий опознание, следственный эксперимент и получение образцов для сравнительного исследования¹⁰. Названные действия, в силу процессуальной аналогии, применялись в ходе расследования и ранее¹¹. Подобная практика находила поддержку и в научной среде: криминалисты и процессуалисты разрабатывали тактические правила их проведения¹². Однако с принятием указанных законов рекомендательный характер этих правил изменился, они приобрели статус нормы, что дало некоторым ученым основание отождествлять тактические приемы с уголовно-процессуальными нормами.

На наш взгляд, подобное обоснование нормативности тактического приема являлось ошибочным. В основе заблуждения лежал ряд взаимосвязанных причин. В их числе недостаточное понимание различий между основными целями, которые преследуют уголовно-процессуальная норма и криминалистическая рекомендация, и, в конечном счете, незавершенный к тому времени спор о предметах науки уголовного процесса и криминалистики, а также неверное методологическое позиционирование сторонников данной точки зрения. Первоначальное отнесение указанных правил к числу тактических имело простое объяснение: они требовали своего названия, но не могли быть названы процессуальными, поскольку не носили нормативный характер вплоть до их законодательного закрепления. Сторонники данной точки зрения считали себя криминалистами и обычно числились сотрудниками кафедр криминалистики. Однако этот факт сам по себе еще не означал, что все разработанное ими автоматически должно относиться к числу тактических рекомендаций. Важнее, на наш взгляд, была подлинная методологическая определенность самих ученых: с позиции какой науки они действовали, создавая указанные рекомендации до их законодательного закрепления в уголовно-процессуальных кодексах, были ли данные правила изначально тактическими, какую цель преследовали ученые, которые занимались их подготовкой.

⁸ См. подробнее: *Строгович М. С.* Уголовный процесс. М., 1946. С. 28. – Близкую позицию по этому вопросу занимал и М. А. Чельцов (см.: Уголовный процесс. Учебник для юридических вузов. М., 1948. С. 32-33).

⁹ *Шавер Б. М.* Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 79-81. – Справедливости ради нужно сказать, что позиция М. Б. Шавера в этой части была не совсем последовательна. В этой же статье (с. 81) он высказался, что криминалистика, занимаясь приспособлением данных психологии к задачам расследования, разрабатывает проблемы психологии свидетельских показаний, а также ряд тактических приемов, которые используются при допросе.

¹⁰ УПК пяти союзных республик (Казахской, Латвийской, Литовской, Таджикской и Туркменской) закрепили в качестве самостоятельного следственного действия проверку показаний на месте (проверку и уточнение показаний на месте).

¹¹ Опознание обычно производилось в ходе допроса, а следственный эксперимент – в процессе осмотра.

¹² См., напр.: *Тарасов-Родионов П. И.* Предварительное следствие. М., 1955. С. 143–146, 149–155.

Анализ принятых норм свидетельствует о том, что предложенные криминалистами рекомендации по проведению следственных действий уже на этой стадии носили не тактический, а процессуальный характер, поскольку были направлены на создание безусловных, единообразных для всех случаев и участников прав и обязанностей, при соблюдении которых можно было бы говорить о законности и объективности в процессе сбора доказательств. Именно в силу такой направленности они и были органично включены законодателем в уголовный процесс и получили нормативный статус.

В отличие от процессуальной нормы тактические приемы всегда нацелены на повышение эффективности при сборе доказательств. Это обусловлено самой природой любой¹³, в том числе криминалистической, тактики, основным предназначением которой является достижение цели с наименьшей затратой сил, средств и времени. Отталкиваясь от различия в функциональной направленности процессуальной нормы и тактического приема, допустимо утверждать, что императивное предписание закона не может быть тактическим приемом потому, что оно преследует совершенно другую цель. Она заключается в том, чтобы определить задачи и пределы следственного действия, общий порядок его проведения, права и обязанности участников. Напротив, диспозитивные процессуальные нормы потенциально могут быть тактическими приемами, если они выполняют такую функцию, как повышение эффективности при проведении определенного следственного действия¹⁴. Примером могут служить нормы, касающиеся обыска. Согласно ч. 8 ст. 182 УПК РФ следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска. Идентичная норма содержалась в ст. 170 УПК РСФСР 1960 г. Похожая норма была закреплена в ст. 179 УПК РСФСР 1923 г. Согласно ей в случае надобности обыскиваемое место может быть оцеплено стражей или особо приглашенными на то лицами. Содержание перечисленных норм свидетельствует об их тактической направленности на то, чтобы повысить эффективность обыска, снизить риск уничтожения доказательств, предотвратить или уменьшить возможное противодействие со стороны заинтересованных лиц.

Тот факт, что указанные нормы вобрали в себя тактические рекомендации, имеет историческую подоплеку. Как упоминалось ранее, уголовный процесс и криминалистика прошли длительный совместный путь. Процессуальные нормы возникали и развивались не в стерильной пробирке, а в результате сложной практической деятельности, путем их тщательного отбора и последующего закрепления законодателем. При недостаточном различении предметов уголовного процесса и криминалистики не всегда было возможно рафинированно отделить сугубо процессуальные правила от тактических рекомендаций, особенно если последние имели обобщенный характер и могли быть распространены на любую категорию дел.

Современное понимание различий указанных предметов позволяет выделить тактическую составляющую из диспозитивных процессуальных норм, переформулировать ее под новые задачи и перенести уже в виде тактического приема в криминалистическую науку. Если в уголовном процессе законодатель делает акцент на права и обязанности следователя при использовании названных норм, то в криминалистической тактике они должны быть определены как действия (линия поведения), направленные на повышение эффективности при сборе доказательств. Такая трансформация может быть исключительно полезной в сугубо практическом смысле, поскольку позволит создать «банк» тактических приемов и облегчит их выбор в ходе планирования.

С этой же целью необходимо провести ревизию всех тактических рекомендаций и ответить на вопрос, какие из них действительно являются тактическими приемами, а какие нет. Многие криминалисты при определении тактического приема обращали внимание

¹³ В военной области, спорте, любой иной сфере, где человек сталкивается с противодействием и необходимостью наилучшим образом преодолеть его. При этом противодействие может быть не только со стороны человека, но и со стороны природы, различных условий, обстоятельств и др.

¹⁴ Далеко не каждая диспозитивная норма направлена на повышение эффективности следственного действия и, следовательно, может быть тактическим приемом.

на то, что избираемый следователем способ действия или линия поведения должны быть эффективными¹⁵. Однако эффективность может быть использована не только как существенный признак тактического приема при его определении, но и как критерий в процессе проведения упомянутой ревизии. В частности, он позволяет разобраться с давним парадоксом относительно статической и динамической стадий осмотра, которые относили к обязательным тактическими приемам. Воспользовавшись им, несложно понять, что названные стадии не являются тактическими приемами, поскольку имеют совершенно другую задачу. Они ориентированы не на то, чтобы повысить эффективность указанного действия, а на то, чтобы установить правила, которыми должен руководствоваться следователь при осмотре, и тем самым обеспечить объективность его результатов. Нарушение данной очередности всегда влечет утрату, искажение доказательств. То же самое можно сказать и относительно рекомендаций, высказанных В. А. Гуняевым¹⁶, о последовательности осмотра конкретного предмета на месте происшествия: вокруг этого предмета, на нем, под ним. Несоблюдение предлагаемого порядка может привести к потере доказательственной информации. Направленность этих рекомендаций позволяет утверждать, что они также не являются тактическим приемом, а представляют собой существующую в скрытом виде уголовно-процессуальную норму и рано или поздно непременно получают такой статус.

Возвращаясь к началу дискуссии и подводя общий итог сказанному, можно утверждать, что тактический прием является для следователя основанной на требованиях закона рекомендацией о наиболее эффективных способах (линии поведения) сбора доказательств с учетом конкретной следственной и тактической ситуаций. Сказанное справедливо не только для сугубо криминалистических рекомендаций, но и для тактической составляющей, содержащейся в диспозитивных уголовно-процессуальных нормах, которые направлены на повышение эффективности при сборе доказательств.

Аннотация. Основным свойством тактического приема является его нацеленность на повышение эффективности при сборе доказательств. Это обусловлено природой криминалистической тактики, основным предназначением которой является достижение цели с наименьшей затратой сил, средств и времени. Императивное предписание закона не может быть тактическим приемом потому, что оно преследует совершенно другую цель: определить задачи и пределы следственного действия, общий порядок его проведения, права и обязанности участников. Напротив, диспозитивные процессуальные нормы потенциально могут быть тактическими приемами, если они выполняют такую функцию, как повышение эффективности при проведении определенного следственного действия.

Ключевые слова. Тактический прием, понятие, свойства, эффективность тактического приема.

Annotation. The main distinctive feature of the tactical method is its focus on improving the efficiency of gathering evidences. This is determined by the nature of criminal tactics, aimed at achieving the goal with less efforts, time and means. The mandatory law requirement cannot be a tactical method as it pursues a completely different purpose, namely, to identify the challenges and limits of investigative actions, the overall order of their implementation, as well as the rights and obligations of the participants. On the contrary, the discretionary procedural rules could be potentially tactical methods in case of increasing the efficiency of carrying out specific investigative actions.

Keywords. Tactical method, notions, properties, efficiency of tactical methods.

¹⁵ См., напр.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 208. – Об этом писал И. Е. Быховский (см.: Криминалистика. Л., 1976. С. 282).

¹⁶ Данное положение было высказано В. А. Гуняевым во время занятий по осмотру места происшествия в Институте усовершенствования прокурорско-следственных работников Генеральной прокуратуры СССР.

Раздел 3

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В. Н. Антонов
V. N. Antonov

СТАБИЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИЯ – ОСНОВА РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

STABILITY OF CONSTITUTION – THE BASIS OF A DEVELOPING SOCIETY

Жизнь задыхается без цели.
Ф. М. Достоевский

Современный уровень накопленных знаний позволяет с уверенностью говорить о том, что мы живем в мире Систем – простых, сложных, очень сложных, чрезвычайно сложных и т. д.

Социальные системы по своей природе относятся к наиболее сложным, а системы государственного устройства – правофланговые в этом ряду. Исследования таких систем практически невозможны без привлечения методов моделирования.

В предлагаемой Вашему вниманию работе попытаемся проанализировать роль Конституции в развитии систем государственного устройства, используя простые и наглядные модели.

Любая система обязательно состоит из трех составляющих: элементы, связи и объединяющая их цель. Цель является самым «сильным» системообразующим фактором. Система существует до тех пор, пока есть цель. Если поставленная (сформулированная) цель достигнута, то существуют два сценария развития событий: либо система прекращает свое существование, либо формулируется новая цель, причем система неким образом перестраивается и продолжает функционировать.

При построении системы государственного устройства цель, как правило, формулируется в Конституции или аналогичном правовом акте. Попробуем проанализировать цели в Конституциях РСФСР и, позднее, СССР и Российской Федерации, начиная с 1917 г. Основное внимание уделим продолжительности их существования и количеству внесенных изменений.

Первые цели будущего Российского государства: мир – народам, землю – крестьянам, фабрики – рабочим, были определены еще до Октябрьской революции в крестьянских наказах, сформулированных Советами и Земельными комитетами в августе 1917 г. и закрепленных в «Декрете о мире»¹ и «Декрете о земле»², принятых на Втором Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября (8 ноября) 1917 г., а также в Положении о рабочем контроле³ 14(27) ноября 1917 г.

Уже 2(15) ноября 1917 г. в дополнение к «Декрету о мире» Совнарком принимает «Декларацию прав народов России»⁴, в которой провозглашаются:

© В. Н. Антонов, 2014

¹ Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

- «равенство и суверенность народов России;
- право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;
- отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений;
- свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Эти благородные цели, провозглашенные в критическое для государства время, едва не привели к катастрофе и полному развалу системы государственного устройства: армия развалилась и разбежалась, фабрики и заводы разграблены, крестьяне не только убивают помещиков и дворян, но и воюют между собой за землю, которая стала как бы ничьей, о своей независимости объявили Финляндия, Прибалтийские губернии, Украина, Кавказ, казачьи области.

Для сохранения власти в Российской советской республике большевикам нужно было срочно что-то делать, и в январе 1918 г. появляется Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа⁵. Основными задачами (целями) провозглашаются:

- «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком,
- полное устранение деления общества на классы,
- беспощадное подавление эксплуататоров,
- установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах».

Вводится понятие уравнительного землепользования, декретируется вооружение трудящихся, образуется социалистическая Красная армия рабочих и крестьян.

В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность».

Эти цели в основном закрепляются и в первой Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г.⁶

Вместе с тем в Главе 5 в качестве основной задачи вводится необходимость «установления диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Отметим, это третье изменение целей системы государственного устройства за два года.

В июле 1923 г. на второй сессии ЦИК СССР первого созыва была принята новая Конституция СССР, в окончательной редакции она утверждена II съездом Советов СССР 31 января 1924 г.⁷ Главными целями СССР провозглашаются:

- «создание единого фронта Советских республик,
- создание новой политической культуры – пролетарской по содержанию и национальной по форме,
- объединение трудящихся всех стран в мировую Социалистическую Советскую Республику».

Существенно смягчены формулировки норм о насилии, подавлении, уничтожении «паразитических» слоев общества, исключены положения о мировой революции в интересах всего человечества.

Очередная корректировка целей происходит в Конституции РСФСР, принятой в мае 1925 г.⁸

- «гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии,
- уничтожение эксплуатации человека человеком,
- осуществление коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

⁵ Там же.

⁶ Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1918. 19 июля.

⁷ Конституция СССР / Ком. партия Грузии (б). Тифлис: Изд-во ЦК, 1924.

⁸ Конституция СССР. М.: Тип. «Печать». 1932.

Кроме того, целью государства является обеспечение:

- «Свободы совести;
- Свободы выражения своих мнений;
- Свободы собраний;
- Свободы союзов;
- Свободы действительного доступа к знаниям».

Новая редакция Конституции РСФСР принята 18 ноября 1926 г.⁹, в ней в дополнение к сформулированным ранее целям добавляются следующие:

- «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики;
- в целях всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-крестьянской Революции устанавливается всеобщая воинская повинность».

Конституция, принятая в 1936 г.¹⁰, вновь меняет цели развития системы государственного устройства:

- «увеличение общественного богатства;
- подъем материального и культурного уровня трудящихся;
- укрепление независимости СССР;
- кто не работает, тот не ест;
- от каждого по его способности, каждому по его труду».

«Сталинская» Конституция 1936 г. пока является самой долгоживущей, однако в период с 1936 по 1976 г. цели государства менялись несколько раз, можно указать самые значимые:

- послевоенное восстановление народного хозяйства;
- борьба за мир – исключить возможность перерастания холодной войны в горячую;
- догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки;
- построение материальной базы коммунизма.

Очередная, «брежневская», Конституция, принятая в 1977 г., вновь меняет цели государства:

- «высшая цель – построение бесклассового коммунистического общества;
- забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех».

Изменения в Конституции 1977 г.¹¹ не удастся точно подсчитать. Из-за назревавшего развала Советского Союза Конституция подвергалась неоднократным ревизиям. Две редакции – в 1988 и 1990 гг. – значительно изменили текст Конституции 1977 г., а в 1992 г. согласно закону № 2708-1 было изменено название Конституции. В 1985 г. по инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС начинается «перестройка» и главными целями объявляются гласность и борьба за трезвый образ жизни.

Очередная Конституция, принятая после развала Советского Союза в декабре 1993 г.¹², вновь коренным образом изменила цели системы государственного устройства.

Теперь это – «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина».

К сожалению, в самой цели действующей Конституции заложено противоречие – каким образом следует разделять права и свободы человека и гражданина. Как они соотносятся между собой: чьи права и свободы предпочтительнее, какие шире; что делать, если права и свободы человека противоречат правам и свободам гражданина; могут ли они соприкоснуться или должны быть строго разграничены и т. д. Ученые-правоведы различают гражданские права и естественные свободы, но то, что очевидно для специалистов, может быть непонятно для большинства населения страны. При определении целей следует помнить о том, что Конституция создается не только для юристов и представителей различных ветвей власти,

⁹ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (СЗ СССР. 1926. № 52. Ст. 397).

¹⁰ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек.

¹¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат, 1980.

¹² Российская газета. 1993. 25 дек.

но и для всех жителей страны. Эта дискуссионная тема может стать предметом отдельного исследования. Мы же отметим, что в текст действующей Конституции уже внесено 9 существенных изменений, не затрагивающих сформулированную цель, однако настораживает легкость и быстрота корректировки основного законодательного акта.

Подведем итог. **За период с 1917 по 2014 г. цели Российского государства коренным образом изменялись минимум 14 раз, было принято 5 Конституций.**

Для того чтобы оценить последствия подобных действий, обратимся к физической, или, точнее, биологической, модели. Модель эта проста и наглядна, ее может проверить любой гражданин, проживающий южнее 65-й параллели. Предположим, что Вы решили вырастить виноградную лозу (выше 65-й параллели это сделать проблематично). Для этого достаточно посадить в теплую землю виноградную косточку, а когда появится росток, воткнуть рядом с ним ореховую веточку. Через какое-то время виноградный росток потянется к веточке, но как только это произойдет, мы переместим ветку в другое место, росток вновь к ней потянется, а мы опять переместим ветку на десяток-другой сантиметров. Так можно делать раза три-четыре. На пятый (а может быть, шестой) раз виноградный росток перестанет тянуться к этой ветке и начнет искать себе другую опору. Аналогичный процесс происходит в системе государственного устройства. Для нормального развития общества ему нужна опора, в нашем примере Конституция, в которой обозначены системные цели и задачи. Если цели и даже сами Конституции менять достаточно часто, то граждане страны (общество в целом) перестанут следовать этим целям, перестанут верить в Конституцию и будут искать себе новую опору. Таким образом, цели, обозначенные в Конституции, должны быть неизменными на длительном (несколько поколений) промежутке времени. Только в этом случае можно добиться устойчивого развития общества и системы государственного устройства.

Устойчивой система государственного устройства может быть только в движении (развитии), она подобна велосипеду, который падает при остановке. Нужно обладать особыми навыками и талантом, чтобы балансировать на остановившемся велосипеде.

Безусловно, четко обозначенные понятные цели являются необходимым условием развития системы государственного устройства.

Еще несколько слов о том, почему рядом с виноградным ростком желательно воткнуть ореховую ветку. На самом деле, объяснить, почему именно ореховую – трудно, а вот почему не титановый стержень или ветку тополя – можно. Титановый стержень, несмотря на все его преимущества как опоры для лозы, имеет совершенно другую природу, он чужд живому ростку, и не будет им воспринят. С веткой тополя другая проблема: она может сама прорасти, начать жить собственной жизнью, несовместимой с виноградной лозой.

Если опору сделать слишком гибкой, то виноградная лоза может ее согнуть и сделать совершенно неспособной для выполнения своих функций.

В заключение позволим себе сформулировать основной системный закон позитивного развития системы государственного устройства: **в государстве можно изменять все, кроме целей Конституции.**

Очевидно, можно придумать еще десятки моделей, иллюстрирующих взаимоотношения общества и Конституции. Но если Вы дочитали эту статью и задумались:

- насколько важно для развития системы государственного устройства сохранять стабильность Конституции и сформулированных в ней целей;
- как часто и насколько легко можно вносить поправки в текст Конституции;
- насколько точно и однозначно должна быть сформулирована цель, – то можно считать, что цель этой работы достигнута.

Аннотация. В статье рассматривается связь между устойчивым развитием общества и неизменностью целей, записанных в Конституции.

Ключевые слова. Право, Конституция, поправки, государство, общество, стабильность, устойчивость, цели.

Annotation. The article examines the relationship between sustainable development of society and the stability of purpose written in the Constitution.

Keywords. Law, the Constitution, amendments, state, society, stability, purpose.

Раздел 4

ЕЖЕГОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

Е. Н. Абрамова

E. N. Abramova

ЦЕННЫЕ БУМАГИ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ

SECURITIES: TO THE QUESTION OF TERMINOLOGY

Для романо-германской системы права характерно определение ценной бумаги как документа, поэтому не удивительно, что и в России на протяжении столетий ценная бумага традиционно определяется как документ. Не отошел от указанной традиции и ГК РФ, который после проведенной реформы гражданского законодательства, в результате которой глава 7 ГК «Ценные бумаги» была существенно изменена, не отказался от взгляда на ценную бумагу как на документ. Пункт 1 ст. 142 ГК устанавливает понятия двух разных инструментов, один из которых получил название документарной ценной бумаги (классические ценные бумаги), а другой – бездокументарной ценной бумаги (обязательственные и иные права, закрепленные в решении о выпуске или ином документе).

Документами при этом в норме ГК названы только документарные ценные бумаги, что и послужило разграничению и противопоставлению терминов «документарная ценная бумага» и «бездокументарная ценная бумага». Однако и целесообразность указанного противопоставления, и обоснованность таких терминов в юридической литературе были подвергнуты большим сомнениям¹.

Целесообразность использования традиционного термина «ценные бумаги» вместо нового и бессмысленного «документарные ценные бумаги» подтверждается и тем, что ценной бумагой по существу могут быть названы только такие документы, с которыми неразрывно связано удостоверяемое ими право. Настолько тесно, что «бумага является как бы носителем права. Право овеществляется в бумаге»². Несмотря на то что сам М. М. Агарков предостерегал от понимания указанной формулы буквально и настаивал на ее функции как образного выражения, хорошо оттеняющего особенности ценных бумаг, фактически она означает, что ценная бумага (классическая): 1) является квазивещью (или условной вещью); 2) способна к обращению в торговом обороте; 3) распоряжение ею путем предъявления управомоченным лицом аналогично фактической передаче вещи ее собственником новому владельцу. Вещью в собственном смысле слова ценная бумага выступать не может, поскольку сама по себе не имеет полезных свойств для человека, а ценна лишь благодаря тому праву, которое удостоверяет.

© Е. Н. Абрамова, 2014

¹ Так, В. В. Грачев отмечает: «Родовым понятием при том выступает понятие “документ”... Но если ценная бумага – это документ, то документарная ценная бумага предстает как “документарный документ”! Неприемлемость такой терминологии очевидна. Ведь не бывает же “бумажных бумаг”, “юридических юристов”, “судебных судов” и т. п.» (Грачев В. В. Вопросы ценных бумаг и реформа гражданского законодательства // Проблемы гражданского права и процесса. Вып. 1. Ярославль, 2011. С. 3-11). Интересен тот факт, что против использования указанных терминов выступают как сторонники, так и противники концепции бездокументарных ценных бумаг (см., напр.: Белов В. А. Общие положения о ценных бумагах: некоторые юридические заблуждения // Законодательство. 2009. № 2. С. 21; Габов А. В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011 // СПС «КонсультантПлюс»).

² Агарков М. М. Учение о ценных бумагах. М.: Финстатинформ, 1993. С. 11.

На этом фоне так называемая бездокументарная ценная бумага «также признается ценной бумагой» согласно абз. 2 п. 1 ст. 142 ГК, т. е. является некоей двойной условностью: она условно отнесена к ценным бумагам, а последние, в свою очередь – условно отнесены к вещам. Однако ст. 128 ГК не позволяет согласиться с таким определением правовой природы бездокументарной ценной бумаги и режимом двойной фикции (двойной условностью). Документарные ценные бумаги согласно ст. 128 ГК, действительно, относятся к вещам, но бездокументарные ценные бумаги вещами не являются, они относятся к «иному имуществу», к имущественным правам, что, в целом, согласуется и с их легальной дефиницией как обязательственных и иных прав в ст. 142 ГК. Таким образом, легальная концепция бездокументарной ценной бумаги позволяет выявить следующие ее черты: 1) это права; 2) они способны к обращению в гражданском обороте; 3) они зафиксированы в решении о выпуске или ином документе должника; 4) их осуществление и передача возможны с соблюдением правил учета данных прав.

Это означает, что помимо оборотоспособности бездокументарные ценные бумаги имеют еще один общий признак с классическими ценными бумагами – наличие документа. И наименование бездокументарной ценной бумаги равносильно высказыванию «бездокументарный документ», т. е. неопределенное ничто. Зависимость законодателя и сторонников концепции бездокументарных ценных бумаг от термина «ценная бумага» основана лишь на том, что некоторые распространенные сегодня бездокументарные ценные бумаги когда-то были обычными, т. е. документарными ценными бумагами. Такая приверженность традициям для сторонников модернизации устоявшихся конструкций гражданского права выглядит весьма странно. Тем более, что и традиции такой, собственно, не было.

Акции и облигации всегда легитимировали управомоченное лицо не только включением имени последнего в акцию или облигацию, но и путем записи имени акционера или облигационера в специальный список, который вел должник. Иными словами, инвестиционные ценные бумаги всегда были исключением из общего правила об овеществлении права в бумаге как единственного способа удостоверения права. И не только «до прихода к власти большевиков», как полагает А. В. Габов³, но и в советский период, и в германской традиции, откуда это правило было реципировано в российское право⁴. Признаков «дематериализации»⁵, однако, такой порядок легитимации не имел. Инвестиционные ценные бумаги, как привлекавшие значительные инвестиции и затрагивавшие значительное число участников, должны были легитимировать своих держателей дважды (во-первых, с помощью овеществления и, во-вторых, с помощью перечня акционерного общества, который всегда можно было проверить контролирующему органу), именно для защиты прав держателей.

Только на современном этапе произошло уменьшение защитных мер с помощью легитимации управомоченного держателя, поскольку появились другие эффективные способы защиты прав держателей, позволяющие в то же время сократить расходы на выпуск собственно бумажных документов и на их защиту от подделок. Только с появлением электронных способов учета и записей и произошла впервые дематериализация. Инвестиционные ценные бумаги утратили свойство овеществления права в документе. И, как представляется, одновременно стало необоснованным называть их ценными бумагами. Инвестиционные инструменты (как в США), ценные права (Wertrecht) (как в Германии и Швейцарии)⁶, инвестиционные бумаги (права) или другие, но не ценные бумаги.

³ Габов А. В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка.

⁴ Агарков М. М. Учение о ценных бумагах. С. 104.

⁵ Глоссарий терминов, используемых в платежных и расчетных системах (список терминов, январь 2003), определяет понятие «дематериализация» (dematerialization) следующим образом: «исключение материальной формы сертификатов или документов, удостоверяющих право собственности на ценные бумаги, в результате которого ценные бумаги существуют только в виде учетных записей» (Неофициальный перевод публикации КПРС БМР, выполненный с разрешения Банка международных расчетов. Базель, Швейцария, март 2003 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁶ Иными словами, права, которые не удостоверяются ценными бумагами, а закреплены в особом реестре прав (см.: Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Часть первая (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. С. 403 (автор комментария – Е. А. Крашенинников)).

Таким образом, ценность ценной бумаги имеется только тогда, когда последняя является овестьественной формой, в которой существует удостоверенное ею право. Если право в документе не овестьествляется, т. е. не имеет неразрывной связи с документом, если право и документ не имеют одну и ту же судьбу, то такой документ не является ценным. Это просто «документ» (неважно – на бумажном или электронном носителе). Бумага, но не ценная.

О. В. Аверьянова
O. V. Averianova

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТНОГО ПРЕИМУЩЕСТВА ПРЕДПРИЯТИЯ

LEGAL REGULATION OF ECONOMY: STRATEGIC CAPACITY AS A FACTOR OF COMPETITIVE ADVANTAGES

Заинтересованность предприятий в результатах своей деятельности обуславливает необходимость повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции, что требует совершенствования работы всех служб и подразделений хозяйствующего субъекта¹.

Конкурентные преимущества организации закладываются уже на стадии постановки целей и разработки стратегии. Вряд ли конкурентные преимущества когда-либо имели такое решающее значение, какое они имеют сейчас, когда рост компаний во всем мире замедлился, а поведение конкурентов на рынке говорит о том, что динамика конкуренции стала гораздо более богатой².

Именно в ходе конкуренции становится ясно, насколько нововведения компании, выработка общей корпоративной культуры или реализация выбранной стратегии способствуют ее эффективности.

При выработке конкурентной стратегии развития необходимо, по возможности более полно, представлять себе, с одной стороны, сильные и слабые стороны фирмы, ее позицию в отрасли, а с другой – структуру. Конкурентное преимущество является ключевым стратегическим фактором успеха, который определяется в процессе планирования деятельности предприятия при анализе его альтернатив.

Таким образом, конкурентное преимущество служит основанием для борьбы предприятия на конкурентном рынке.

Определение конкурентного преимущества является источником формирования и реализации стратегии предприятия. При этом позицию фирмы в отрасли определяют ее конкурентные преимущества, которые делятся на два основных вида: более низкие цены и дифференциация товаров.

Низкие издержки отражают способность фирмы разрабатывать, выпускать и продавать сравнимый товар с меньшими затратами, чем конкуренты. Продавая товар по такой же цене, что и конкуренты, фирма получает большую прибыль.

Дифференциация – это способность обеспечить покупателя уникальной и большей ценностью в виде нового качества товара, особых потребительских свойств или послепродажного обслуживания. Дифференциация позволяет фирме диктовать высокие цены, что при равных с конкурентами издержках опять-таки дает большую прибыль³.

Эти два типа конкурентного преимущества, имеющие разное происхождение и различную природу, часто оказываются несовместимыми, поскольку требуют существенно различающихся навыков и культуры.

Конкурентное преимущество является «внутренним», если оно базируется на превосходстве фирмы в отношении издержек производства, менеджмента фирмы или товара, которое создает «ценность для изготовителя», позволяющую добиться себестоимости меньшей, чем у конкурента. Иначе говоря, внутреннее конкурентное преимущество – это следствие более высокой «производительности», которая обеспечивает фирме большую рентабельность и большую устойчивость к снижению цены продаж, навязываемому рынком или конкуренцией⁴.

Наиболее распространенными являются методы оценки возможностей конкурентов посредством специальных экспертных исследований и косвенных расчетов на основе известных данных. Удобный инструмент сравнения (потенциала) предприятия и основных конкурентов – построение многоугольников конкурентоспособности, представляющих собой графическое отображение оценок положения предприятия и конкурентов по наиболее значимым направлениям деятельности, изображенным в виде векторов-осей. Группировка параметров опирается на анализ широкого комплекса проблем технического, экономического и социального характера, в результате чего выявляются переменные, обеспечивающие конкурентоспособность.

Исходная точка такого анализа – определение потенциала предприятия, т. е. перечня технических и экономических факторов конкурентоспособности, которые трактуются как совокупность критериев количественной оценки уровня конкурентоспособности предприятия.

Стратегия, основанная на внутреннем конкурентном преимуществе, – это стратегия доминирования по издержкам, которая базируется главным образом на организационном и производственном ноу-хау фирмы.

Внутренние конкурентные преимущества (потенциал предприятия), определяющие рыночные позиции хозяйствующего субъекта, О. Королев и М. Янцов⁵ предлагают сгруппировать по семи наиболее значимым аспектам: конкурентоспособность изделия; финансовое состояние предприятия; эффективность маркетинговой деятельности; рентабельность продаж; имидж предприятия; эффективность менеджмента; человеческий потенциал организации.

Если характер располагаемых ресурсов позволяет предприятию в течение продолжительного времени удовлетворять разнообразные и изменяющиеся требования к продукции, предъявляемые определенной группой потребителей (сегмент рынка) без коренной реконструкции и технического перевооружения производственного аппарата, эту группу потребителей можно рассматривать в качестве потенциальной стратегической зоны хозяйствования предприятия.

Иначе говоря, границы стратегической зоны хозяйствования таковы, что внутри этой зоны создаются предпосылки для достижения высокого уровня конкурентных преимуществ⁶.

Внедрение системы стратегического управления предприятием способствует определению эффективных направлений в осуществлении финансово-хозяйственной деятельности предприятия, ориентации в финансовых возможностях и перспективах, возникающих в сложившейся экономической системе страны.

³ Королев О., Янцов М. Человеческий капитал в системе конкурентных преимуществ промышленной организации [Текст] // Управление персоналом. 2010. № 8. С. 67–154.

⁴ Ансофф И. Стратегическое управление [Электронный ресурс]. М.: Экономика, 2007 // СПС «Гарант». 2012.

⁵ Королев О., Янцов М. Человеческий капитал в системе конкурентных преимуществ промышленной организации. С. 67–154.

⁶ Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации [Текст]. М.: ИНФРА-М, 2011.

Е. М. Андреева
E. M. Andreeva

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ РОССИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

CURRENT STATUS OF THE SECURITIES MARKET IN RUSSIA, PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT

Рынок ценных бумаг России является одним из самых динамично развивающихся рынков. На его развитие положительно влияют снижение уровня инфляции, стабилизация курса национальной валюты, стабильность в политической сфере, развитие рынка государственных ценных бумаг, прирост промышленного производства, вызванный увеличением объемов экспорта сырья и энергоресурсов, приватизация, в процессе которой создаются новые акционерные общества и, соответственно, растет рынок акций.

За последние годы на рынке ценных бумаг произошло много перемен в лучшую сторону. К ним можно отнести, во-первых, создание динамичной законодательной базы, регулирующей финансовые рынки; во-вторых, рост рынка корпоративных ценных бумаг и увеличение его капитализации; в-третьих, создание инфраструктуры рынка, в том числе системы организованной торговли ценными бумагами, большого количества организаций, обслуживающих рынок ценных бумаг.

Важнейшим качественным показателем российского рынка ценных бумаг являются растущее международное признание, доступ российских эмитентов к мировым финансовым рынкам. Среди наиболее важных событий в этой области следует отметить вступление Федеральной службы по финансовым рынкам Российской Федерации в Международную организацию, объединяющую национальные органы регулирования рынка ценных бумаг (International Organization of Securities Commissions – IOSCO); получение одновременно кредитного рейтинга Moody's, Standard & Poor's и IBCA; успешные выпуски еврооблигаций; публикация индекса IFC Global Russia, выпуски международных депозитарных расписок рядом российских компаний; включение ряда российских эмитентов в листинг Нью-Йоркской и Лондонской фондовых бирж и др.

Несмотря на все вышесказанное, по мнению многих авторов, российский рынок ценных бумаг пока далек от мировых стандартов и отличается небольшими объемами. К экономическим проблемам рынка относятся отсутствие крупных инвестиций в организации, занимающиеся деятельностью на рынке ценных бумаг; высокая степень всех рисков, связанных с ценными бумагами; инвестиционный кризис – низкая активность отечественных инвесторов, в том числе граждан (т. н. «розничных инвесторов»); относительно большой процент инфляции; высокий уровень издержек, которые несут малые и средние компании, прибегая к выпуску ценных бумаг.

К организационным проблемам рынка следует причислить несовершенство государственного регулирования в сфере финансового рынка; неэффективность контроля и надзора; нехватка крупных, с длительным опытом работы инвестиционных институтов, заслуживших общественное доверие, а также грамотных специалистов; отсутствие развитой инфраструктуры рынка в регионах и слабое информационное обеспечение; недостаточная информированность, особенно физических лиц, о возможностях инвестирования на фондовом рынке; административные барьеры.

Имеются также недостатки правового регулирования.

На системное (комплексное) решение данных проблем направлены несколько высших руководящих документов. Так, Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 1998 г. № 1008 утверждена Концепция развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации¹.

В данном документе определены принципы, цели и задачи государственной политики на рынке ценных бумаг, а также меры по развитию нормативной правовой базы. В Концепции указывается, что целями государственной политики на рынке ценных бумаг являются создание в России цивилизованного рынка ценных бумаг и его интеграция в мировой финансовый рынок, обеспечение самостоятельного места российского рынка в системе международных рынков капиталов. В качестве важнейших задач государства указывается создание условий, при которых граждане России и другие потенциальные инвесторы обретут доверие к рынку ценных бумаг.

Приоритеты государственной политики в сфере регулирования финансового рынка в целом, а также долгосрочные меры по его совершенствованию были определены в Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 2043-р (далее – Стратегия развития финансового рынка)².

Для реализации Стратегии развития финансового рынка в 2013 г. по распоряжению Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2013 г. № 226-р была принята Государственная программа «Развитие финансовых и страховых рынков, создание международного финансового центра» (далее – Государственная программа развития финансовых рынков)³. Судя по мероприятиям Государственной программы развития финансовых рынков, она также рассчитана на период до 2020 г. Названный документ имеет целью повышение эффективности функционирования финансового рынка (в т. ч. фондового рынка, создание международного финансового центра), обеспечивающее рост конкурентоспособности национальной экономики. Задачами Государственной программы развития финансовых рынков являются совершенствование российского законодательства, обеспечение эффективного контроля и надзора в сфере финансового рынка. В качестве основных мероприятий Государственной программы указываются:

- сокращение регулятивных издержек на финансовом рынке;
- снижение административных барьеров и упрощение процедуры эмиссии ценных бумаг;
- гармонизация российской и международной нормативно-правовой базы в части организации выпуска и обращения финансовых инструментов, деятельности финансовых институтов, систем раскрытия информации, систем бухгалтерского учета, отчетности и аудита;
- усиление защиты прав потребителей финансовых услуг, инвестирования сбережений на финансовом рынке и создание компенсационных и гарантийных механизмов для участников финансового рынка;
- обеспечение эффективной системы раскрытия информации на финансовом рынке;
- повышение конкурентоспособности инфраструктуры финансового рынка;
- обеспечение мониторинга и регулирования системных рисков финансового рынка;
- развитие системы пруденциального надзора в отношении участников финансового рынка. Поясним, что под пруденциальным надзором понимается предварительный, «ранний» надзор, позволяющий регистрировать потенциальные возможности осложнений и проблем в деятельности финансовых институтов и принять меры к их устранению⁴. К сожалению, нормативная база по такому надзору и его легальное определение отсутствуют;
- развитие и совершенствование корпоративного управления;
- предупреждение и пресечение недобросовестной деятельности на финансовом рынке;
- введение консолидированного надзора (в рамках единого органа) и мотивированного суждения. Понятие «мотивированное суждение», которое называют еще и «профессиональным мнением», также не расшифровывается ни в Государственной программе развития финансовых рынков, ни в законодательстве, однако встречается в нормативных документах Центрального банка Российской Федерации. В литературе оно рассматривается как наделение должностных лиц правом при проверках подведомственных организаций

² Там же. 2009. № 3. Ст. 423.

³ Там же. 2013. № 9. Ст. 979.

⁴ Экономический словарь / сост. Н. И. Фокин, П. Н. Фокин // <http://dictionary-economics.ru/art-59> (проверено 1 сентября 2013 г.).

давать заключение о финансовой устойчивости и пр. на основе не только формальных показателей, но и субъективного мнения контролеров о практике работы проверяемой организации. Наличие данного права дает возможность как применять, так и не применять меры принудительного воздействия при формальных нарушениях. И, наоборот, даже без формальных нарушений, в том случае, если, по мнению регулятора, риски организации превышают допустимый максимум, контролер вправе принять решение об ответственности вплоть до отзыва лицензии⁵.

Одним из амбициозных проектов нашего государства является создание в России международного финансового центра и вхождение его в десятку крупнейших международных центров мира. План мероприятий («дорожная карта») по его организации утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 июня 2013 г. № 1012-р⁶. Международный финансовый центр рассматривается не как некая организационная структура – юридическое лицо, а как достижение Россией определенного уровня в известных международных финансовых рейтингах, а также контрольных показателей, используемых Всемирным банком. Как предполагается, реализация «Дорожной карты» позволит повысить конкурентоспособность российского финансового рынка путем формирования устойчивой, но гибкой регулятивной среды, стимулирующей возникновение и развитие современных финансовых продуктов (услуг) для российских и иностранных участников финансового рынка, а также путем установления высокого уровня корпоративного управления, обеспечивающего защиту права собственности и интересов инвесторов. Как указывается в п. 1 «Дорожной карты», данный проект призван обеспечить ускоренное развитие российской финансовой индустрии, привлечь инвестиции, устранить ценовой дисконт стоимости российских финансовых активов в сравнении с активами других развивающихся рынков, ускорить инвестиционную и деловую активность в экономике и повысить долгосрочную устойчивость финансовой системы Российской Федерации.

Надеемся, что все названные руководящие документы и мероприятия, проводимые в соответствии с ними, позволят создать в России эффективный рынок ценных бумаг в составе финансового рынка.

⁵ Подробнее см.: *Беляев М. К.* Мотивированное суждение как метод оценки правомерности банковских операций // Внутренний контроль в кредитной организации. 2012. № 2. С. 38–50; *Кинсбургская В. А.* Мотивированное суждение Банка России как инструмент пруденциального надзора // Банковское право. 2013. № 2. С. 16–20.

⁶ СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3371.

О СХОЖЕСТИ МОДЕЛЕЙ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ И ВО ФРАНЦИИ

ABOUT SIMILAR MODELS OF LOCAL GOVERNMENT IN RUSSIA AND FRANCE

Большинство муниципалистов поддерживают точку зрения, согласно которой в Конституции России нашли отражение положения общественной теории местного самоуправления, а именно ст. 12 Конституции, закрепляющая организационную обособленность органов местного самоуправления относительно системы органов государственной власти. Вместе с тем указанная теория нашла свое практическое воплощение в странах англосаксонской правовой системы. Суть названной теории была весьма подробно изложена в трудах еще дореволюционных российских ученых. Так, например, Л. А. Велихов полагал, что базовая идея такой теории сводится к формуле: «Община имеет право на самостоятельное и независимое от центральной власти существование по своей природе... при этом в лице коммунальных органов создается как бы “государство в государстве”»¹. Россия же относится к государствам с континентальной правовой системой, для которой исторически присуща государственная теория в основе организации местной власти. Суть последней теории блестяще сформулировал Н. М. Коркунов: «Местные общины осуществляют... функции власти не по собственному самостоятельному праву, а лишь по уполномочию государства... органы самоуправления подчинены в границах и содержании своей деятельности надзору государства, но не прямым его распоряжениям»².

В научной литературе неоднократно отмечалась тенденция усиления обеспечения прочной взаимосвязи государственного и муниципального уровня власти в современной России³, наличие концептуальных изменений в отечественном муниципальном строительстве, связанных с принятием Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г., который усилил влияние опыта Франции и Германии⁴. Существенной чертой Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. является, по нашему мнению, централизация нормативного регулирования ряда вопросов, относящихся к местному самоуправлению, усиление государственного вмешательства в муниципальную сферу. Следует согласиться с позицией О. Е. Шишкиной, что Федеральным законом № 131-ФЗ предусмотрены правовые возможности установления отношений субординации между государственными органами и муниципалитетами⁵.

Названная тенденция подтверждается и той характеристикой сущности местного самоуправления в России, которую дал Президент РФ: «Несмотря на то, что этот уровень управления не называется государственным в юридическом смысле слова, но по смыслу, конечно, это один из самых важнейших, самых важных государственных уровней власти...»⁶.

© Е. В. Болотина, 2014

¹ Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 110–111.

² Коркунов Н. М. Русское государственное право / под ред. и с доп. М. Б. Горенберга, приват-доцента С.-Петербургского университета. 7-е изд. С.-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. С. 499–501.

³ См., напр.: Шишкина О. Е. Государственная власть и местное самоуправление в современной России: к вопросу о расхождении конституционной, законодательной и фактической модели взаимоотношений // Lex russica. 2013. № 8. С. 846.

⁴ Тимофеев Н. С. О смысле современных моделей местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 14.

⁵ Шишкина О. Е. Государственная власть и местное самоуправление в современной России: к вопросу о расхождении конституционной, законодательной и фактической модели взаимоотношений. С. 840.

⁶ Стенограмма заседания Совета по развитию местного самоуправления при Президенте РФ от 21.01.2013 // URL: <http://news.Kremlin.ru/news/17397>.

Таким образом, по нашему мнению, следует констатировать определенное несоответствие между конституционно закрепленной моделью местного самоуправления и историко-правовой преемственностью, законодательством, практикой реализации, в основу которых, как нам представляется, положена государственная теория местного самоуправления. В свою очередь названная теория нашла свое наиболее полное воплощение во Франции.

Основы правового регулирования статуса местных органов власти Франции заложены в действующей Конституции 4 октября 1958 г. в разделе XII «О территориальных сообществах». Статья 72 определяет, что «эти сообщества свободно управляются избранными советами и на условиях, предусмотренных законом». Кроме того, ст. 72 предписывает существование в департаментах «представителя правительства, отвечающего за национальные интересы, административный контроль и соблюдение законов». Конституционным законом 28 марта 2003 г. была внесена поправка в Конституцию Франции, предусматривающая, что финансовая самостоятельность является составляющей свободы управления. Статья 72-2 Конституции Франции гласит, что «административно-территориальные образования получают ресурсы для того, чтобы они могли свободно ими распоряжаться на условиях, предусмотренных законом. Они могут получать все или часть от любых налогообложений. Закон предоставляет им право определять налоговые ставки в установленных пределах. Любая передача полномочий между государством и муниципалитетами должна сопровождаться предоставлением соответствующих ресурсов на осуществление данных полномочий...»⁷. Вместе с тем французскими исследователями отмечается, что автономия не отождествляется с независимостью, «закон защищает, но он может и вынудить»⁸.

Следует отметить, что ряд положений французского законодательства в сфере муниципальной власти уже нашли свое отражение в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г.

Так, например, прослеживается явная аналогия с принципами установления территориальных границ муниципальных районов и сельских поселений с учетом соответственно «транспортной» и «пешеходной» доступности до административного центра и обратно в течение одного рабочего дня, закрепленными в ст. 11 названного Закона.

14 декабря 1789 г. Декретом «Об организации муниципальной власти в провинции» и на основании Декрета от 22 декабря 1789 г. «О феодальных правах»⁹ с целью укрепления государственного единства были ликвидированы старинные провинции. Вместо исторических территорий страна поделена на 83 искусственные единицы – департаменты, получившие названия по их географическому положению. Границы департаментов были проведены с таким расчетом, чтобы местные жители, пользуясь конным экипажем, могли в течение дня добраться до административного центра и вернуться назад.

Применительно к экономическим основам местного самоуправления российское законодательство в определенной степени «позаимствовало» положения, касающиеся предоставления субвенций местным бюджетам на осуществление отдельных государственных полномочий. Кроме того, серьезной новеллой российского законодательства и примером использования французского опыта, по нашему мнению, стало установление возможности временного осуществления отдельных полномочий органов местного самоуправления органами государственной власти субъектов РФ.

Децентрализация муниципальной власти, закрепленная в Конституции РФ, сама по себе – еще не панацея от всех издержек государственного и общественного устройства и управления. Ее не следует абсолютизировать в качестве средства решения проблем путем развития местного самоуправления. Главная проблема – найти надлежащий баланс между государственной и муниципальной властью. В связи с этим необходим творческий синтез самобытного, отечественного, и зарубежного опыта.

⁷ Текст Конституции получен на официальном сайте законодательства Франции <http://www.legifrance.gouv.fr>.

⁸ Mouzet P. Finances locales. Paris: Gualino diteur, 2003. P. 20–22.

⁹ Французская революция в документах. 1789–1794 гг. Л., 1926. С. 49–51.

НАЛОГОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ – УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

TAX CRIME – THE TREAT OF ECONOMIC SECURITY STATE

Существующие способы уклонения, сокрытия налогов вызваны корыстными мотивами, связаны с правовым нигилизмом, ростом теневого сектора, желанием представить такие действия инновациями по оптимизации налоговых платежей. С ростом числа предприятий, основывающихся на частной форме собственности, возникло определенное противоречие между интересами государства и общества с одной стороны и новыми собственниками – с другой.

В современных условиях налоги являются главным источником доходов бюджетов всех уровней. Постоянное увеличение расходов, вызванное различными объективными причинами, побуждает государство совершенствовать налоговую систему. При этом налоговая политика недостаточно полно учитывает то обстоятельство, что подавляющее большинство отечественных предприятий используют устаревшее оборудование, технологии, испытывают острую нехватку оборотных средств и не могут сбыть свою неконкурентоспособную продукцию как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Все это приводит к возникновению взаимных неплатежей и нежеланию предприятий своевременно уплачивать налоги. Между тем достаточно часто и экономически благополучные предприятия, среди которых выделяются торгово-закупочные, посреднические, зачастую прибегают к уклонению от уплаты налогов, но по причинам иного характера.

Немаловажным фактором, способствующим увеличению числа налоговых преступлений, являются несовершенство и нестабильность налогового законодательства. Российское налоговое право представляет собой сложную систему норм, регулирующих систему налогов и сборов.

Однако основной причиной налоговой преступности все же является нравственно-психологическое состояние отечественных налогоплательщиков, характеризующееся негативным отношением к существующей налоговой системе, низким уровнем правовой культуры, а также корыстной мотивацией.

Специальный опрос, проведенный среди руководителей крупных предприятий различных форм собственности, показал, что неэффективной отечественную систему налогообложения признают более 65 % респондентов. Около 70 % руководителей считают, что существующая налоговая система не способствует выходу из экономического кризиса и формированию рынка. По мнению большинства российских предпринимателей, существующая налоговая система блокирует инвестиции, увеличивает инфляцию, препятствует структурным изменениям, побуждает к уклонению от уплаты налогов¹.

Следует отметить, что подобное негативное отношение отечественных предпринимателей к налоговой системе в немалой степени объясняется недостаточным уровнем их правовой культуры. Отсутствие должного правового воспитания в первую очередь определяется тем, что российская налоговая система в более или менее цивилизованном виде сформировалась лишь в конце 1991 г., тогда как в большинстве зарубежных стран институт налогообложения существует сотни лет. В этих странах налогоплательщики хорошо знают свои права, на какие цели расходуются уплаченные ими налоги, осведомлены о льготах, о порядке уплаты налогов и мерах ответственности за нарушения налоговых обязательств. Лица, уклоняющиеся от уплаты налогов, осуждаются государством и обществом. Опрос же представителей различных категорий российских граждан показал, что 60 % опрошенных не считают себя налогоплательщиками.

Основная моральная причина налоговой преступности заключается в качественном изменении состава налогоплательщиков при переходе к рынку. Многие из них стали собственниками. Соответственно изменилось и отношение к уплате налогов. Если раньше государству перечислялись государственные же средства, то теперь каждый отдает как бы «свое». С одной стороны, это хорошо: хозяйственники считают каждый рубль и рачительно используют его, а с другой – наблюдается всплеск налоговой преступности. Подавляющая часть налогоплательщиков еще не прониклась сознанием того, что добровольная и полная уплата налогов «возвратится» к ним в виде повышения зарплаты, создания новых рабочих мест, решения социальных вопросов.

Определяющим фактором в нравственно-психологическом аспекте, безусловно, является корыстная мотивация. Лица, совершившие налоговые преступления, в большинстве своем характеризуются повышенным уровнем материальных запросов, стремлением к приобретению объектов недвижимости, предметов роскоши и т. п. Уклонение от уплаты налогов, неправомерное получение льгот и налоговых вычетов рассматривается ими как один из способов достижения указанных целей.

Однако для объективности следует отметить, что не все налоговые преступления совершаются на основе личной корыстной заинтересованности. Имели место факты, когда сокрытые от налогообложения средства использовались руководителями предприятий для развития производства, погашения кредитов, выплаты зарплаты. Здесь усматривается иная личная заинтересованность, выражающаяся в стремлении улучшить финансовое состояние своего предприятия.

При рассмотрении наиболее часто занижаемых налогов и способов уклонения от их уплаты следует учитывать, что способ совершения преступления есть не что иное, как ситуационно повторяющийся комплекс взаимосвязанных действий преступника, определенных условиями внешней среды, качествами личности преступника, свойствами предмета посягательства и другими факторами.

Составным элементом способа совершения преступления является способ сокрытия преступления, который представляет собой деятельность, направленную на воспрепятствование расследованию путем утаивания, маскировки или фальсификации следов преступления.

Вопрос соотношения способа совершения и способа сокрытия преступления применительно к налоговым преступлениям имеет свою особенность. Для целей сокрытия объектов налогообложения у преступника возникает необходимость, прежде всего, ввести в заблуждение органы, осуществляющие контроль за соблюдением налогового законодательства, поэтому часто избирается прямой путь передачи ложной информации этим органам. Иными словами, при совершении налоговых преступлений способ совершения преступления и способ сокрытия следов преступления, как правило, совпадают и не могут быть отделены один от другого, представляют сложные схемы. Наиболее изощренные схемы, содержащие признаки мошенничества, связаны с незаконным возмещением из бюджета НДС с использованием фирм-однодневок, включением в оборот фиктивных сделок.

ТЕРМИНОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

TERMINOLOGY AND CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW

В начале 2014 г. общественно-политическая жизнь страны обратила на себя внимание не только калейдоскопом быстромеменяющихся событий на международной арене, но и активным использованием специальных юридических терминов.

Во многом «виной» этому стали события на Крымском полуострове, которые привлекли внимание международной общественности в связи с использованием международного права как в межгосударственных, так и во внутригосударственных отношениях.

Волеизъявление народа Крыма в отечественных средствах массовой информации, да и в выступлениях государственных и общественных деятелей стали называть «референдумом», что в конечном счете нашло отражение в принятом нормативном акте – Федеральном конституционном законе Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». В соответствии с п. 2 ст. 1 этого Закона основаниями принятия в Российскую Федерацию Республики Крым являются: «...результаты общекрымского референдума, проведенного 16 марта 2014 г. в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, на котором поддержан вопрос о воссоединении Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации». Все ли здесь корректно?

У юристов, работающих в международно-правовой сфере, есть четкое разделение двух понятий: «референдум» и «плебисцит». Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» под ним понимается «всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения».

В современной литературе встречается разное толкование двух вышеуказанных терминов. Так, в справочном издании указано, что «плебисцит» – это всенародное голосование; референдум¹. Аналогичное определение дает Большой толковый словарь русского языка². Однако специальная юридическая литература совершенно по-другому определяет этот способ волеизъявления народа. Так, в справочном издании для юристов отмечается, что плебисцит «применяется для определения воли населения конкретной территории по вопросу о ее государственной принадлежности»³. Как первые издания в новой России по международному праву⁴, так и современные учебники⁵ понимают под «плебисцитом» именно всенародное голосование по вопросам о передаче территории государства, т. е. то, что было еще в советской доктрине международного права⁶, отвергая иногда встречающийся термин «сецессия».

Удивительно, но отечественные законодатели не очень внимательно относятся не только к терминологии в международном праве, но и к определениям в других дисциплинах.

© Г. П. Ермолович, 2014

¹ Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: «Аделант», 2012. С. 513–514.

² Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. С. 840.

³ Глебов И. Н. Международное право. Словарь. М.: Дрофа, 2010. С. 301.

⁴ Международное право. Учебник / Под ред. Г. И. Тункина. М.: Юрид. лит., 1994. С. 366.

⁵ Гетьман-Павлова И. В. Международное право. Учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 571.

⁶ Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А. М. Прохоров (пред.). М.: «Советская Энциклопедия», 1981. С. 1024.

Например, из геометрии известно, что линии, проведенные из любой точки окружности к ее центру, образуют между собой «сектор», или «сегмент», но никак не «вертикаль». Как же в нашем законодательстве определяется государственная граница, например, недр? Согласно ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» она определяется «как вертикальная поверхность»⁷. Однако вертикаль есть перпендикуляр к горизонтальной поверхности. Очевидно, что данный геометрический способ, подходящий для определения границ в ином пространственном измерении, не может применяться для недр и имеется, очевидно, потребность в корректировке формулировки данного понятия в отечественном законодательстве.

Известно, что геологическая активность в некоторых районах Земли приводит к новообразованиям. Так, извержение подводного вулкана рядом с Японией в ноябре 2013 г. привело к появлению на карте нового острова размером 1150 на 850 метров. Кроме того, потепление климата на нашей планете также приводит к аномальным явлениям, влияющим на разные стороны нашей жизни и, в частности, на территорию государства. Так, в 2013 г. И. Теитиота, житель островного государства Кирибати, обратился в суд Новой Зеландии с просьбой предоставить ему статус «климатического беженца» в связи с тем, что группа атоллов, расположенных в южной части Тихого океана, из года в год медленно поглощается океаном, и он опасается за жизнь своей семьи. В 2012 г. правительство Кирибати уже купило землю на Фиджи для переселения местных жителей при возникновении опасности затопления островов⁸. Эта опасность есть и для других островных государств.

Климатические катастрофы в Азии заставили переселиться 42 млн человек за 2010–2011 гг. Такие данные обнародовал в отчете Азиатский банк развития⁹. Около 31,8 млн человек в регионе лишились жилья и стали беженцами из-за климатических катастроф и экстремальной погоды в 2010 г., включая более 10 млн пакистанцев, которых согнало с обжитых мест сильное наводнение.

Жители населенного пункта Ньютока, расположенного на берегу реки Нинглик, на западе Аляски, недалеко от Берингова пролива, находятся под угрозой затопления уже несколько лет. Из-за повышения уровня воды земля вдоль береговой линии постепенно подмывается, что создает угрозу для жителей. В конце концов, населенный пункт может просто смыть водой.

Не секрет, что и отечественные ученые также фиксируют таяние вечной мерзлоты в наших северных широтах. Так, ежегодно только в Восточной Сибири Россия теряет более 10 кв. км прибрежной суши, а по всему побережью Арктики – до 30 кв. км¹⁰. Постепенное наступление океана на сушу приводит к тому, что сухопутная территория по естественным причинам уменьшается, а это должно приводить к изменению прохождения линии государственной границы Российской Федерации. Однако в науке международного права отсутствует такая дефиниция, которая бы определяла этот процесс. Зато есть обратный термин, определяющий приращение территории государства по естественным причинам, – «аккреция», впрочем, наряду с другими значениями¹¹. Принимая во внимание очевидные природные явления, считаем, что необходимо сформулировать и ввести в научный оборот новое понятие, например, «декреция» – (от англ. *Decrease* – убывание), что означало бы уменьшение территории государства по естественным причинам. Именно потому, что такие процессы реально в мире происходят и они касаются не только Российской Федерации, но и других регионов мира, данное явление настоятельно требует своего закрепления в международно-правовой терминологии.

⁷ Закон о государственной границе РФ / Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. Ч. II / сост. и авт. вступ. ст. К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 1470.

⁸ Подробнее см.: <http://rusplt.ru/news/pervyyiy-klimaticheskij-bejenets-potreboval-ubejisha-v-novoy-zelandii.html>.

⁹ Подробнее см.: <http://ecoportal.su/news.php?id=60304>.

¹⁰ Подробнее см.: <http://gubkin.info/interesting/33730-tayanie-vechnoj-merzloty-chrevato-dlya-rossii.html>.

¹¹ Международное право. Учебник / отв. ред. С. А. Егоров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 249.

ПРИНЦИП САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

PRINCIPLE OF INDEPENDENCE OF LOCAL GOVERNMENT IN ADDRESSING LOCAL ISSUES AND SOME FEATURES OF ITS IMPLEMENTATION

Принцип самостоятельности местного самоуправления в решении вопросов местного значения уже не раз был выдвинут и обоснован в юридической литературе. Традиционно под ним понимается участие населения муниципального образования в решении вопросов местного значения в различных формах, как непосредственно: путем участия в местных референдумах, собраниях, сходах граждан, муниципальных выборах, иным образом, так и через выборные и другие органы местного самоуправления. Кроме того, сюда же включается создание федеральной и региональной нормативной базы по вопросам местного самоуправления, а также ряд экономических, социальных и политических гарантий существования муниципального образования со стороны государства¹. Именно там, где интересы государства пересекаются с интересами населения муниципального образования, наиболее уязвимыми, как правило, оказываются интересы последнего, а значит, именно они нуждаются в дополнительных гарантиях. Самостоятельное решение вопросов местного значения во многом зависит от того, насколько федеральные и региональные власти обеспечат условия, сопутствующие его эффективному воплощению в жизнь.

Принцип самостоятельности местного самоуправления при решении вопросов местного значения при этом не предполагает его полное отрешение от государства, которое, как уже отмечалось, обязано заботиться о развитии законодательной, финансово-экономической и организационной базы муниципальных образований и, кроме этого, осуществлять контроль за соответствием их деятельности требованиям федерального и регионального законодательства через различные его формы (прокурорский надзор, судебное правоприменение)². Органы местного самоуправления не предоставлены сами себе, и их самостоятельность не подразумевает, что им все дозволено.

Российская Федерация заинтересована в развитии местного самоуправления, так как оно наиболее приближено к населению при решении вопросов местного значения. Россия следует нормам международного права в сфере местного самоуправления³. Согласно Европейской хартии о местном самоуправлении⁴ оно должно иметь обширную автономию в отношении своей компетенции, порядка и средств ее осуществления при максимальном приближении к населению. А это в нынешних экономических условиях не всегда возможно осуществить⁵.

© Т. А. Коломейцева, 2014

¹ Костюков А. Н. Муниципальное право как отрасль права. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 103.

² Астафичев П. А. Муниципальное право России. Учеб. пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2010. С. 12.

³ Маньковская В. И. Конституционные ориентиры российского местного самоуправления. Конституция Российской Федерации: социальные ориентиры, практика реализации (к 20-летию Конституции Российской Федерации). Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Барнаул, 24–25 октября 2013 г.) / отв. ред. С. В. Землюков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 142.

⁴ Европейская Хартия местного самоуправления // СЗ РФ. 1998. № 15. Ст. 1695.

⁵ Степанченко В. И. О проблемах реформы местного самоуправления на современном этапе его развития. Федерализм и местное самоуправление в России и Германии: современные тенденции развития. Мат-лы междунар. науч.-практ. семинара 1–2 октября 2004 г. / отв. ред. В. В. Невинский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 176.

Местное самоуправление обеспечивает как самостоятельность решения населением вопросов местного значения, так и организационное обособление управления местными делами. Согласно ст. 12 Конституции России органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Это говорит о самостоятельности местного самоуправления при осуществлении его полномочий. При этом государственная власть определяет пределы деятельности местного самоуправления и обеспечивает контроль за реализацией закрепленного в законодательстве права на осуществление местного самоуправления. Таким образом, местное самоуправление существует наряду с государственной властью. Государство не руководит местным самоуправлением, а взаимодействует с ним по определенным направлениям.

Во-первых, самостоятельность местного самоуправления определяется федеральными законами, принятыми государственными органами власти, т. е. именно государство регулирует организацию местного самоуправления. Кроме того, у местного самоуправления имеется право самостоятельно в собственных правовых актах (уставах) регламентировать свою деятельность. И локальные нормативные правовые акты не должны противоречить федеральным.

Особое взаимодействие между органами государственной власти и местного самоуправления закреплено в ч. 2 ст. 132 Конституции РФ, согласно которой: «Органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств. Реализация переданных полномочий подконтрольна государству». Из этого следует, что государство не только разграничивает предметы своего ведения и местного самоуправления, но и делает возможным участие местного самоуправления в реализации государственных задач, которое выступает в данном случае от имени государства и участвует в осуществлении государственно-властных полномочий.

Во-вторых, на государство возложена обязанность оказывать местному самоуправлению различного рода поддержку. Порой без помощи государства местное самоуправление не может справиться с выполнением своих полномочий. Государственная поддержка местного самоуправления может выражаться в помощи при осуществлении повседневной деятельности местного самоуправления, защите интересов местного самоуправления (в том числе обеспечение местному самоуправлению права на судебную защиту, помощь в экономическом плане, выражающейся в предоставлении дотаций, субсидий, субвенций и т. д.).

В-третьих, при возникновении споров между государством и местным самоуправлением о законности локальных правовых актов государство не имеет права в административном порядке отменить данный акт. Такое право возложено на судебные органы, при этом существует ряд актов местного самоуправления (например, решения местного референдума), которые могут быть признаны недействительными только судом.

В-четвертых, согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» местное самоуправление несет ответственность перед государством за соблюдение законодательства, а акты местного самоуправления, противоречащие федеральным и региональным законам, отменяются.

В-пятых, государство контролирует деятельность местного самоуправления не только с точки зрения законности, но при этом опирается на соблюдение государственных интересов. Это означает, что государство законодательно должно закрепить круг вопросов, в которых проявляется государственный интерес (права граждан, общественный порядок, изменение границ муниципальных образований, распределение и использование финансов и т. д.).

Все это приводит к выводу о том, что российское законодательство расширяет круг правовых рычагов воздействия государства на местное самоуправление и этим укрепляет вертикаль государственной власти.

⁶ Васильев В. И. Законодательная основа муниципальной реформы. М.: «Формула права», 2005. С. 168.

ИЗМЕНЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРЕДДВЕРИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

AMENDMENTS TO ELECTION LAW IN ANTICIPATION OF MUNICIPAL ELECTIONS IN ST.-PETERSBURG

Согласно ст. 3 Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ. Высшим непосредственным выражением власти народа признаются свободные выборы. В Послании Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г. Президент РФ заявил: «Убежден, конституционный каркас должен быть стабильным. При этом жизнь не стоит на месте, и конституционный процесс нельзя рассматривать как окончательно заверченный, мертвый». Одной из основ конституционного строя является местное самоуправление, которое гарантируется в ст. 12 Конституции РФ. Согласно ст. 130 Основного закона РФ местное самоуправление осуществляется гражданами путем выборов, а также через выборные органы местного самоуправления. Статья 60 Устава Санкт-Петербурга гласит: «Граждане Российской Федерации осуществляют местное самоуправление в Санкт-Петербурге посредством участия в муниципальных выборах».

Выборы органов местного самоуправления имеют свои особенности, как и организация местного самоуправления в городах федерального значения. Устройство системы МСУ Санкт-Петербурга включает 111 муниципальных образований, в том числе 81 муниципальный округ, 9 городов и 21 поселок. Одним из основных законов, определяющих проведение выборов 14 сентября 2014 г., является Закон Санкт-Петербурга «О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга».

При проведении выборов на всех уровнях являются незыблемыми принципы: всеобщее, равное, прямое избирательное право, тайное голосование, свободное и добровольное участие в выборах, их открытость и гласность, проведение выборов избирательными комиссиями. Все эти принципы будут действовать на предстоящих выборах, которые пройдут в 106 муниципальных образованиях Санкт-Петербурга. Реализация указанных принципов применяется на всех стадиях избирательного процесса, который включает: назначение выборов, выдвижение и регистрацию кандидатов, агитационный период, голосование, установление результатов выборов и их обнародование, опубликование финансового отчета.

За последние 4 года избирательное законодательство претерпело весьма существенные изменения, позволяющие большему числу граждан реализовать свое право быть избранным в органы государственной власти и МСУ, участвовать в управлении делами государства. Это означает создание дополнительных гарантий в организации свободных выборов.

1. Один из основных участников избирательного процесса – политические партии. 17 октября 2013 г. между региональными отделениями политических партий, зарегистрированными на территории Санкт-Петербурга, и Санкт-Петербургской избирательной комиссией заключено Соглашение о сотрудничестве.

В Федеральный закон «О политических партиях» внесены изменения, существенно снижающие требования к численности политических партий. Если ранее в политической партии должно было состоять сорок тысяч членов, то теперь для ее регистрации достаточно пятисот членов. На выборах депутатов Государственной Думы РФ заградительный барьер снижен с 7 до 5 % голосов избирателей. Согласно Федеральному закону «Об общих

принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», минимальное обязательное число депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ, избираемых по пропорциональной избирательной системе, снижено с 50 до 25 %. Данное положение не распространяется на выборы депутатов законодательных органов государственной власти Москвы и Санкт-Петербурга.

На сегодняшний день в Санкт-Петербурге зарегистрировано 64 региональных отделения политических партий. Участие партий в выборах депутатов муниципальных советов Санкт-Петербурга предполагает выдвижение кандидатов и агитацию за них, но здесь не применяется распределение мандатов по партийным спискам. В многомандатном избирательном округе избирательное объединение вправе выдвинуть кандидата на каждый депутатский мандат, подлежащий замещению по результатам выборов. Без сбора подписей избирателей в свою поддержку регистрируются кандидаты в депутаты муниципальных советов Санкт-Петербурга, выдвинутые политической партией:

а) федеральный список кандидатов которой на ближайших предыдущих выборах депутатов Государственной Думы допущен к распределению депутатских мандатов;

б) списки кандидатов которой были допущены к распределению депутатских мандатов в действующих законодательных органах государственной власти не менее чем в одной трети субъектов РФ;

в) список кандидатов которой на ближайших предыдущих выборах депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга допущен к распределению депутатских мандатов.

Список политических партий, на которые распространяется действие этих норм, составляется Санкт-Петербургской избирательной комиссией и размещается на ее сайте в Интернете.

Политическая партия, выдвинувшая кандидата, не позднее чем за десять дней до дня голосования публикует свою предвыборную программу не менее чем в одном муниципальном периодическом печатном издании, а также размещает ее в Интернете.

2. Усовершенствованы механизмы, обеспечивающие избирательные права граждан, являющихся инвалидами. На избирательные комиссии возложена обязанность принимать необходимые меры по информированию избирателей, являющихся инвалидами. Пенсионный фонд РФ предоставляет 1 января и 1 июля каждого года в избирательную комиссию субъекта РФ сведения о численности в муниципальном образовании избирателей, являющихся инвалидами, с указанием групп инвалидности.

Избирательная комиссия муниципального образования может определить участки, на которых:

а) для избирателей, являющихся инвалидами по зрению, на информационном стенде размещаются материалы, выполненные крупным шрифтом или с применением рельефно-точечного шрифта Брайля;

б) изготавливаются специальные трафареты для самостоятельного заполнения бюллетеня, в том числе с применением рельефно-точечного шрифта Брайля.

3. Усилены гарантии для реализации гражданами права быть избранными на стадии регистрации кандидатов. Количество подписей, необходимых для регистрации кандидата Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» снижено с 2 до 0,5 % от числа избирателей, зарегистрированных на территории избирательного округа. Количество подписей, которое требуется для регистрации кандидатов в многомандатном избирательном округе, теперь составляет 0,5 % от числа избирателей, зарегистрированных на территории соответствующего избирательного округа, поделенного на число депутатских мандатов, но не может составлять менее 10 подписей. Следует сказать о необходимости внесения соответствующих изменений в Закон Санкт-Петербурга «О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга».

В названном Законе теперь установлен 3-месячный срок для дополнительного выдвижения кандидатов, на который может быть отложено голосование, если ко дню голосования в избирательном округе число зарегистрированных кандидатов окажется меньше установленного числа депутатских мандатов, подлежащих замещению, или равным ему.

4. Пересмотрены ограничения для реализации гражданами пассивного избирательного права. Во-первых, ранее осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений навсегда лишались пассивного избирательного права. За первое полугодие 2013 г. в России за тяжкие преступления было осуждено 80 787 человек, за особо тяжкие – 18 539 человек. Теперь указанные граждане лишены пассивного избирательного права в первом случае до истечения десяти, а во втором – пятнадцати лет со дня снятия или погашения судимости. Изменения были внесены в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» после признания Конституционным Судом РФ ряда норм, определяющих ограничение принципа всеобщности избирательного права противоречащими Конституции РФ. Актуальным является пересмотр соответствующих норм и в Законе Санкт-Петербурга «О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга».

Во-вторых, в названный Закон внесены изменения, понижающие с 21 до 18 лет пассивное избирательное право для кандидатов в депутаты муниципальных советов.

5. Расширено применение мажоритарной системы. Главными преимуществами мажоритарной системы являются ее ориентированность на конкретных избираемых депутатов, выступающих с собственной программой и известных избирателям, приближенность к населению, возможность заявить о себе индивидуальным лидерам через самовыдвижение, меньшая политизированность.

Так, на выборах депутатов Государственной Думы РФ, которые пройдут в 2016 г., 225 депутатов будут избираться по одномандатным округам. Выборы депутатов муниципальных советов в Санкт-Петербурге проводятся в соответствии с уставами муниципальных образований на основе мажоритарной избирательной системы по многомандатным избирательным округам. Там, где муниципальный совет состоит из 20 депутатов, на территории муниципального образования создаются, как правило, 4 пятимандатных округа. Если муниципальный совет состоит из 10 депутатов, то выборы проводятся, как правило, в 2 пятимандатных округах.

6. Существенно изменен статус членов УИК, являющихся важнейшим звеном системы избирательных комиссий. На предстоящих выборах в 1818 УИК будет задействовано более 20 тысяч человек. При их формировании учтены предложения 17 политических партий. Установлен пятилетний срок полномочий членов участковых комиссий. Ранее он истекал через 10 дней со дня официального опубликования результатов выборов. Работа участковых комиссий на постоянной основе повышает статус, уровень компетентности и профессионализма их членов при организации и проведении выборов.

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» установил пределы числа членов УИК с правом решающего голоса в зависимости от числа избирателей, зарегистрированных на участке:

- а) до 1001 избирателя – 3–9 членов участковой комиссии;
- б) от 1001 до 2001 избирателя – 7–12 членов участковой комиссии;
- в) более 2000 избирателей – 7–16 членов участковой комиссии.

7. Созданы дополнительные гарантии равенства кандидатов при проведении предвыборной агитации. Закон «О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга» дополнен требованием к собственнику, предоставившему помещению кандидату, уведомить в письменной форме избирательную комиссию муниципального образования о факте предоставления помещения, об условиях, на которых оно было предоставлено, а также о том, когда это помещение может быть предоставлено другим зарегистрированным кандидатам.

8. Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» установлена большая открытость процедуры голосования, в том числе поскольку стационарные и переносные ящики для голосования теперь должны быть изготовлены из прозрачного или полупрозрачного материала.

9. В выступлении на Всероссийском совещании с председателями избирательных комиссий субъектов РФ 24 октября 2013 г. Председатель ЦИК РФ В. Е. Чуров отметил, что одной из основных проблем электоральной практики является низкая явка избирателей на выборах: «Это, прежде всего, результат недостаточных усилий по созданию условий для голосования, информирования граждан. Нам необходимо задействовать все информационные возможности».

Информирование населения о выборах должно быть своевременным, объективным и содержать актуальные данные. В настоящее время действует сайт Санкт-Петербургской избирательной комиссии, на котором доступно сетевое издание «Вестника Санкт-Петербургской избирательной комиссии», граждане могут найти свой избирательный участок, удостовериться о включении себя в списки избирателей. Особое внимание уделяется молодежи, прежде всего, тем, кто впервые должен прийти на избирательные участки. В 2014 г. учрежден конкурс электорального плаката «Петербург муниципальный», проведена интернет-викторина «Что ты знаешь о местном самоуправлении?», на сайте горизбиркома создана молодежная страничка. Известно, что работу с молодыми избирателями проводят и в муниципальных образованиях.

До единого дня голосования в законодательство Санкт-Петербурга, регулирующее проведение выборов депутатов муниципальных советов, должны быть внесены еще изменения. Например, согласно Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» избирательная комиссия муниципального образования за 10 дней до дня голосования направляет в участковые комиссии заверенные выписки из реестра выдачи открепительных удостоверений. В Законе Санкт-Петербурга «О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга» для аналогичных действий пока установлен срок 20 дней. Здесь возникает вопрос о целесообразности применения в условиях голосования в одном округе, а это часть муниципального образования, открепительных удостоверений. Полагаю, целесообразно эту норму в законодательстве Санкт-Петербурга отменить.

Предстоящие выборы депутатов муниципальных советов приобретают большую значимость по сравнению с предыдущими еще и потому, что субъектам РФ предоставлена возможность самостоятельно решать вопрос о выборности высшего должностного лица субъекта РФ непосредственно населением или депутатами представительного органа государственной власти субъекта РФ после представления кандидатуры Президентом РФ. Последний вариант на сегодня применяется в трех субъектах РФ. Закон Санкт-Петербурга «О выборах высшего должностного лица Санкт-Петербурга – Губернатора Санкт-Петербурга» устанавливает, что на выборах в поддержку выдвижения кандидатов собираются подписи 10 % депутатов муниципальных советов от их общего числа на день принятия решения о назначении выборов. При этом кандидат должен быть поддержан указанными лицами не менее чем в трех четвертях муниципальных советов.

Говоря о механизме реализации народовластия при проведении свободных выборов, нельзя не отметить, что деятельность органов, которые проводят выборы, должна быть открытой для избирателей и участников избирательного процесса. Организация избирательного процесса в четком соответствии с нормами законодательства повышает доверие граждан к выборам, органам государственной власти и местного самоуправления. Это позволяет обеспечить стабильность в обществе и создает благоприятные условия для устойчивого развития России.

СОВРЕМЕННАЯ ВНУТРЕННЯЯ ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

MODERN RUSSIAN INTERIOR GEOPOLITICS: ETHNOLITICAL CHALLENGES

В современных условиях единое геополитическое пространство России подвергается эрозии, прежде всего, этнополитическими процессами, в которых определенную роль играют:

– пантюркизм (пантуруанизм) как идеология создания светского суперэтнического государства (Великого Турана) всех тюркских народов на большей части территории России. Эта идеология поддерживается преимущественно Турцией и претендует на роль консолидирующего антироссийского фактора;

– сибирский региональный сепаратизм как своего рода «сублимация» антироссийского исламского фронта. Главную этническую базу это движение видит не столько в нерусских народах, сколько в сибирских русских, которым внушается, что они – особая «нация» – сибиряки, угнетаемая «метрополией» (т. е. Европейской Россией);

– движение финно-угорских народов, которое выступает как внутрироссийская межреспубликанская консолидация и рассматривает эти народы как «коренные» и имеющие право на некие привилегии во всей северной части Европейской части России и в Западной Сибири;

– квазиэтнический конфедерализм и сепаратизм русских регионов, эксплуатирующий недовольство политикой федерального центра на местах, где русские якобы представляют отдельные этносы «волгарей», «уральцев», «поморов» и т. п.¹

Но наиболее серьезный геополитический вызов для внутренней геополитики России представляют сегодня ваххабиты (салафиты). Их используют для своей экспансии многие наши геополитические оппоненты. Через салафитские исламские информационные ресурсы в Интернете внедряются в завуалированной форме в сознание российских мусульман устойчивые ваххабитские идеологемы: «Россия – кяферское государство», «Нефть – это дар Аллаха, который должен принадлежать только мусульманам», «Русские – это оккупанты», «Муфтии маргинальны», «Традиционный ислам – это язычество» и т. д.² Повышенная активность ваххабитов наблюдается в таких регионах, как Дагестан, Кабардино-Балкария, Адыгея, Ингушетия, Ставропольский край, Северная Осетия, Москва и Московская область, Карелия, Башкортостан, Мордовия, Удмуртия, Ямало-Ненецкий АО, Горный Алтай, Якутия, Саратовская, Оренбургская, Пензенская, Нижегородская, Ульяновская, Самарская, Свердловская, Тюменская, Омская области, Приморский край³.

Сегодня во внутренней геополитике современной России все большую роль играет Татарстан. Он расположен на геополитических осях, связывающих Центр с Уралом, Сибирью, Дальним Востоком и Центральной Азией. Республика примыкает и к геополитическому Востоку, и к Югу России, отличается благоприятным географическим и транспортным положением, определяемым его размещением в центре Восточно-Европейской равнины в бассейне реки Волги. Территорию Татарстана пересекают железнодорожные магистрали и автодороги федерального значения, связывающие регион с западной и восточной частями

© Г. Н. Нурьшев, 2014

¹ Карта этнорелигиозных угроз: Северный Кавказ и Поволжье / под ред. М. В. Ремизова. М.: РИНС, 2013. С. 3.

² Сулейманов Р. Влияние Саудовской Аравии на мусульманскую умму Татарстана. Ислам в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article25625.htm> (дата обращения: 26.03.2013).

³ Карта этнорелигиозных угроз: Северный Кавказ и Поволжье / под ред. М. В. Ремизова. С. 8.

страны, а по водным путям – с югом европейской части страны. Республика тесно связана практически со всеми регионами страны через свои большие, хорошо организованные диаспоры. Поэтому многие деструктивные этнополитические процессы в Татарстане представляют сегодня серьезные геополитические вызовы для всей внутренней геополитики России.

Одной из самых громких, но официально не обсуждаемых проблем в Татарстане является проблема распространения радикального ислама в Поволжье. Сегодня исламский терроризм в республике стал, к сожалению, суровой реальностью. Истоки проникновения ваххабизма (салафизма) в Татарстан, видимо, следует искать в сознательном стремлении региональной власти в 90-е годы XX в. на сближение с Ближним Востоком, когда был взят курс на выстраивание отношений «с братскими мусульманскими странами арабского мира». Власти Татарстана использовали национализм и радикальный ислам и в качестве инструмента для шантажа федерального центра. Это позволило им тогда всю собственность в республике прибрать к своим рукам. Поэтому руководство республики закрывало глаза на экспансию зарубежных структур радикального ислама, на деятельность арабских миссионеров, не контролируя ни тех, кто получал религиозное образование за рубежом, ни процесс обучения в медресе, открытых в регионе на деньги иностранных спонсоров⁴. Особое влияние на этнополитические процессы в Татарстане оказал радикальный ислам Северного Кавказа. Эксперты считают, что сейчас можно совершенно однозначно говорить о едином исламистском фронте от Северного Кавказа до Поволжья, сформировавшемся в последние несколько лет. Этот фронт в республике представляют такие организации, как Татарский Общественный Центр (ТОЦ), «Милли меджлис», «Иттифак», «Азатлык», интернет-сообщества «Татарский фронт», «Правые татары», «Татарский патриотический фронт “Алтын урда” (Золотая Орда)», «Татар, уян!» («Татарин, пробудись!»). В Татарстане может развиваться ситуация по «ингушко-дагестанскому сценарию»⁵.

На этом фоне происходит заметное усиление внимания к татарскому национальному движению со стороны зарубежных НПО США, Евросоюза, Турции, Грузии, Азербайджана, Украины и стран Балтии. Одним из государств, которое пытается включить этот поволжский регион в орбиту своей геополитической экспансии, является Саудовская Аравия, за последние два десятилетия приложившая немало сил для распространения на постсоветском пространстве идей ваххабизма (салафизма). В результате в России сегодня существует саудовское лобби, стремящееся формировать антироссийские настроения среди российских мусульман, когда свое государство воспринимается только как враждебное исламу. Спецслужбы Саудовской Аравии создают свою агентуру, в том числе и через россиян, обучающихся в исламских вузах ваххабитского королевства. Радикальное исламистское течение массово распространяется среди мусульман республики, поскольку салафиты интегрированы с Духовным управлением мусульман Татарстана. Первые лица, имамы многих мечетей являются салафитами, многие даже не скрывают своих убеждений. Сторонниками салафизма в республике являются состоятельные люди из числа средней и мелкой буржуазии⁶.

Татарские националисты призывают к российскому «Евромайдану», заявляя, что «сегодня Украина, а завтра Россия». Так, еще в декабре 2013 г. в Казани прошел пикет в поддержку «Евромайдана». Националисты считают, что рано или поздно революционные события возникнут в Российской Федерации, что вызовет развал российской «тюрьмы народов», на обломках которой появятся новые национальные государства. В частности, независимость получит Республика Татарстан. Причем к ней будет присоединен «Восточный Татарстан» (так националисты называют Тюменскую область). В результате будет восстановлена «историческая справедливость»: будет воссоздана государственность Казан-

⁴ Исламский терроризм в Татарстане стал реальностью: мнения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.riss.ru/?newsId=100303.02.2013> (дата обращения: 25.03.2013).

⁵ Религиозное влияние Северного Кавказа на Поволжье: проблема исламского фундаментализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/16/358/> (дата обращения: 26.03.2013).

⁶ Гордеев Я. Выстрелит ли «ружье»? Или как в Татарстане зреет новый «Кавказ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prpk.info/index.php/news/politik/90-lr-lr> (дата обращения: 11.12.2012).

ского и Сибирского ханств. Молодые татарские националисты уверены, что их устремления поддержат все мусульмане, приехавшие с Кавказа и из Средней Азии⁷.

Все эти нынешние этнополитические процессы в Татарстане неизбежно ведут к моноэтнизации региона, к исходу русских, что не только вызовет этноконфессиональную архаизацию оставшегося там титульного населения по пути распространения религиозного фундаментализма, но и поставит под угрозу будущность российской государственности в Поволжье и на Северном Кавказе. А это – путь к развалу страны. Поэтому борьба с исламским экстремизмом и радикализмом, националистическими проявлениями в республике должна быть предметом повседневного внимания федеральных и региональных органов государственной власти, местного самоуправления. К этой борьбе необходимо привлечь исламских богословов, элиту, ученых России.

⁷ Самсонов А. «Сегодня Украина, а завтра Россия». Татарские сепаратисты и исламисты призывают к российскому «Евромайдану» <http://topwar.ru/39455-segodnya-ukraina-a-zavtra-rossiya-tatarskie-etnoseparatisty-i-islamisty-prizyvayut-k-rossiyskomu-evromaydanu.html> (07.02.2014).

В. С. Озеров
V. S. Ozerov

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. О НОРМАХ ТРУДОВОГО ПРАВА

ON THE NORMS OF LABOR LAW

Устойчивость правовой системы во многом предопределяется сбалансированностью составляющих ее элементов, прежде всего, ее первоосновы – норм права.

Согласно общей теории права нормами трудового права являются установленные законодательством общеобязательные правила поведения общего характера, которыми регулируются трудовые и иные связанные с ними отношения.

Эти нормы классифицируются по определенным признакам:

- 1) по содержанию – нормы-декларации, нормы-принципы, нормы-правила, дефиниции;
- 2) по сфере действия – федеральные, региональные, локальные нормы;
- 3) по роли в регулировании общественных отношений – управомочивающие, обязывающие, запрещающие нормы;
- 4) по характеру правила поведения – регулятивные и охранительные нормы;
- 5) по степени обязательности – императивные, диспозитивные и рекомендательные нормы;
- 6) по связи с международными стандартами труда – национальные, национальные с интегрированным международным элементом, международные нормы;
- 7) по отношению к предмету регулирования – материальные и процессуально-процедурные нормы трудового права.

Важное место в трудовом праве занимают и процессуальные нормы, число которых постоянно увеличивается. Процессуальные нормы в широком смысле устанавливают последовательность, порядок и сроки совершения определенных законодательством действий и процедур, направленных на достижение результата. Данные нормы ныне широко пред-

ставлены в ТК РФ (ст. 37–38, 68, 161–162, 193, 228–231, 246, 248, 360, 372–373, 383–384, 386–397, 399–404).

Конституция РФ (ст. 15) устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью ее правовой системы.

Часть норм и принципов международного трудового права (конвенции и рекомендации МОТ) интегрированы в российское трудовое законодательство путем:

1) их репродуцирования. Примером могут быть ст. 3 и 4 ТК РФ, которые практически текстуально воспроизводят две конвенции МОТ № 111 «О дискриминации в области труда и занятий» (1958 г.) и № 105 «Об упразднении принудительного труда» (1957 г.);

2) включения в российскую норму. Статья 91 ТК РФ устанавливает, что продолжительность рабочей недели не может превышать 40 часов. Данное правило перенесено из конвенции МОТ № 47 «О сокращении рабочего времени до 40 часов в неделю» (1935 г.).

Эти правовые нормы следует рассматривать как национальные с интегрированным международным элементом.

Общие и специальные нормы. В трудовом праве идет процесс заметного увеличения специальных, производных от общих (базовых) норм.

Основные и дополнительные нормы. Дополнительные нормы не могут применяться без основных.

Вместе с тем идет размывание граней между общими, специальными, основными, дополнительными нормами трудового права. Нормы трудового права содержатся не только в Трудовом кодексе, но и в иных федеральных законах, о чем многократно упоминается в Трудовом кодексе. Более того, в ТК РФ имеется целый раздел XII, посвященный особенностям регулирования труда отдельных категорий работников (состоит из 19 глав и включает ст. 251–351.1). Казалось бы, что здесь и должны быть сосредоточены специальные нормы, регулирующие особенности труда отдельных категорий работников. Увы, это совсем не так! Непонятно, какие же нормы попадают в «иные федеральные законы, содержащие нормы трудового права». В большинстве случаев эти нормы – смесь специальных и дополнительных норм, перемежаемых с дублированием общих и основных из ТК РФ.

Действующий с 1 февраля 2002 г. (с учетом изменений и дополнений в него от 30 июня 2006 г. и др.) Трудовой кодекс Российской Федерации по нормативному содержанию заметно отличается от ранее действовавшего КЗоТа.

В нем:

1) возросло количество норм-принципов, появились «пограничные» между нормами-принципами и нормами-правилами нормативные формы, программные нормы («нормы-декларации»), резко увеличилось число норм-дефиниций;

2) обозначилось деление норм в соответствии с федеративным устройством Российского государства на федеральные и региональные, возросло значение и количество локальных норм;

3) увеличилось количество управомочивающих и обязывающих норм, уменьшилось количество запрещающих;

4) практически до минимума опустилось число охранительных норм;

5) за счет резкого сокращения императивных норм возросло количество диспозитивных и особенно рекомендательных норм, при этом между ними часто стираются четкие различия;

6) интегрированы нормы международного трудового права путем их текстуального воспроизведения, внедрения их смысла в российские тексты, перередактирования русского текста в духе международных принципов и правил. Если по каким-то причинам они не интегрированы, то международно-трудовые нормы могут действовать в российском правовом поле непосредственно;

7) усилилось значение процессуальных норм и процедурных правил, определяющих условия, порядок и сроки совершения юридических действий в связи с отношениями в сфере труда.

Отмеченные выше изменения нормативного многообразия вызваны определенными процессами в российском обществе.

На изменение содержания и характера норм трудового права в 1990-е и последующие годы повлияли установившиеся в России рыночные отношения. Зависимые от них трудовые отношения стали формироваться на основе принципов и правил социального партнерства, директивное регулирование отошло на второй план.

Немаловажное значение имеет и изменение в условиях рынка характера общественно-го труда, его структуры, направленности, профессиональной дифференциации и социальной значимости, появление, наряду с договорными трудовыми отношениями, альтернативных трудовых отношений, основанных на устной договоренности, дистанционной работе, замном труде и т. п.

Изменения в нормативном фонде трудового права имеют и определенные негативные последствия. Особенно это касается норм, регулирующих установление и предоставление различных льгот и компенсаций работникам. Придание этим нормам не всегда оправданного, диспозитивного и рекомендательного характера открывает возможности «злоупотребления правом», и не только со стороны работодателей.

С. Н. Пастернак
S. N. Pasternak

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ И РОССИИ)

CURRENT PROBLEMS OF FORMATION OF CONSTITUTIONAL JUSTICE (THE CASE OF POLAND AND RUSSIA)

Порядок формирования состава конституционного суда имеет прямое отношение к таким проблемам, как обеспечение независимости, объективности и эффективного функционирования органа конституционной юстиции.

По мнению А. Брюннека, основополагающим условием, обеспечивающим возможность осуществлять конституционное правосудие, является соответствующий целям правосудия выбор судей¹.

Исторически сложилось несколько моделей формирования конституционных судов:

- 1) когда в формировании конституционного суда принимает участие только парламент;
- 2) когда в формировании конституционного суда принимают участие исполнительные органы власти;
- 3) когда в формировании конституционного суда задействованы несколько субъектов, принадлежащих к различным ветвям власти².

Анализ существующего порядка формирования органа конституционной юстиции позволяет сделать вывод о том, что парламент в европейских государствах играет доминирующую роль в формировании конституционного суда. Объяснить это можно, на наш

© С. Н. Пастернак, 2014

¹ Цит. по: *Czeszejko-Sochacki Z. Sądownictwo konstytucyjne w Polsce na tle porównawczym. Warszawa: Wydawnictwo Trybunała Konstytucyjnego, 2003. S. 115.*

² *Zwierchowski E. Sądownictwo konstytucyjne. Białystok, 1994. S. 79–81.*

взгляд, влиянием австрийской модели конституционного правосудия, ставшей для многих государств указанного региона своеобразным образцом.

Судьи Конституционного Трибунала Польши назначаются исключительно Сеймом. В соответствии с п. 4 ст. 5 Закона о Трибунале 1997 г. кандидатов на должность конституционного судьи представляет группа депутатов численностью не менее 50 человек или Президиум Сейма.

По мнению известного болгарского конституционалиста Н. Неновски, установление широкого круга лиц и институтов, которые обладали бы правом предлагать кандидатуры на должности конституционных судей, имеет значение для формирования доверия к конституционному правосудию со стороны различных политических сил³.

И в этом смысле современный опыт России представляется по сравнению с польским опытом более рациональным. Согласно ст. 9 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁴ предложения о кандидатурах на должности конституционных судей могут вносить члены Совета Федерации РФ, депутаты Государственной Думы РФ, законодательные (представительные) органы субъектов РФ, высшие судебные органы, федеральные юридические ведомства, всероссийские юридические сообщества, юридические научные и учебные заведения.

В то же время в России, как и в Польше, назначение на должности конституционных судей, а следовательно, формирование органа конституционного контроля, осуществляет один орган – Совет Федерации Федерального Собрания РФ и Сейм соответственно. Между тем, по справедливому замечанию Н. В. Витрука, формирование конституционных судов в равных пропорциях тремя ветвями власти (главой государства, парламентом и высшими судебными инстанциями и/или судебским сообществом) в большей степени обеспечивало бы сбалансированность их состава⁵.

Проблема формирования состава Конституционного Трибунала исключительно Сеймом неоднократно становилась предметом критики в польской доктрине. В частности, З. Чешейко-Сохацкий обоснованно отмечал, что назначение конституционных судей парламентом ставит Трибунал в зависимое положение по отношению к законодательному органу власти⁶. Парламентское большинство, по его мнению, является политическим критерием при выборах конституционного судьи и может негативно влиять на позицию Конституционного Трибунала⁷.

Л. Гарлицкий, рассуждая о порядке формирования Трибунала, отмечал, что основным аргументом сторонников назначения конституционных судей на должности парламентом был тезис о том, что решения конституционного суда оказывают непосредственное влияние на законодательство; передача законодательной власти указанной функции является попыткой уравновесить позиции Трибунала и парламента. «На практике, – писал Л. Гарлицкий, – это эффективнейший способ оказывать влияние на будущую деятельность трибунала, и каждое персональное решение парламента должно приниматься с полным осознанием его политического значения»⁸.

Попыткой немного исправить ситуацию можно считать положение ст. 5 Закона о Конституционном Трибунале, согласно которому постановление Сейма о назначении кандидата на должность судьи Трибунала принимается абсолютным большинством голосов при наличии не менее половины от общего числа депутатов.

Аналогичным образом решается вопрос о назначении судьи Конституционного Суда в России. Согласно ст. 9 Федерального конституционного закона «О Конституционном

³ Неновски Н. Конституцията: актуални въпроси на теорията и практиката. София, 2002. С. 79.

⁴ Федеральный конституционный закон РФ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2010 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁵ Витрук Н. В. Конституционное правосудие. М.: ЮНИТИ, 1998. С. 102.

⁶ Czeszejko-Sochacki Z. Sąd konstytucyjny w systemie organów państwa (Zakres kompetencji) // Studia i Materiały. T. II: Sądownictwo konstytucyjne. Z. 1. Warszawa: Wydawnictwo Trybunału Konstytucyjnego, 1996. S. 33.

⁷ Czeszejko-Sochacki Z. Sądownictwo konstytucyjne w Polsce na tle porównawczym. Warszawa, S. 126.

⁸ Garlicki L. Sądownictwo konstytucyjne w Europie Zachodniej. Warszawa: PWN, 1987. S. 72, 97.

Суде Российской Федерации» назначенным на должность судьи Конституционного Суда РФ считается лицо, получившее при голосовании большинство от общего числа членов (депутатов) Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Положительное значение принятия решения о назначении конституционного судьи на должность абсолютным или даже квалифицированным большинством голосов парламентариев признается многими исследователями⁹. В частности, З. Чешейко-Сохацкий писал, что соглашение парламентских сил для преодоления порога в 2/3 голосов парламентариев является гарантией объективного выбора судей конституционного суда¹⁰.

С этим выводом трудно спорить, однако в условиях доминирования одной политической партии, имеющей большинство мест в обеих палатах парламента, как в России, объективность выбора судей конституционного суда становится сомнительной.

Допуская такую возможность, З. Чешейко-Сохацкий писал, что избранные конституционные судьи должны отстраниться от партийной зависимости и без оглядки на мнение политических сил, их избравших, действовать и выносить решения объективно, подчиняясь только конституции, поскольку, «обеспечивая верховенство конституции, сами должны быть ей верны»¹¹.

Однако, по нашему мнению, формирование органа конституционной юстиции различными субъектами (не только парламентом) было бы лучшей гарантией независимости конституционного суда, чем призыв конституционных судей руководствоваться в своей деятельности принципом аполитичности.

⁹ *Rousseau D.* Sądownictwo konstytucyjne w Europie / przeł. M. Granat. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1999. S. 40-41.

¹⁰ *Czeszejko-Sochacki Z.* Sądownictwo konstytucyjne w Polsce na tle porównawczym. S. 128.

¹¹ *Ibid.*

А. Л. Рогачевский
A. L. Rogachevskiy

К ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ В СССР: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ В СФЕРЕ ТУРИЗМА (СЕРЕДИНА 1950-х – СЕРЕДИНА 1980-х гг.)

THE HISTORY OF CENSORSHIP IN USSR: STATE CONTROL OVER CARTOGRAPHIC INFORMATION IN TOURISM (MID-1950s - MID-1980s.)

Полноценное развитие туризма в нашей стране долгое время сковывалось административными препонами. Одним из наиболее серьезных факторов такого рода было тотальное засекречивание картографической информации. К сожалению, в изучении этой проблемы сделаны пока лишь первые шаги¹, поскольку соответствующие инструкции о засекречивании до сих пор доступны лишь отчасти.

Массовое засекречивание карт началось уже в 1920-х гг. и усугублялось с каждым десятилетием. Даже после смерти Сталина широкой публике были недоступны крупномасштабные (топографические) карты местностей. Несмотря на обстановку «оттепели», в СССР к середине 1950-х гг. устанавливается запрет на использование сколько-нибудь полных и точных топографических основ для издания общедоступных планов и карт.² В 1965 г. в Москве состоялась VII конференция геодезических служб социалистических стран. На ней было решено, что использование топографических карт в унифицированной системе координат 1942 г. допускается лишь в военных целях. Кроме того, в картах масштабом 10 км в 1 см и крупнее линии координатной сетки и расположение географических объектов должны были отныне приводиться с искажениями³. Доступ же к выпущенным ранее картам постепенно затруднялся. Например, с 1972 г. Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде наложила ограничения на выдачу и копирование любой литературы с картографическими материалами, изданными до 1966 г.⁴ А нередко под запрет попадали даже карты, составленные задолго до революции, что явно выходило за рамки здравого смысла⁵.

Еще одним шагом стала централизация отрасли. С 1979 г. издание любой общедоступной картографической продукции стало прерогативой Главного управления геодезии и картографии⁶. Именно это ведомство стало отныне издавать особые закрытые инструкции, регулировавшие составление туристских карт и планов. В качестве основы для обзорных карт разрешалось использовать карту СССР масштабом 25 км в 1 см, которая дополнялась отдельными элементами по топографическим картам масштабом 10 км в 1 см и крупнее. При составлении маршрутных схем допускалось использование карт с масштабом 2 км в 1 см и крупнее, но при этом изображаемая на них полоса маршрута не могла превышать 4–5 км в ширину и не должна была иметь координатной сетки; масштаб таких схем также не подлежал раскрытию. Чтобы не привлекать излишнего внимания к многочисленным оздоровительным учреждениям оборонных ведомств, а также домов отдыха для советской партийно-государственной элиты, на картах надлежало отмечать лишь объекты «открытого типа», указанные в справочниках «Здравницы профсоюзов СССР» и «Курорты СССР» последних лет издания⁷.

Vol. 26. 2002. Issue 2. P. 243–260; *Brunner K.* 1) Geheimhaltung und Verfälschung von Karten aus militärischen und politischen Gründen // Kartenverfälschung als Folge übergroßer Geheimhaltung? Eine Annäherung an das Thema Einflußnahme der Staatssicherheit auf das Kartenwesen der DDR / Hrsg. von D. Unverhau (Archiv zur DDR-Staatssicherheit. Bd. 5). Münster, 2002. S. 161–175; 2) Geheimhaltung topographischer Karten und Manipulation ihres Inhalts // Allgemeine Vermessungs-Nachrichten (AVN). Jg. 110. H. 5. Heidelberg, 2003. S. 183–188; 3) Secrecy and the Falsification of Maps for Military and Political Reasons // State Security and Mapping in the GDR. Map Falsification as a Consequence of Excessive Secrecy? / Hrsg. von D. Unverhau (Archiv zur DDR-Staatssicherheit. Bd. 7). Berlin, 2006. S. 153–166; *Барон Н.* «От греха подальше...»: цензура и контроль над топографическим знанием в Советской России (1918–1925) // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 84–92.

² Санкт-Петербург в планах и картах. XX век / изд. подг. С. В. Семенов. СПб., 2012. С. 292.

³ *Brunner K.* Geheimhaltung topographischer Karten... S. 185.

⁴ *Лютлова К. В.* Спецхран Библиотеки Академии наук. Из истории секретных фондов. СПб., 1999.

⁵ *Булатов А.* Странная история старинных карт России в советские годы // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. Июнь 2012 г. С. 38–52. – Так, материалы топографической съемки Москвы 1838–1839 гг. были рассекречены лишь в 1989 г. (*Литвин А. А.* Городской ландшафт на российских крупномасштабных картах. 1700–1840-е гг. // Ландшафты культуры. Славянский мир / отв. ред. И. И. Свирида. М., 2007. С. 136). Иногда этот процесс занимал еще более продолжительное время. Например, в 1963 г. в Государственном архиве Ульяновской области был засекречен комплекс карт Среднего Поволжья, составленных еще в XVIII–XIX вв. Добиться их рассекречивания удалось лишь в 2000 г. после прямого обращения к руководству Федеральной архивной службы России (*Гуркин В. А.* Среднее Поволжье глазами картографов XVII–XVIII веков // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 1. С. 133–134).

⁶ Санкт-Петербург в планах и картах. С. 348, 351.

⁷ Руководящий технический материал по созданию туристских схематических планов городов на русском, национальных и иностранных языках и схем городского пассажирского транспорта. РТМ-68-13.03-79. [Введен в действие приказом ГУГК от 28 декабря 1979 г.]. [ДСП]. М., 1980. П. II.2.12; Инструкция по созданию туристских обзорных карт и маршрутных схем. РДИ-68-13.04-79. [Введена в действие приказом ГУГК от 29 декабря 1979 г.]. [ДСП]. М., 1980. § 7, 22, 45.2.

Выпускавшиеся туристские схемы, как и прежде, содержали множество сознательно внесенных искажений. Они касались практически всех элементов ландшафта: передвигались дороги и реки, разворачивались городские районы, неправильно указывались улицы и дома. Изменения такого рода вносились даже в карты масштабом 25 км в 1 см, не говоря уже о более подробных. На туристской карте Москвы только общие контуры столицы отчасти совпадали с реальными, а все остальное было искажено. Все это создавало реальную угрозу для безопасности туристских групп и вызывало массу жалоб со стороны туристов⁸.

Указанные меры секретности уже тогда были архаичными и во многом бессмысленными: страны НАТО давно располагали точными картами СССР, составленными с помощью спутниковой съемки. Режим гипертрофированной секретности вредил в первую очередь советской экономике и в немалой степени препятствовал развитию самостоятельного (особенно спортивного) туризма в стране. И лишь в 1988 г. наиболее абсурдные ограничения такого рода были отменены.

⁸ Зайкин В. Гриф «секретно» снят. Отныне точные карты нашей страны будут доступны всем желающим // Известия. 1988. 8 сент. С. 2.

Ю. В. Субботин
Y. V. Subbotin

НАКАЗАНИЕ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ (POENA PRO CRIMEN) ПО «БОЖЕСТВЕННОМУ» И «ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ» ПРАВУ В ВОЗЗРЕНИЯХ Б. СПИНОЗЫ

PUNISHMENT FOR A CRIME (POENA PRO CRIMEN) BY «DIVINE» AND «HUMAN» RIGHTS IN THE VIEWS OF B. SPINOZA

«Право и связанная с ним нравственная теория (этика) решительно секуляризировались в XVII в., достигнув в этом движении неких принципиальных результатов, которые раскололи поздних юристов (большинство из которых были и политологами) на людей, которые уходили от религии к атеизму, и тех, что искали разумного компромисса между естественно-правовыми требованиями и порядками божественного провидения»¹. Примером подобного компромисса могут послужить взгляды Б. Спинозы на такие понятия, как преступление и наказание, рассмотренные Спинозой в 8-й части «Трактата об усовершенствовании разума и о пути, которым лучше всего направляться к истинному познанию вещей» (1660), в XIV, XVI, XVII главах «Теолого-политического трактата» (1670), в двух частях «Политического трактата» (1677).

Нидерландский мыслитель считал, что в каждой вещи содержится два начала: темное, за которым стоят своеволие, слепая воля и инстинкт, а также светлое – разум, который есть универсальная воля, пользующаяся своеволием и подчиняющая его себе как простое орудие. Частная и всеобщая воли могут совпадать в человеке, из них возникает нечто целое, приближающее человека к пониманию Бога. Тем не менее в человеке эти начала могут быть

разделены на добро и зло. Если бы в человеке эти начала были неразрывны, как в Боге, то между Богом и человеком не было бы различия. А поскольку Бог есть добро, то только в человеке заключена возможность зла. Получается, что воля человека представляет собой единство живых сил, которые одновременно выступают и как вождения, и как желания.

Такое состояние можно сравнить с болезнью, поскольку болезнь – это нарушение гармонии порядка и возникает из-за того, что человек, которому дана жизнь только для того, чтобы служить обществу, начинает стремиться жить для себя и порождает зло, сущность которого проявляется в дисгармонии, нарушении единства, неправильном соединении элементов. Зло стремится к внешнему выражению, а следовательно, к нарушению законов, к преступлению, так как оно может проявиться только в публичном попрании интересов общества, в нарушении установленного общественного порядка. Поэтому-то в природе человека уже в момент рождения заложена деструктивность, девиантность поведения как необходимые составляющие его сущности, поэтому, согласно законам природы, добродетели уже содержат в себе награду, а преступления неизбежно влекут за собой наказания. «...тяжкое наказание... следует за преступление или бесчестие» (...*gravipoenam... licet nisi ob crimen aut infamiam*)².

Исследуя сущность преступления и наказания, Спиноза выступил против религиозной интерпретации наказаний и наград, т. е. такого их истолкования, когда они понимаются в качестве платы, которую Бог отмеряет за то или иное поведение. Кара небесная, как наказание по «божественному» праву (*ius divinum*), неизбежна, но это наказание за свершенное преступление, по Спинозе, может и не последовать, если человек искренне раскаялся в содеянном.

По средневековым схоластическим канонам, человек, сотворивший зло, должен молиться, чтобы Бог простил ему его грехи (предполагается, что никто не может быть безгрешен и Бог может дать человеку силы бороться с его грехами), помиловал и спас.

Спиноза же считал, что молитвы бесполезны, так как *ubi culpa ibi poena* (где вина, там наказание). Поэтому, человек-преступник сам себя неизбежно наказывает согласно божественному решению, т. е. всеобщим законам природы. Кара небесная заложена в самом человеке, в его тяге к правонарушению³.

В письме к Я. Остену он пояснил, что «всякий должен любить своего ближнего и повиняться предписаниям высшей власти... Но мне кажется, я понял, в какой тине погряз этот человек. Ничто не пленяет его ни в разуме, ни в самой добродетели – он предпочел бы отдаться влечению своих страстей, если бы только не сдерживался страхом наказания!.. Вот почему он и думает, что те, кто не удерживаются этим страхом, должны быть вполне разнузданы и отбрасывают всякую религию»⁴.

Однако Спиноза не отрицал, что, помимо божественного наказания за свершенные преступления, человек может быть наказан государством как светской властью по «человеческому» праву (*ius humanum*)⁵.

В диссертации Стивена Барбона подсчитано, что Спиноза обращался к идее уголовного наказания как проявления воли публичной власти 8 раз: 1 раз в «Этике», дважды в «Политическом трактате» и 5 раз – в «Богословско-политическом трактате»⁶. Более того, Спиноза открыто заявлял, что «верховные власти по праву могут управлять самым жестоким образом и приговаривать граждан к смертной казни за самые незначительные дела» [*summas potestates iure posse violentissime regnare et cives levissimis de causis ad necem ducere* (ТТР 20/2)]⁷.

Свою позицию Спиноза подкреплял теоретическим обоснованием законности применения государством крайних мер наказания опасных для общества граждан. У преступников, по мнению Спинозы, были от природы вредоносные наклонности, это зависело от того, что злое начало в таком человеке превалировало над добрым. Поэтому, в принципе,

² *Spinoza B. The Collected Works / ed. by E. Curley. Princeton, 1985. P. 190.*

³ *Спиноза Б. Соч. В 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 476.*

⁴ Там же. С. 480.

⁵ *Den Uyl D. J. Spinoza's Concept of the State and Political Authority. Milwaukee, Wisconsin, 1978. P. 148–199.*

⁶ *Barbone S. Spinoza on Community, Affectivity and Life Values. Milwaukee, Wisconsin, 1997. P. 153.*

⁷ *Spinoza B. The Collected Works / ed. by E. Curley. P. 305.*

государство можно оправдать, когда оно уничтожает тех, кто принес вред другим членам общества. Однако поскольку идеальных людей не может быть, а следовательно, и общество далеко не идеально, то власти должны не столько наказать или уничтожить преступников, сколько предотвратить свершение самого преступления. Даже если эти люди опасны, они являются членами общества, т. е. частью организации, их породившей. Поэтому такие люди должны быть изолированы от общества (изоляция – это и есть самое тяжелое наказание, так, в ней есть и кара небесная, так как человек, постоянно вспоминая о преступлении, несет возмездие за содеянное в себе самом, и элементы светского уголовного наказания), но не казнены. Государство, во-первых, должно создать такую среду, куда следует помещать преступников (тюрьмы, каторгу, гетто и др.), а во-вторых, должно применять превентивные меры по предупреждению развития у личностей, имеющих от природы деструктивные наклонности, преступного поведения⁸.

Рассуждения Спинозы, несомненно, носят казуистический, двойственный характер, придавая им коннотацию логической задачи. С одной стороны за государством признается такая карательная функция, как применение системы уголовных наказаний, с другой стороны, государство должно лишь следовать божественной воле, которая проявляется во всеобщих законах природы. В этом случае наказание за преступление по «божественному» праву совпадет по смыслу с наказанием по «человеческому» праву.

⁸ *Levene N. K. Spinoza and the Dawn of Enlightenment: Reason, Interpretation, and Politics in the Early Modern West. Cambridge, 2000. P. 258–269.*

Т. А. Терещенко
Т. А. Tereshenko

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ ИНОСТРАННОГО ПРОИЗВОДИТЕЛЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

REALIZATION OF FUNCTIONS OF FOREIGN MANUFACTURERS: SOME ISSUES TO RESPONSIBILITY

Введение.

Гражданский оборот и потребительский рынок сложно себе представить без договора купли-продажи, в том числе в отношении импортных вещей, произведенных иностранным производителем. В условиях действующего правового регулирования, включая требования по техническому регулированию, направленные на обеспечение надлежащего качества товаров, неизбежно возникает вопрос о том, каковы начала несения ответственности лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя.

Пример.

Исследуем вопрос, обратившись к следующему примеру. Представим, что

(а) на территории европейского государства зарегистрировано юридическое лицо (назовем его условно «Клиент»), заинтересованное в реализации товаров, произведенных в Китае, на территории России;

(б) осуществлять указанную реализацию товаров Клиент намерен через структуру своего дочернего предприятия – зарегистрированное на территории России юридическое лицо (назовем его условно «Продавец»). Продавец будет заключать договоры купли-продажи непосредственно с потребителями на территории России;

(в) при этом производство товаров будет осуществляться на территории Китая третьим лицом – юридическим лицом, зарегистрированным по праву Китая (назовем его условно «Изготовитель»).

Соответственно, перед Клиентом стоит задача – выбрать наиболее оптимальную для защиты его интересов и интересов Продавца схему взаимодействия, которая должна соответствовать закону. В частности, такими схемами могут быть следующие цепочки взаимодействия (альтернативно):

1) Покупателем товара у Изготовителя выступает Клиент (договор поставки), который перепродает затем товар Продавцу (договор поставки), или

2) Клиент заказывает Изготовителю производство товара (договор подряда) и продает его для реализации Продавцу (договор поставки), или

3) Производство товара осуществляется на основании лицензионного договора (договора франчайзинга). Указанная схема может включать любой из указанных вариантов.

При этом для Клиента при выборе схемы важно учесть следующие условия, обусловленные спецификой российского законодательства:

– по самостоятельному договору Продавец принимает на себя обязанности по представлению Изготовителя на территории РФ посредством заключения договора на выполнение функций иностранного изготовителя в части обеспечения соответствия поставляемой продукции требованиям технических регламентов, национальных стандартов и в части ответственности за несоответствие поставляемой продукции требованиям технических регламентов, национальных стандартов;

Изготовитель несет ответственность за недостатки товаров перед Продавцом и/или Клиентом (предполагается, что на законном основании, так как договора между Изготовителем и Продавцом нет, кроме договора о Представительстве (представлен для ознакомления), который в своем стандартном виде это не оговаривает).

Вопросы.

Очевидно, но при выборе той или иной схемы взаимодействия Клиент, как минимум, должен для себя решить следующие вопросы:

1) кого необходимо считать изготовителем товара в соответствии с законодательством РФ о технической регламентации в целях получения разрешения на выпуск товара в обращение на территории Таможенного союза;

2) В каких ситуациях не исключена ответственность непосредственно Изготовителя, в том числе перед Продавцом и/или Клиентом, за недостатки товара, которые могут быть обнаружены ввиду несоответствия требованиям российского законодательства о техническом регулировании;

3) Влияет ли как-либо подписание Продавцом договора о Представительстве Изготовителя на отношения «Изготовитель–Клиент–Продавец» в предложенных схемах, и если да, то как, и возможно ли это влияние изменить путем внесения оговорок или в договор о Представительстве «Изготовитель–Покупатель», или в договор поставки (1)/ подряда (2)/франчайзинга (3) «Изготовитель–Клиент»?

Практика применения.

Ответ на поставленные вопросы предполагает учет и анализ положений следующих норм¹:

– ст. 506, п. 1 ст. 702, п. 1 ст. 1027, ст. 1034, п. 1 ст. 1081, ст. 1095 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ);

¹ Непосредственно положения законодательства РФ, на которых основаны наши выводы, приведены в Приложении № 1 к настоящей статье.

² СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

- Преамбулу Закона РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1³ (далее – Закон о защите прав потребителей);
- Пункт 1 ст. 24, п. 1 ст. 34, п. 1 ст. 36 Федерального закона «О техническом регулировании» от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ⁴ (далее – Закон о техническом регулировании);
- Статья 1 Соглашения о проведении согласованной политики в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер от 25 января 2008 г.⁵ (далее – Соглашение 2008 г.);
- Часть 1 ст. 1, ч. 2 ст. 7 Соглашения о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации от 18 ноября 2010 г.⁶ (далее – Соглашение 2010 г.).

Анализ приведенных положений позволяет последовательно ответить на следующие вопросы, раскрывающие специфику ответственности лица, который выполняет функции иностранного изготовителя на территории РФ.

1) Ответ на вопрос 1: Изготовителем является лицо, которое осуществляет производство продукции для реализации, т. е. для выпуска в гражданский оборот. Подобное производство может осуществляться по собственной технологии или по лицензии (франшизе), собственными силами или с привлечением подрядчика. Если производство осуществляется по лицензии (франшизе) или с привлечением подрядчика, это означает усложнение договорных связей, в рамках которых может возникнуть ответственность за ненадлежащее исполнение обязательства. Однако фигура изготовителя остается неизменной. Российский законодатель для целей технического регулирования не принимает во внимание то, в рамках каких договорных отношений осуществляется само производство, т. е. оставляет за рамками внутренние (договорные) отношения сторон. Обособление фигуры изготовителя (критерий «производство товара для реализации») от фигуры продавца (критерий «реализация товара») или от фигуры уполномоченного изготовителя лица (критерий «договор, в рамках которого произошло подобное уполномочие») осуществляется только для выявления фигуры субъекта, к которому могут быть предъявлены требования потребителем или регулирующим органом в рамках внешних (публичных) отношений, направленных на обеспечение стандартов качества. Каждый из этих субъектов может быть необходимым и достаточным субъектом ответственности.

2. Ответ на вопрос 2: Субъектом ответственности во внешних (публичных) отношениях является непосредственно заявитель, которым может быть альтернативно и продавец, и изготовитель, и лицо, уполномоченное изготовителем. Соответственно, любая из предложенных схем не исключает ответственности изготовителя в рамках внутренних (договорных) отношений. Обеспечение взаимосвязи между фактом несения ответственности по законодательству о техническом регулировании (внешние отношения) и договорными отношениями происходит либо (а) посредством внесения конкретных положений в договор(ы) о порядке и условиях несения ответственности в случае, если уполномоченное лицо было привлечено к ответственности по законодательству о техническом регулировании, либо (б) через понятие регрессной ответственности. Очевидно, что включение положений об ответственности в договоры является более целесообразным с точки зрения упрощения порядка привлечения к подобной ответственности.

3) Ответ на вопрос 3: Сам по себе факт подписания договора о представлении интересов изготовителя свидетельствует о том, что уполномоченное изготовителем лицо будет нести ответственность перед потребителем или регулирующим органом в интересах другого лица и, как следствие, за действия этого лица, т. е. будет нести фактически перед третьими лицами внутреннюю (договорную) ответственность своего контрагента по гражданским договорам (купли-продажи, поставки, продажи, франчайзинга). В этом смысле чем более подробны положения о порядке и условиях несения ответственности, возмещаемых суммах в счет несения подобной ответственности, тем больше упрощается процесс переложения

³ Там же. № 3. Ст. 140.

⁴ Там же. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

⁵ Бюллетень международных договоров. 2012. № 8.

⁶ Там же. 2011. № 6; 2013. № 3.

негативных последствий несения ответственности уполномоченного изготовителем лица непосредственно на изготовителя.

Сделанные выводы основаны на следующем.

1. Действующее законодательство РФ не дает специального определения термина «изготовитель», за исключением Закона о защите прав потребителей.

2. Однако в Законе о защите прав потребителей определение изготовителя (лица, занимающегося производством товаров для реализации) дано исключительно для отделения от фигуры продавца (лица, непосредственно занимающегося реализацией товаров). Сделано это для того, чтобы обеспечить защиту прав потребителей, которые вправе предъявить требования, связанные с недостатками товара, не только к лицу, с которым они напрямую заключили договор розничной купли-продажи, но и к лицу, с которым потребитель договора купли-продажи не заключал (изготовитель, а равно уполномоченное им лицо).

3. Анализ существующих правовых конструкций (розничная купля-продажа, поставка, подряд, коммерческая концессия (франчайзинг)) позволяет сделать вывод, что изготовителем может быть лицо, которое производит товар как собственными силами для последующей реализации (например, через договоры поставки и/или прямые договоры розничной купли-продажи), так и силами третьих лиц (подряд). В зависимости от того, осуществляется указанное производство по собственным технологиям или с использованием чужих ноу-хау, средств индивидуализации и проч., изготовитель может осуществлять производство своими силами или силами третьих лиц без или с обязательным заключением договора коммерческой концессии (франчайзинга)/ лицензионного договора. Таким образом, изготовителем можно признать лицо, которое производит или заказывает производство товара с определенной целью – для последующей его реализации (и в этом смысле является лицом, имеющим интерес/ контролирующим процесс производства).

4. Вместе с тем отграничение фигуры изготовителя от уполномоченного им лица или продавца не имеет юридического значения с точки зрения выявления субъекта, к которому предъявляются публичные требования о соответствии продукции требованиям таможенного и технического регулирования.

5. В частности, положения законодательства о техническом регулировании направлены на обеспечение соответствия качества той или иной продукции предъявляемым требованиям и носят императивный характер. В этом смысле и продавец, и изготовитель, и лицо, выполняющее функции изготовителя, занимают одинаковое правовое положение – лица, который обеспечивает декларирование, подтверждает соответствие и несет ответственность. Поэтому при предъявлении требований в соответствии с законодательством о техническом регулировании не происходит дифференциации статуса лица: продавец, или изготовитель, или лицо, выполняющее функции изготовителя, равным образом могут быть заявителями.

6. Иначе говоря, законодательство регулирует внешнюю сторону отношений – условия выпуска товаров в оборот для реализации потребителям. На каких условиях и почему именно конкретное лицо будет заниматься реализацией товаров, составляет внутреннюю сторону взаимоотношений участников гражданского оборота и подлежит самостоятельному регулированию, в частности в договоре. Не случайно, что законодательство не предъявляет специальных требований к содержанию договора о представлении интересов иностранного изготовителя.

7. В законодательстве используются в качестве синонимов такие термины, как «лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя», и «лицо, уполномоченное изготовителем». Несмотря на то что раскрытие указанных терминов не содержится во всех технических регламентах, понятие является унифицированным за счет положений ст. 1 Соглашения 2008 г. (см. Приложение № 1 к статье): «уполномоченное изготовителем лицо» – юридическое или физическое лицо, зарегистрированное в установленном порядке государством Стороны, которое определено изготовителем на основании договора с ним для осуществления действий от его имени при подтверждении соответствия и размещении продукции на таможенных территориях государств Сторон, а также для возложения ответственности за несоответствие продукции требованиям технических регламентов ЕврАзЭС.

8. Следовательно, лицо, выполняющее функции изготовителя (уполномоченное изготовителем), является субъектом, на которое возлагается ответственность за соответствие

продукции иностранных изготовителей (изготовителя) требованиям Технических регламентов Таможенного союза в силу действующего законодательства РФ.

9. Из этого следует, что договорным основанием для возложения ответственности непосредственно на изготовителя является недвусмысленное включение в договор о представлении интересов изготовителя условий и порядка несения ответственности лицом, которое будет выступать от своего имени и выступать самостоятельным субъектом ответственности с точки зрения законодательства РФ. Иначе говоря, в договоре между этим лицом и изготовителем должна быть распределена ответственность за несоответствие продукции требованиям технического регламента Таможенного союза.

10. Вывод сохраняет свою актуальность для любой из предусмотренных схем. Иными словами, даже если задействована цепочка договоров (подряд, продажа, договор об осуществлении функции изготовителя), целесообразно в каждом договоре предусмотреть случаи несения ответственности в ситуации, когда конечный недостаток был выявлен уже на территории РФ, а требование предъявлено к лицу, выполняющему функции изготовителя. Такой подход более целесообразен с точки зрения обоснования оснований и условий возложения ответственности на изготовителя как конечное лицо. Кроме того, в рамках договора стороны вправе выбрать любое применимое право, которое позволит надлежащим образом урегулировать отношения сторон.

11. Формально без указанного распределения ответственности в договоре(ах) всегда сохраняется возможность возложить гражданско-правовую ответственность по правилам о регрессном требовании (когда одно лицо выполнило чужую обязанность – ст. 1080 ГК РФ). Основанием для такого подхода является (а) разделение публичной (внешней) ответственности, т. е. ответственности лица, выполняющего функции изготовителя, и (б) гражданско-правовой договорной (внутренней) ответственности за ненадлежащее выполнение договора (поставки, подряда). Минусом такого подхода является то, что правила о регрессной ответственности детально не урегулированы в законодательстве; законодательство о техническом регулировании не дифференцирует указанные виды ответственности, что можно считать отражением принципа свободы договора, когда законодатель предоставляет сторонам полную свободу в согласовании условий договора о представлении изготовителя на территории РФ.

12. Анализ судебной практики не выявил наличия решений, позволяющих внести большую определенность в вопрос об условиях регрессного переложения ответственности на изготовителя.

Таким образом,

1) несение ответственности по законодательству о техническом регулировании лицом, уполномоченным изготовителем, не исключает и не затрагивает несения ответственности по конкретному гражданскому договору (поставки, подряда, франчайзинга и проч.) за его ненадлежащее выполнение, которое невозможно было обнаружить ранее, чем было предъявлено соответствующее требование по законодательству о техническом регулировании;

2) в этом смысле условия и порядок несения ответственности остаются на полное усмотрение сторон договора(ов);

3) непосредственное включение в договор(ы) условия о наступлении обязанности по несению ответственности в случае привлечения к ответственности по законодательству о техническом регулировании лица, уполномоченного изготовителем, будет упрощать процесс применения мер ответственности по договору. В противном случае указанную взаимосвязь необходимо будет обосновывать общими положениями договора(ов) и правилом о регрессной ответственности.

Приложение № 1

Положения законодательства РФ, на которых основаны выводы, содержащиеся в статье:

1.1. Федеральный закон «О техническом регулировании» от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ:

а) при декларировании соответствия заявителем могут быть зарегистрированные в соответствии с законодательством Российской Федерации на ее территории юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, либо являющиеся

изготовителем или продавцом, либо выполняющие функции иностранного изготовителя на основании договора с ним в части обеспечения соответствия поставляемой продукции требованиям технических регламентов и в части ответственности за несоответствие поставляемой продукции требованиям технических регламентов (лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя) (п. 1 ст. 24);

б) на основании положений настоящего Федерального закона и требований технических регламентов органы государственного контроля (надзора) вправе требовать от изготовителя (продавца, лица, выполняющего функции иностранного изготовителя) предъявления декларации о соответствии или сертификата соответствия, подтверждающих соответствие продукции требованиям технических регламентов, или их копий, если применение таких документов предусмотрено соответствующим техническим регламентом; привлекать изготовителя (исполнителя, продавца, лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя) к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации (п. 1 ст. 34);

с) за нарушение требований технических регламентов изготовитель (исполнитель, продавец, лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя) несет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 1 ст. 36).

1.2. Закон «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. № 2300-1:

а) настоящий Закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав;

б) изготовитель – организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, производящие товары для реализации потребителям;

с) продавец – организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, реализующие товары потребителям по договору купли-продажи;

д) уполномоченная изготовителем (продавцом) организация или уполномоченный изготовителем (продавцом) индивидуальный предприниматель (далее – уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель) – организация, осуществляющая определенную деятельность, или организация, созданная на территории Российской Федерации изготовителем (продавцом), в том числе иностранным изготовителем (иностраным продавцом), выполняющие определенные функции на основании договора с изготовителем (продавцом) и уполномоченные им на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товара ненадлежащего качества, либо индивидуальный предприниматель, зарегистрированный на территории Российской Федерации, выполняющий определенные функции на основании договора с изготовителем (продавцом), в том числе с иностранным изготовителем (иностраным продавцом), и уполномоченный им на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товара ненадлежащего качества;

е) импортер – организация независимо от организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, осуществляющие импорт товара для его последующей реализации на территории Российской Федерации.

1.3. Гражданский кодекс РФ:

а) по договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием (ст. 506);

б) по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его (п. 1 ст. 702);

с) по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности, на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау) (п. 1 ст. 1027). Правообладатель несет субсидиарную ответственность по предъявляемым к пользователю требованиям о несоответствии качества товаров (работ, услуг), продаваемых (выполняемых, оказываемых) пользователем по договору коммерческой концессии. По требованиям, предъявляемым к пользователю как изготовителю продукции (товаров) правообладателя, правообладатель отвечает солидарно с пользователем (ст. 1034);

д) лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т. п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом (п. 1 ст. 1081);

е) вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге), подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет. Правила, предусмотренные настоящей статьей, применяются лишь в случаях приобретения товара (выполнения работы, оказания услуги) в потребительских целях, а не для использования в предпринимательской деятельности (ст. 1095).

1.4. *Соглашение о проведении согласованной политики в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер* от 25 января 2008 г.:

а) целесообразность проведения согласованной политики в области технического регулирования, санитарных, ветеринарно-санитарных и фитосанитарных мер (преамбула);

б) «уполномоченное изготовителем лицо» – юридическое или физическое лицо, зарегистрированное в установленном порядке государством Стороны, которое определено изготовителем на основании договора с ним для осуществления действий от его имени при подтверждении соответствия и размещении продукции на таможенных территориях государств Сторон, а также для возложения ответственности за несоответствие продукции требованиям технических регламентов ЕврАзЭС (ст. 1).

1.5. *Соглашение о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации* от 18 ноября 2010 г.

а) «декларация о соответствии техническим регламентам Таможенного союза» – документ, которым изготовитель (уполномоченное изготовителем лицо, поставщик, продавец) удостоверяет соответствие выпускаемой в обращение продукции требованиям технических регламентов Таможенного союза (ч. 1 ст. 1);

б) «декларирование соответствия» – форма подтверждения изготовителем (уполномоченным изготовителем лицом, поставщиком, продавцом) соответствия выпускаемой в обращение продукции требованиям технических регламентов Таможенного союза (ч. 1 ст. 1);

с) иные понятия, используемые в настоящем Соглашении, применяются в значении, установленном Соглашением о проведении согласованной политики в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер от 25 января 2008 г. (ч. 1 ст. 1);

д) обязательное подтверждение соответствия продукции требованиям технических регламентов Таможенного союза осуществляется в формах декларирования соответствия или сертификации. Процедуры оценки (подтверждения) соответствия устанавливаются в технических регламентах Таможенного союза на основе типовых схем оценки (подтверждения) соответствия. При декларировании соответствия заявителем может быть зарегистрированное в соответствии с законодательством Стороны на ее территории юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, либо являющееся изготовителем или продавцом, либо выполняющее функции иностранного изготовителя

на основании договора с ним в части обеспечения соответствия поставляемой продукции требованиям технических регламентов Таможенного союза и в части ответственности за несоответствие поставляемой продукции требованиям технических регламентов Таможенного союза (лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя). Круг заявителей устанавливается в соответствии с техническим регламентом (ч. 2 ст. 7).

А. А. Фомин
A. A. Fomin

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРИРОДА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

CONSTITUTIONAL NATURE OF EMERGENCY VEHICLES OF SAFETY

Необходимость исследования конституционных основ организации и функционирования органов государственной власти, с одной стороны, и гарантий реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан – с другой, в условиях экстраординарных ситуаций объясняется, во-первых, неослабевающими процессами дестабилизации общественно-политической жизни в современном мире, нарастающей волной экстремизма и национализма, активизацией оппозиционных настроений, в том числе и в российском обществе; во-вторых, необходимостью разрешения возникающих социальных конфликтов в рамках «правового поля»; в-третьих, отсутствием как в науке, так и в юридической практике однозначной позиции в отношении допустимости чрезвычайных средств управления кризисными ситуациями, точных критериев для разграничения того, что входит в предмет правового регулирования в условиях экстраординарной обстановки, а что находится вне конституционных пределов чрезвычайного (исключительного) правового режима и должно трактоваться как антиконституционный акт и злоупотребление властными полномочиями.

Существование в правовой системе государства чрезвычайных средств обеспечения безопасности¹ предопределено объективной возможностью возникновения в процессе социального развития различных экстремальных ситуаций как социально-политического или экономического характера (война, агрессия извне, вооруженное восстание, массовые беспорядки, трудовые конфликты и т. п.), так и природного характера (катастрофы, стихийные бедствия, эпидемии и т. п.), которые представляют опасность для значительного числа людей, угрозу конституционному порядку и для разрешения, нейтрализации либо ликвидации последствий которых обычные формы правового регулирования представляются недостаточными.

© А. А. Фомин, 2014

¹ В мировой практике к ним, в частности, относятся: комендантский час, ограничение свободы печати и других средств массовой информации, приостановление деятельности политических партий и иных общественных организаций, введение на территории чрезвычайной ситуации особого режима въезда и выезда, принятие дополнительных мер по усилению охраны общественного порядка, запрещение или ограничение проведения собраний, митингов, демонстраций и иных массовых мероприятий, временное отселение (эвакуация) жителей, установление карантина и проведение других обязательных санитарно-противоэпидемических мероприятий, запрещение забастовок и т. п.

Одним из наиболее оперативных способов предотвращения указанных кризисных ситуаций и стабилизации общественно-политической обстановки в государстве в целом или в его отдельных регионах является использование экстренных, так называемых чрезвычайных средств в рамках вводимого особого государственно-правового режима – контртеррористической операции, чрезвычайного (военного, исключительного, осадного) положения, стихийного бедствия, состояния войны, прямого президентского правления, федерального вмешательства и т. п. Очевидно, что управление при чрезвычайных обстоятельствах сопряжено со значительными трудностями и требует решительных, порой жестких, но обязательно регламентированных правом средств.

Не следует рассматривать чрезвычайные средства как нечто чужеродное, выпадающее из конституционно-правовой системы, противоречащее конституционным принципам права (гуманизма, равноправия, демократизма и т. п.). Задействование в правовой политике государства чрезвычайных государственно-правовых средств продиктовано задачей неотложной мобилизации всего, что необходимо для преодоления возникшей чрезвычайной ситуации, защиты интересов граждан, пресечения разгула анархии, произвола, массовых беспорядков.

Политическим обоснованием использования исключительных (чрезвычайных) средств в условиях различного рода кризисных ситуаций общественного развития является доктрина так называемой «государственной пользы». Государственная необходимость выше индивидуальной свободы. И если в нормальных условиях государственной и общественной жизни государство признает и гарантирует индивидуальную свободу, то в условиях чрезвычайных оно жертвует ею ради интересов безопасности, а может быть, и самого существования государства². По словам Ш. Монтескье, «в государствах, где наиболее дорожат свободой, существуют законы, позволяющие нарушать свободу одного, дабы сохранить ее для всех... Опыт народов самых свободных, какие когда-либо существовали на земле, заставляет признать, что бывают обстоятельства, когда необходимо на некоторое время набросить покров на свободу, как некогда его набрасывали на статуи богов»³. «В жизни государства бывают такие моменты, – писал Н. М. Коркунов, – когда дело идет о сохранении его целостности и независимости, когда от данной минуты зависит самое бытие государства. В этих случаях недостаточно бывает общих полицейских мер и государство должно прибегнуть к исключительным мерам охраны, обуславливающим собою временные ограничения гражданской свободы»⁴.

Наличие чрезвычайных предупредительно-защитных (по своей организационно-правовой природе) средств обеспечения безопасности жизнедеятельности населения территорий и объектов при экстремальных обстоятельствах является необходимым элементом конституционного законодательства большинства стран мира с любой формой правления. Однако объем и место чрезвычайных средств в правовой системе государств различны в зависимости от характера политического режима. В странах с авторитарными режимами практически все законодательство, имеющее отношение к вопросам организации и устройства государственной власти, прав и свобод личности, значительная часть уголовного законодательства носят чрезвычайный характер. Причем устанавливаемый чрезвычайными средствами особый режим здесь является постоянно действующим⁵. В таких условиях институт чрезвычайного регулирования используется больше в целях захвата и удержания государственной власти, чем для обеспечения безопасности граждан, гражданского согласия, защиты социальных ценностей. Не случайно известный немецкий философ и публицист Карл Ясперс в книге «Куда движется ФРГ?», о которой до сих пор много пишут и спорят в Германии и во всем мире, высказал идею о том, что «нет никакой возможности предотвратить злоупотребление чрезвычайными законами, ибо в принципе они исключают всякий контроль...»⁶.

² Гессен В. М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 109.

³ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 330–331.

⁴ Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX века. Хрестоматия / сост. Ю. Н. Стариков. Воронеж, 1999. С. 283.

⁵ Троицкий С. В. Акты чрезвычайного законодательства в Шри-Ланке / Источники права. М., 1985. С. 117.

⁶ Ясперс К. Куда движется ФРГ. М., 1969. С. 56–57.

В демократических государствах чрезвычайным средствам обеспечения безопасности придан характер конституционного института. Парадокс подобных политико-правовых решений заключается в том, что они, несмотря на ограничения прав и свобод личности, как раз и обеспечивают их соблюдение и защиту при возникновении чрезвычайных ситуаций. Конституционная сущность правового регулирования в чрезвычайных условиях состоит в том, чтобы всеми допустимыми международным правом и Конституцией РФ способами обеспечить сохранение демократических ценностей при чрезвычайной ситуации, дать государству все возможности для быстрого и эффективного отражения любой опасности, угрожающей безопасности социума. Правовая неопределенность в таких условиях может привести к произволу, усугубить обстановку социальной напряженности.

В общественной практике исключительные (чрезвычайные) средства использовались в государственной политике для установления авторитарных и тоталитарных режимов, «узаконивали» массовые репрессивные акции и служили для устрашения населения (под предлогом кризисных ситуаций и обеспечения внутренней или внешней безопасности, без наличия реальных угроз). Поэтому пользоваться чрезвычайными средствами и методами следует крайне осторожно, так как они имеют свойство укореняться в политической действительности и давать рецидив уже в обычных условиях.

АБРАМОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

Родилась во Владивостоке. Окончила юридический факультет Дальневосточного государственного университета.

Доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: enastar@mail.ru

ABRAMOVA ELENA

Was born in Vladivostok. Graduated from faculty of law of Far East State University. Senior lecturer of the chair of civil law of St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: enastar@mail.ru

АВЕРЬЯНОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась в г. Чебоксары. В 2006 г. окончила юридический факультет Российского университета кооперации.

Доцент кафедры правового регулирования экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат экономических наук.

Контактная информация для переписки:
avolga30@yandex.ru

AVERIANOVA OLGA

Was born in Cheboksary. In 2006 graduated from faculty of law of Russian University of Cooperation. Senior lecturer of the chair of legal regulation of economy of St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of economic sciences.

E-mail: avolga30@yandex.ru

АНДРЕЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА

Родилась в г. Великие Луки Псковской области. Окончила Калининградский государственный университет по специальности «юриспруденция».

Доцент кафедры финансового и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат юридических наук.

Контактная информация для переписки:
elenaandreeva09@mail.ru

ANDREEVA ELENA

Was born in Velikie Luki of Pskov region. Graduated from Kaliningrad State University, majoring in «Jurisprudence».

Senior lecturer of the chair of financial and administrative law of St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of jurisprudence.

E-mail: elenaandreeva09@mail.ru

АНТОНОВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1947 г. в г. Паневежис (Литовская ССР). Окончил факультет автоматики и вычислительной техники Ленинградского электротехнического университета им. В. И. Ульянова (Ленина). Кандидат технических наук, доцент. Директор Института права.

Заместитель декана юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактная информация для переписки: vicktor@finec.ru

ANTONOV VICTOR

Was born in 1947 in Panevezys (Lithuania). Graduated from faculty of Automation and Computer Engineering of the Leningrad Electrotechnical University of V. I. Ulyanov (Lenin). Candidate of technical sciences, senior lecturer. Director of the Institute of Law.

Deputy Dean of the law faculty of St.-Petersburg State University of Economy.

E-mail: vicktor@finec.ru

БАРАНЕЦКИЙ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1989 г. в г. Тосно. Окончил Институт правоведения и предпринимательства по специальности «юриспруденция». Аспирант Института правоведения и предпринимательства. Контактная информация для переписки: inspfosn2@rambler.ru

BARANETSKY OLEG

Was born in 1989 in Tosno. Graduated from Institute of Law and Business, specialty – jurisprudence. Postgraduate from Institute of law and business.

E-mail: inspfosn2@rambler.ru

БОЛОТИНА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА

Профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Доктор юридических наук, профессор. Контактная информация для переписки: boloti-elena@yandex.ru

BOLOTINA ELENA

Professor of the chair of constitutional law of St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: boloti-elena@yandex.ru

ГУНЬКО ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1957 г. в Белоруссии. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов.

Старший преподаватель кафедры правового регулирования экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактная информация для переписки: wass_pol@mail.ru

GUNKO VASILIIY

Was born in 1957 in Belarus. Graduated from St.-Petersburg State University of Economy and Finance. Senior lecturer of the chair of legal regulation of economy of St.-Petersburg State University of Economy.

E-mail: wass_pol@mail.ru

ЕРМОЛОВИЧ ГЕННАДИЙ ПАВЛОВИЧ

Родился в 1955 г. в Ленинграде. В 1982 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова.

Профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: ermspb@list.ru

ERMOLOVICH GENNADY

Was born in 1955 in Leningrad. In 1982 graduated from faculty of law of the Leningrad State University of A. A. Zhdanov. Professor of the chair of international law of St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: ermspb@list.ru

КАПУСТИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1957 г. в г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области.

Окончил юридический факультет Томского государственного университета.

Доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки:

np.sovety.uristam@mail.ru

KAPUSTIN ALEXANDER

Was born in 1957 in Leninsk-Kuznetsk of Kemerovo region. Graduated from faculty of law of Tomsk State University. Senior lecturer of the chair of civil law of St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: np.sovety.uristam@mail.ru

КОЛОМЕЙЦЕВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

Родилась во Владивостоке. Окончила юридический факультет Дальневосточного государственного университета.

Заместитель декана юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки:

kolomeyseva66@mail.ru

KOLOMEITSEVA TATIANA

Was born in Vladivostok. Graduated from faculty of law of Far East State University. Deputy Dean of law faculty of St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: kolomeyseva66@mail.ru

КУЗЬМИН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1957 г. в г. Луга Ленинградской области. Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. Санкт-Петербургская городская коллегия адвокатов, адвокат.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: Kyzmins57@mail.ru

KUZMIN SERGEY

Was born in Luga of Leningrad region in 1957. Graduated from Leningrad State University, faculty of law.

St.-Petersburg City Bar Association, a lawyer.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: Kyzmins57@mail.ru

МАМОНОВ ВАДИМ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в Липецке в 1975 г. Окончил Саратовскую государственную академию права.

Декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки:

mamonov1975@yandex.ru

MAMONOV VADIM

Was born in Lipetsk in 1975. Graduated from the Saratov State Academy of law.

Dean of law faculty of St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence, professor.

Email: mamonov1975@yandex.ru

НУРЫШЕВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.
 Доктор политических наук, профессор.
 Контактная информация для переписки:
 dept.kmp@unecon.ru

NURYSHEV GENNADY

Professor of the chair of international law of St.-Petersburg State University of Economy.
 Doctor of political sciences, professor.
 E-mail: dept.kmp@unecon.ru

ОЗЕРОВ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ

Доцент кафедры правового регулирования экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.
 Контактная информация для переписки:
 dept.kpre@unecon.ru

OZEROV VLADIMIR

Senior lecturer of the chair of legal regulation of economy of St.-Petersburg State University.
 E-mail: dept.kpre@unecon.ru

ПАСТЕРНАК СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА

Заместитель заведующего кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.
 Кандидат юридических наук, доцент.
 Контактная информация для переписки:
 dept.kkp@unecon.ru

PASTERNAK SVETLANA

Deputy Head of the chair of constitutional law of St.-Petersburg State University of Economy.
 Candidate of jurisprudence, senior lecturer.
 E-mail: dept.kkp@unecon.ru

РОГАЧЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ

Родился в 1965 г. в Ленинграде. В 1989 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета.

Профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор юридических наук.

Контактная информация для переписки: zadanie@mail.ru

ROGACHEVSKIY ALEXANDER

Was born in Leningrad in 1965. Graduated from the law faculty of Leningrad State University. Professor of the chair of international law of St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence.

E-mail: zadanie@mail.ru

СОКОЛОВ ТИМУР ВИКТОРОВИЧ

Родился в 1988 г. в селе Мамоново Маслянинского района Новосибирской области. Окончил Юридический институт Томского государственного университета и аспирантуру Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Преподаватель кафедры государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета.

Контактная информация для переписки: tvс_2008@mail.ru

SOKOLOV TIMUR

Was born in 1988 in the village of Mamonowo, Maslyaninsky district of the Novosibirsk region. Graduated from the Law Institute of Tomsk State University and postgraduate from Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Lecturer of the chair of state and administrative law of St.-Petersburg State University.

E-mail: tvс_2008@mail.ru

СУББОТИН ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактная информация для переписки: theopol@yandex.ru

SUBBOTIN YURIY

Senior lecturer of the chair of theory and history of state and law of St.-Petersburg State University of Economy.

E-mail: theopol@yandex.ru

ТЕРЕЩЕНКО ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА

Родилась в г. Кировск Мурманской области. В 2004 г. окончила юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, член Королевского Института Арбитров (Member of CIArb, London), арбитр Международного третейского суда «IUS», адвокат Адвокатского бюро «Прайм Эдвайс Санкт-Петербург» (Санкт-Петербург).

Контактная информация для переписки: pasic2002@mail.ru

TERESHCHENKO TATIANA

Was born in Kirovsk of the Murmansk region. In 2004 graduated from faculty of law of the St.-Petersburg State University. Senior lecturer of the chair of civil law of St.-Petersburg State University of Economy. Member of the Chartered Institute of Arbitrators (Member of CIArb, London), referee of International Arbitration Court «IUS», lawyer at the law office «Prime Advice Saint-Petersburg» (St.-Petersburg).

E-mail: pasic2002@mail.ru

ФОМИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1977 г. в Пензе. Окончил факультет юстиции Саратовской государственной юридической академии по специальности «юриспруденция».

Профессор кафедры конституционного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: fominpenza@mail.ru

FOMIN ALEXANDER

Was born in 1977 in Penza. Graduated from the faculty of justice of Saratov State Academy of law, specialization – jurisprudence. Professor of the chair of constitutional law of St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: fominpenza@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ученые записки юридического факультета» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – правоведов, юристов-практиков, сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления.

Присланные авторами статьи проходят обязательное рецензирование. Материалы студентов, аспирантов и соискателей принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации необходимо представить в редакцию рукопись в двух формах – на бумажном и электронном носителях. Средний объем рукописи 0,5–1,0 авторских листа (20 000–40 000 знаков, включая пробелы). Текст рукописи должен быть представлен в формате: Word for Windows, формат страницы А4 (210x297), поля – 20 мм, шрифт Times New Roman, размер шрифта (кегель) – 14, интервал – полуторный. Пристатейный библиографический список оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Кроме файла с основным текстом статьи, должен быть представлен отдельный файл с информацией об авторе/ах:

- фамилия, имя, отчество автора;
- год и место рождения;
- образование (с указанием высшего учебного заведения и факультета);
- место работы, должность;
- ученое звание, ученая степень (если имеются);
- контактная информация (почтовый адрес, контактный телефон и адрес электронной почты).

В приложении к тексту статьи должны быть представлены следующие сведения **на русском и английском языках:**

- фамилия, имя, отчество автора;
- название статьи;
- ключевые слова (5-6 слов) и аннотация, отражающая содержание статьи (50–250 слов).

Фотография автора/ов (отдельным файлом в формате jpeg с высоким разрешением) обязательна.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 6/8

Телефон: (812) 602-23-65

E-mail: zapiski@finec.ru; pravo@finec.ru

Научное издание

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
юридического факультета

Научный редактор А. А. Ливеровский
Выпуск 33 (43)

Редакторы *Ю. К. Мамедова, Р. Я. Гучмазова*
Компьютерная верстка – *С. В. Павлова*

Свидетельство ПИ № 77-57278 от 12 марта 2014 г. выдано Северо-Западным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Лицензия № 040050 от 15.08.96.
Подписано в печать 27.06.2014 г. Формат 60x84¹/₈ Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 10,6.
Тираж 500 экз. Заказ 277.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21